

Ответственный редактор первого издания

доктор филологических наук
Л. П. Жуковская

Рецензент второго издания

доктор филологических наук, профессор В. Б. Крысько.

Улуханов И. С.

2-е изд., исправ. и доп. М.: «Азбуковник» 2002. – 192 стр.

О языке Древней Руси

В книге рассматривается формирование и развитие основных разновидностей письменного и устного языка Древней Руси с XI по XVII в. Автор показывает, как взаимодействовали книжные и народно-разговорные элементы языка, изменялось значение слов, сменялись одни грамматические формы другими, как формировались словарный состав и грамматика современного русского языка. Описываются художественные приемы, использовавшиеся в различных произведениях XI–XVII вв.

Явления языка рассмотрены в тесной связи с такими социально-культурными явлениями, как формирование древнерусского государства, появление письменности, развитие связей со славянским югом, Византией, Западной Европой.

Книга написана в научно-популярной форме и предназначена для всех интересующихся историей русского языка и русской культуры.

На обложке помещен фрагмент листа Остромирова евангелия XI в. (рукопись хранится в Российской Национальной библиотеке, Санкт-Петербург), на титулье — миниатюра «Переписка книг» из рукописи «Житие Сергия Радонежского» XVI в. (рукопись хранится в Российской государственной библиотеке, Москва).

© И.С. Улуханов, 2002
© «Азбуковник», 2002

ISBN 5-93786-029-2

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1. ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК РУССКОЙ РЕДАКЦИИ	32
Языки близкие, но разные	32
Старославянский язык и навыки живой речи	35
Почему русские слова попадали в церковнославянский язык?	39
По книжным образцам	51
Словотворчество	53
Грамматика и орфография	57
Книжная риторика	63
2. РУССКИЙ ЯЗЫК X–XVII ВЕКОВ	78
Устная речь Древней Руси	79
Речь книжная и речь разговорная	79
Славянизмы в разговорной речи	92
Важнейшие изменения в разговорной речи	102
Русский язык в письменности	112
Язык оригинальных произведений светской литературы	114
Соединение разговорного и книжного	117
Книжные и фольклорные художественные средства	131
Деловая речь Древней Руси	140

3. СЛАВЯНИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	156
Чем определялась судьба славянизмов	
в русском языке?	156
Как славянизмы изменяют свое значение?	164
Количественные изменения	
переходят в качественные	164
От конкретного к абстрактному	164
«Трафарет ситуации» и	
семантическое «заражение»	168
Калькирование.	176
В новой сфере — с новым значением	178
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	184
ЛИТЕРАТУРА	189

ВВЕДЕНИЕ

Язык Древней Руси — это язык далекого прошлого. Но прошлое языка постоянно напоминает о себе.

Вот несколько отрывков из «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина:

Уже Фарлаф по граду мчится,
И шум на стогнах восстает...
В полях наездники мелькают,
Вдали подъемля черный прах ...
В устах открытых замер глас,
И пал без чувств он на колена...

Как видим, устаревшие элементы языка можно встретить даже в широко известном и всеми любимом произведении: это слова, отсутствующие в современном языке (*стогна* — «площадь», *подъемля* — «поднимая») или малоупотребительные (*град*, *глас*, *уста*), слова, выступающие в иных значениях, нежели в современном языке (*восстать* — в значении «подняться», *прах* — в значении «пыль»), наконец, устаревшие формы широкого употребительных слов (*на колена* вместо *на колени*).

Чтобы правильно понять текст многих произведений (в том числе и входящих в постоянный круг нашего чтения), зачастую необходимо знать старые значения слов, употребляющихся сейчас в других значениях. Приведем

примеры из «Евгения Онегина»:

Увы! Любовник молодой,
Поэт, задумчивый мечтатель
Убит приятельской рукой.

Слово *любовник* употреблено Пушкиным в значении «влюбленный, горячо любящий», которое не свойственно этому слову в современном языке.

Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна,
Что муж в сраженьях изувечен,
Что нас за то ласкает двор?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен,
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь?

В этом монологе Татьяны слово *соблазнительный* означает «скандальный», т.е. речь идет о «чести» соблазниителя. В современном языке это прилагательное означает только «содержащий соблазн, заманчивый, привлекающий»: например, *соблазнительное приглашение*.

Но не только устаревшие слова, их значения и формы заставляют нас обращаться к прошлому языку.

Задумывались ли вы когда-нибудь, например, над тем, почему можно сказать *причинить зло*, но нельзя — *причинить удовольствие*? Почему говорят *прервать разговор*, но нельзя *прервать нитку*? Почему в современном русском языке рядом со словами *берег*, *дерево*, *голова* имеются *прибрежный*, *древесный*, *обезглавить*? Родственно ли слово *подражать* слову *дорога*, *обвязать* — *обязать*, *гражданин* — *горожанин*, *смрад* — *смородина*?

Ответить на эти вопросы можно, лишь обратившись к истории русского языка, к языку Древней Руси.

История языка помогает узнать, как жили, мыслили наши предки, каковыми были их мировоззрение, их внутренний мир. Следы язычества можно найти, например, в таких словах, как *чаровать*, *обаяние*, *кудесник* и др. Глагол *чаровать* в древности означал «колдовать, ворожить», *обаяние* — «чародейство, волхвование», а *кудесник* — «колдун» (образовано от *кудеса* — «колдовство, чудеса»).

Старые названия часто сохраняют память о том, что находилось в названном месте, чем там занимались люди. Так, название улицы *Кузнецкий Мост* напоминает о слободе кузнецов, находившейся на реке Неглинной, через которую был перекинут мост; в начале XIX века река была заключена в трубу.

Обыденские переулки в Москве получили название по церкви Ильи Обыденного (XVII в.). Название церкви объясняется тем, что она была выстроена *обыдень*, т.е. за один день. Старое значение слова *обыденный* — «построенный или совершенный в один день» (*обыденная церковь, обыденный путь*); в современном языке слово означает «обыкновенный, заурядный».

Многие устаревшие слова или формы слов, выйдя из употребления, оставили следы в языке в составе устойчивых сочетаний, имен собственных или производных слов.

Слово *зеница* в выражении *беречь как зеницу ока* означает «зрачок», и все выражение в целом первоначально значило «беречь, как зрачок глаза». В выражении *попил в Бозе* (т. е. умер «в Боге», как подобает христианину) мы встречаемся со старой формой предложного (ме-

стного) падежа (с чередованием г-з) в *Бозе*¹. В выражении *попасть впросак* сохранилось слово *просак*, которым называли станок для кручения веревок.

Слово *мытищи* означало место, где собирали *мыто* — «пошлину за проезд и провоз багажа». Глагол *ошеломить*, по-видимому, был образован от слова *шлем* — «шлем» и означал либо «сильно ударить по голове, шлему» (по-древнерусски «по шелому»), либо «надеть шлем, опустить забрало и тем самым лишить себя слуха»; есть и другое мнение: глагол является производным от белор. *шолам* «щум».

В художественной литературе мы также встречаемся с устаревшими значениями слов, которые иногда существуют с современными. Вот пример из пьесы А. Афиногенова «Машенька»:

М а ш а. Потом анкету надо заполнить. В графе родителей мне как писать? Кто моя мать?

О к а е м о в. Хм. Мещанка, наверное.

М а ш а. Что ты, дедушка, разве можно так про маму говорить? Мещанка — это которая сплетничает, склоки любит, жадная.

О к а е м о в. Нет, нет, я имею в виду социальное происхождение, а не нравственный облик.

М а ш а. Все равно нельзя. Я напишу — домашняя хозяйка, и все.

Здесь в речи представителей разных поколений

¹ Вот как понимает эту форму маленький мальчик, герой повести В. Каверина «Неизвестный друг»: «Все цари (изображенные на гимназическом похвальном листе. — И. У.)... ездили умирать в какую-то «Бозу»: почти под каждым портретом было написано «Почил в Бозе» тогда-то». Аналогично — у А. Бруштейн («Дорога уходит в даль...»): «А почему он (Александр III) умер в Бозе? Он же был в Ливадии / Разве он оттуда переехал в Бозу?»

столкнулись два значения слова *мещанка* (образовано от слова *мъсто*, ранее означавшего «город»): старое — «женщина, принадлежавшая в старой России к городскому сословию, состоявшему из мелких торговцев, ремесленников, низших служащих и т. п.» и новое — «женщина с мелкими, ограниченными интересами и узким кругозором».

История языка объясняет нам и многие исключения, нерегулярности современной грамматики. Почему, например, в сочетании с числительными *два, три, четыре* существительные выступают в единственном числе (в родительном падеже): *два, три, четыре стола*, хотя речь идет не об одном предмете? В сочетании с другими числительными существительные выступают во множественном числе: *пять, сорок, девяносто столов*. Дело в том, что по происхождению сочетание *два стола* — это форма числительного *два* + форма так называемого двойственного числа в именительном падеже, существовавшая ранее в русском языке и указывавшая на два предмета. С утратой двойственного числа (см. об этом стр. 109) форма именительного падежа двойственного числа (*стола*) была переосмыслена как форма родительного падежа единственного числа. Склонение же числительных *три, четыре* в истории русского языка сближалось со склонением числительного *два*, поэтому и *три, четыре* стали употребляться с формами бывшего двойственного числа (*три, четыре стола*). Остальные числительные употреблялись с формами множественного числа.

Можно было бы привести еще очень много примеров связи прошлого и настоящего в языке. За отдельными разрозненными примерами стоят более общие процессы,

сыгравшие огромную роль в истории русского языка, — такие, как взаимодействие книжных и народно-разговорных элементов, изменения значений слов, смена одних грамматических форм другими и т. д. В этой небольшой книге будут кратко описаны важнейшие процессы развития языка, на котором говорили и писали на Руси в средние века (с XI по XVII в.). Мы стремимся познакомить читателя с основными разновидностями письменного и устного языка Древней Руси. Книга не содержит, конечно, систематического описания развития словарного состава, фонетического и грамматического строя русского языка. Рассматриваемые в ней явления иллюстрируются лишь отдельными примерами².

---

² Цитаты из древних памятников даются в упрощенной орфографии. Из письменных знаков, отсутствующих в современном алфавите, сохраняются лишь буква ѿ («ять») и знак «титло», ставившийся над сокращенно написанным словом, например: *бословъ* вместо *богословъ*, *глати* вместо *глаголати* — «говорить». Буквы, стоящие в древнем памятнике над строкой, вносятся в строку и ставятся в скобки. Знаки препинания древней рукописи опускаются в том случае, если они затрудняют понимание текста. Если текст цитируется по изданию, в котором уже произведено упрощение орфографии рукописи, то сохраняется орфография издания.

* * *

Как же сформировались разновидности языка Древней Руси?

Восточные славяне — предки русских, украинцев и белорусов — выделились примерно в VII—VIII вв. из общеславянского единства. С этого времени начинает свое существование и восточнославянский язык — предшественник русского, украинского и белорусского языков, выделившийся из общеславянского (или праславянского) языка — предшественника всех современных славянских языков. В настоящее время численность славян составляет около 300 миллионов человек. К славянским языкам, кроме русского, украинского и белорусского, относятся также болгарский, македонский, сербохорватский, словенский, польский, чешский, словацкий, лужицкие языки — верхний и нижний, полабский (исчезнувший в конце XVIII в.). Общеславянский язык задолго до нашей эры выделился из индоевропейского языка-основы. Читателя, желающего подробнее узнать об этих процессах, мы отсылаем к научным и научнопопулярным работам о происхождении языка и отдельных языковых семей (12, 40, 64, 65, 72, 73)³.

На восточнославянском языке говорили племена (поляне, древляне, дулебы, уличи, тиверцы, так называемые «белые хорваты», северяне, вятичи, радимичи, дреговичи, кривичи и словене ильменские), заселявшие западную и центральную часть Европейской части бывшего СССР — от Нижнего Поднепровья на юге до Ладожского озера на севере.

---

³ Цифры, стоящие в скобках, здесь и далее означают номер по списку литературы, помещенному в конце книги.

В IX в. в среднем течении Днепра, на территории, заселенной полянами, возникло феодальное государство — Киевская Русь, объединившее вокруг себя восточнославянские племена, которые составили древнерусскую народность. Кроме Киева — «матери русских городов» — еще в VIII–IX вв. возникли Смоленск, Псков, Изборск, Полоцк, Искорostenь, Чернигов и др. Страной городов («Гардарикой») называли скандинавы Киевскую Русь. Молодое, но могущественное государство вступает в культурное общение с Византией, Болгарией, Венгрией, Чехией, Польшей. Изделия русских мастеров становятся известными далеко на Западе и на Востоке. Строятся красивые здания. Важнейшим культурным событием было появление письменности.

Какие-то элементы письма, очевидно, существовали у славян и ранее: черноризец (т.е. монах) Храбр — автор сказания «О письменах», написанного в конце IX в., сообщает о «чертаках и резах» как о знаках какого-то письма. Но никаких следов этого письма не найдено. Очевидно, это были надрезы и черточки на дереве, имевшие значение чисел. Отдельные надписи так называемого кирилловского письма (т.е. того же письма, которым мы пользуемся и в настоящее время) относятся к X в.

В 1949 г. под Смоленском около села Гнездово была открыта первая русская кирилловская надпись. Она была сделана в середине X в. на сосуде. Одни ученые читают ее как *горухица*, другие — как *горушна*, третьи — как *горуница* (44), четвертые — как *горубна* — с обозначением мягкости *н* (65). Возможно, надпись означала, что в сосуде хранятся горчичные зерна, или — это наиболее вероятно — что сосуд принадлежал человеку по имени *Горун*.

В X в. на Русь стали поступать из Болгарии церковные книги, написанные на старославянском языке.

Особенно усилился их приток после того, как Русь приняла христианство в 988 г. Это, естественно, способствовало все большему распространению письменности. Книги переписывались восточнославянскими писцами, которые таким образом усваивали особенности старославянского языка. Что же представлял собой этот язык?

Старославянский язык — это язык, на котором написаны первые письменные памятники славянства: переведенные с греческого языка во второй половине IX в. Евангелие, Апостол, Псалтырь и другие богослужебные книги. Перевод был осуществлен братьями-греками Константином (827–869 гг.) и Мефодием (ок. 815–885 гг.), жившими в Солуни (современные Салоники) и хорошо знавшими славянский язык местного

населения. Константину (в монашестве Кириллу) принадлежит заслуга создания первой славянской азбуки. До Кирилла славяне, по-видимому, неупорядоченно употребляли для письма и счета буквы греческого алфавита.

Известны две древнейшие славянские азбуки — глаголица и кириллица. Несмотря на то, что кириллица названа по имени Кирилла, ученые на основании ряда убедительных фактов полагают, что Кирилл (Константин) создал не кириллицу, а глаголицу (очевидно, в 862 г.). По мнению одних ученых, глаголица была создана на основе греческого минускульного письма (т.е. греческой скорописи), по мнению других, — на основе специальных знаков греческого письма, употреблявшихся для сокращения слов, для ускорения письма, для обозначения терминов в текстах ученого содержания, для целей криптографии (тайнописи) и магии (16, стр. 305). Глаголица распространилась главным образом в Моравии, Македонии и Хорватии.

Кириллица возникла позднее глаголицы, очевидно в первой половине X в., и получила распространение в Болгарии, Сербии, в румынских княжествах и на Руси. Кириллический алфавит был создан на основе греческого устава (крупного почерка, характеризующегося тщательно выведенными буквами); при этом неупорядоченно использовавшееся славянами греческое письмо было усовершенствовано по образцу глаголицы, приспособлено к особенностям славянской речи.

Дальнейшая судьба славянских азбук была неодинакова. Начиная с XII в., глаголица почти во всем славянском мире выходит из употребления. Лишь в Болгарии и Хорватии она ограниченно использовалась до конца XVIII в. На Руси глаголица не играла существенной роли.

Отдельные ее элементы можно встретить в памятниках, написанных кириллицей, а также в некоторых надписях. В более позднее время ее иногда употребляли в качестве тайного письма. Кириллицей же (в несколько упрощенном виде) мы пишем до сих пор.

О деятельности Кирилла и Мефодия нам известно главным образом из их биографий (житий), написанных их учениками, из документов, написанных на латинском языке разными лицами, жившими в Риме в то же время, что Кирилл и Мефодий, а также из сочинения «О письменах» черноризца Храбра. Последний так пишет о создании первой славянской азбуки: «Пото(м) же члвколюбец бъ... посла имъ стго костянтина философа, нарицаемаго кирила мужа праведна и истинна, и створи и(м) писменъ. тридесяте и осмъ, ова убо по чину гръческихъ писменъ, ова (ж) по словенъстѣ ръчи... Се же су(т) писмена словенъская. сице и(х) подобае(т) писати и глашати. а. б. в. даже до а и о(т) сихъ су(т) четыри между десятъма. подбна гръческихъ писмено(м)... а четыре на десяте по словенъскому языку... [Потом же человеколюбец Бог... послал им (т.е. славянам) святого Константина философа, называемого Кириллом, мужа праведного и истинного. И он создал им азбуку, состоящую из тридцати восьми букв, часть — по образцу греческих букв, а часть — применительно к славянской речи... Вот славянские буквы. Их следует писать и произносить так: а. б. в. и так до а. И из них 24 буквы подобны греческим буквам... а 14 созданы для славянского языка]».

В основу языка древнейших славянских переводов с греческого Кирилл и Мефодий положили хорошо известный им говор славянского населения Солуни — древнеболгарский (южнославянский) в своей основе. В процессе перевода этот говор подвергся известной об-

работке, нормализации, приспособлению к устоявшимся особенностям греческих текстов. Рукописи Кирилла и Мефодия не сохранились, и о старославянском языке мы можем судить на основании более поздних памятников (Х и XI вв.).

Книги, написанные на старославянском языке, получили широкое распространение уже в конце IX в. Этому способствовала просветительская деятельность Константина и Мефодия в Великой Моравии⁴ и Паннонии⁵ (864–867 гг.). Затем братья отправились в Рим, где их принял папа Адриан II. В Риме Константин заболел и умер. Мефодий и многочисленные ученики братьев продолжили начатое им дело.

Распространяясь вместе с книгами по территории, занятой славянами (в Моравии, Чехии, Паннонии, у болгар, сербов и хорватов, у восточных славян), старославянский язык впитывал в себя особенности местных говоров. Так в XI–XII вв. образовались местные редакции (разновидности) старославянского языка. Совокупность этих редакций — русской, болгарской, македонской, сербской, хорватской глаголической, западнославянской (чешской) и румынской — носит название церковнославянского языка.

На протяжении всего средневекового периода церковнославянский язык был общим литературным языком славян восточного обряда (или православных славян).

⁴ Великая Моравия (Великоморавская держава) — государство западных славян в IX–X вв. на территории современной Южной Моравии (Чешская Республика).

⁵ Паннония — бывшая римская провинция, в IX в. населенная славянами; расположена между реками Дравой и Дунаем в западной части современной Венгрии вокруг озера Балатон.

УЛІЧЕСКѢМЪЖЕ
ГЛѢШИ· НАБНІЩЕ
ГЛѢЩОУКМОУ· Въ
ЗГЛАСНОУРЪ· Но
БРАЦЬСЛГЪ· ВъЗъ
· ЕНАПЕРАННІ
МАНДПЕТРЪ· СЛО
ВОГНѢ· ІАКОЖЕРУ
ЕМОУ· ІАКОПРЕЖДЕ
ДАЖЕСВЪГЛА
СНТЬКОУРЪ· ТОН
КРДЫЮТЪВОЖЕ
ШИСЛМЕНЕ· НІШЬ
ДЪВЪНЪПЛА· КА
САГОРЬКО· ИМЖ
ЖИДРЪЖАЩІСНГУ
САРГЛАХЛСАКИ
БНІЛШЕ· НДАКОЫ

Къшениниахло
лицъ· въпраша
хъженглішѣ· про
въцикътоистъ
ударннта· ни
намъногахула
щѣгллахлань·
А· Ф· Сушил· Възно·
дешастианафгѣпетор·
ко· дадрестья· ици·
тапа· А· Еудам·

Лаватеквіїрнісътншиспом
спомалапнати фгаки· помужи
з· пнати· вѣл· Ф· Ф· Акнита
з· хъеэлѣ· Ф· С. Написахъжесу
з· лнѣ се· рабо тхіонаре упослуху
з· вѣкінки мифа· дамыкъстн
з· мір· влізкоулацундаки вугані

Страница «Остромирова евангелия» 1056–1057 гг.; в правом нижнем углу запись писца. В записи упоминается имя новгородского писца Остромира, для которого была написана эта рукопись.

На старославянский, а позднее на церковнославянский язык были переведены с греческого сочинения византий-

ских церковных и светских писателей. В процессе перевода создавались средства передачи абстрактных понятий, вырабатывалась славянская политическая и религиозно-философская терминология.

Первыми письменными текстами, известными нашим предкам — восточным славянам, были, по всей вероятности, тексты, написанные на старославянском языке, и в этом огромное значение последнего в развитии русского языка и русской культуры.

Таким образом, уже в X–XI вв. на Руси существовал не только исконный по происхождению восточнославянский (древнерусский) язык, но и церковнославянский язык (старославянский в своей основе). О взаимодействии и взаимовлиянии этих языков свидетельствуют многие памятники письменности. Распределение восточнославянских и церковнославянских элементов в письменности было тесно связано с жанром произведения, а сами жанры в письменности Древней Руси выделялись на основе темы произведения, определялись его предназначенностю.

Церковнославянский язык распространялся на Руси прежде всего как язык церкви. Поэтому естественно, что на нем писалось все, что было связано с церковной тематикой, и прежде всего канонические книги Священного Писания (Евангелие, Апостол и Псалтырь) Древнейшая из дошедших до нас книг, написанных на Руси, — «Остромирово евангелие» 1056–1057 гг. Но более древним текстом является найденная летом 2000 г. в Новгороде так называемая цера — вощенная дощечка, на которой процрапан текст — 75-й и 76-й псалмы Давида. Цера относится к самому началу XI в и «сделана русским человеком, с характерными ошибками и описками, которые ни болгарин, ни серб не могли допустить» (Общая газета, 2–8 ноября

2000 г.). Первый на Руси полный библейский свод всех книг Нового и Ветхого завета, написанных на церковнославянском языке, был составлен в конце XV в. Руководил этой работой новгородский архиепископ Геннадий (умер в 1505 г.), по имени которого свод был назван Геннадиевской Библией. Эта рукопись, объемом более 2000 страниц, послужила основой для первой печатной Библии, изданной в Остроге (город, известный с 1100 г., находящийся сейчас в Ровенской области) в 1581 г. Острожская Библия была переиздана в Москве в 1663 г. При императрице Елизавете Петровне в 1751 г. вышло новое исправленное издание Библии (Елизаветинская Библия), подготовка которого длилась несколько десятилетий. На русском языке книги Священного Писания стали появляться в XIX в.: в 1818 г. было опубликовано Евангелие, в 1822 г. — Псалтырь, а в 1876 г. — полная Библия — так называемый Синодальный перевод, одобренный Святым правительствующим Синодом. Этот перевод переиздается вплоть до настоящего времени по новой орфографии.

На церковнославянский язык переводились также сочинения греческих авторов. Профессиональные переводчики, несомненно, существовали на Руси уже в начале XI в. Об этом свидетельствует запись, помеченная в летописях 1037 г. Речь идет о сыне Владимира Святославича князе Ярославе Мудром: «Ярославъ... книгамъ прилежа и почитая е часто в нощи и въ днѣ. и собра писцъ многы. и прекладаше о(т) Грекъ н(а) Словѣньское писмо. и списаша книги многы [Ярослав... к книгам проявлял усердие и часто читал их ночью и днем. И собрал писцов множество, которые переводили с греческого на славянский язык. И написали они много книг]» («Повесть временных лет»).

С греческого языка переводились сочинения видных

христианских церковных деятелей (так называемых «отцов церкви») — представителей патристики (от греч. πατήρ, лат. pater — «отец») — совокупности религиозных, философских и политических учений II—VIII вв.

К числу отцов церкви, сочинения которых были известны на Руси, относились: Григорий Назианзин (Григорий Богослов) (ок. 330 — ок. 390 гг.) — греческий поэт и прозаик, церковный деятель и мыслитель, епископ города Назианза (Малая Азия); Василий Великий (Василий Кесарийский) (ок. 330—379 гг.) — теолог, философ-платоник, епископ города Кесарии (Малая Азия); Иоанн Златоуст (ок. 350—407 гг.) — представитель греческого красноречия, епископ города Константинополя; Иоанн Дамаскин (ок. 675—753 гг.) — византийский богослов, философ и поэт, и др.

Язык книг Священного Писания и сочинений отцов церкви представлял собой тот образец, на который ориентировались славянские (в том числе древнерусские) писатели, создававшие произведения на церковнославянском языке. Многие из этих сочинений не могут быть до конца поняты без знания библейско-канонической литературы и творений отцов церкви (69, стр. 55, 56).

Помимо этих сочинений, с греческого языка переводились жития, церковные уставы, а также историко-повествовательная и географическая литература. В частности, в XI в. была переведена «Хроника Георгия Амартола» (т.е. Грешника) — византийского монаха, жившего в середине IX в. и изложившего в своем произведении события от «с сотворения мира» до начала IX в., а также «История Иудейской войны» Иосифа Флавия — историка и военачальника (I в. н. э.), поселившегося в Риме после Иудейской войны (66–73 гг.).

В домонгольский период на Руси было сделано не менее тридцати переводов с греческого.

«Хроника Георгия Амартола», список 1386 г.

В первых переводах, помимо русских переводчиков, по-видимому, принимали участие южные славяне (болгары). Об этом свидетельствуют данные языка.

Высшее духовенство Киевской Руси, несомненно, владело греческим языком, на котором могла вестись архиерейская служба и который был родным для киевских митрополитов: они, как правило, были греками. Интересно, что некоторые греческие слова и выражения, часто повторявшиеся в церковной службе, были своеобразно переосмыслены в живой речи. Так, глагол *куролесить* восходит к греч. выражению *κύριε ἐλέησον* «Господи, помилуй», повторявшемуся (иногда нестройно) в русской церкви. Источником устаревшего междометия *исполать* «хвала, слава» («Исполать тебе, добрый молодец») является греч. *εἰς πολλὰ ἔτη* «многая лета» (69, стр. 33).

Кроме переводов с греческого языка, в Древней Руси были известны переводы с латинского, еврейского, а также с чешского, польского и немецкого языков.

Однако в это время (XI–XII вв.) на Руси занимались не только переписыванием и переводом книг. Сохранились оригинальные произведения, написанные уже в XI в. древнерусскими писателями на церковнославянском языке. К числу таких произведений относятся, например, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (середина XI в.) — панегирик, прославляющий «благодать» — символ христианства; «Житие Феодосия Печерского» (конец XI в.) — биография-прославление основателя Киево-Печерского монастыря Феодосия Печерского (умер в 1074 г.), «Чтение о Борисе и Глебе» (конец XI в.) и «Сказание о Борисе и Глебе» (начало XII в.) — рассказы о праведной жизни и мученической смерти младших сыновей киевского князя Владимира Святославича, убитых в 1015 г. в междуусобной борьбе

въправамъ. охъбѣгннаше
аъкоу же славакъвѣкы
въкомъ. аминъ.

С КЪГДЛЪСЪКА
с заннк. нестрастнпохвала.
с отъюи мрѣкѹ бориса. нглѣ.
с ба гнблгвнсче
одъпрактнхъблгословн
тасаргчепркъ. не жма
нхъвъблгословленнвѹ
деть. си фоуквистъ млад
мъпрежънхъ. сауциюса же
лражъюльсенроу съ тѣнбс
али колоднмисоу нтуся

Страница из «Успенского сборника» XII в.
Начало «Сказания о Борисе и Глебе»

их братом Святополком. И в дальнейшем — вплоть до XVII в. — церковнославянский язык господствовал во всей церковной письменности: в книгах Священного Писания, житиях святых, сводах церковных правил, проповедях, поучениях, посланиях церковных деятелей и т. п. На церковнославянском языке писались и некоторые политические, исторические и научные сочинения.

В общем объеме письменности, дошедшей до наших дней, безусловно преобладают богословские тексты, написанные на церковнославянском языке. Так, среди книг XI–XIV вв. сохранилось 370 евангелий и почти 100 списков Апостола, но лишь два списка летописи (I Новгородская и Лаврентьевская) (23, стр. 37). По-видимому, это более или менее правильно отражает реальное соотношение памятников церковнославянского и древнерусского языков, характерное для русского средневековья (хотя определенную поправку следует сделать на то, что у церковных памятников было больше шансов сохраниться, нежели у светских). По подсчетам ученых, в XI–XIII вв. на Руси существовало примерно 10 тыс. церквей и 200 монастырей, в которых имелось не менее 85–100 тыс. книг. Церковь оказывала огромное влияние на все средневековое общество. «Средние века, — писал Ф. Энгельс, — присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию»⁶. Господство церкви в сфере культуры и просвещения и определило преобладание церковнославянского языка в письменности Древней Руси. В устной разговорной речи церковнославянский язык не применялся. Он звучал, по-видимому, только в богослужении и торжественных речах, произносившихся по написанному тексту. О церковнославянском языке рассказывается в первой главе этой книги.

Вторая глава посвящена русскому языку X–XVII вв. В ней мы сначала знакомим читателя с сохранившимися в письменных памятниках записями устной речи Древней Руси и с важнейшими изменениями, которые претерпела устная речь в средние века. Затем рассмотрен письменный русский язык X–XVII вв.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 314.

Письменность на древнерусском языке возникла уже вскоре после появления на Руси книг на старославянском языке. Язык летописей, язык многих художественно-повествовательных произведений (см. стр. 113–140), возникших на Руси, существенно отличается от церковнославянского языка обилием слов и форм, свойственных древнерусской народной речи. Вместе с тем в этих произведениях находим и элементы, заимствованные из церковно-книжных сочинений. Летопись и художественно-повествовательные произведения — это та сфера письменности, где народно-разговорные элементы взаимодействовали с церковно-книжными.

Кроме того, существовал еще один вид письменности на русском языке. Он подвергся минимальному влиянию церковнославянского языка. Это тексты юридического содержания — древнейший свод русских законов «Русская правда», а также грамоты — рукописные акты, юридически закрепляющие конкретные деловые соглашения.

При раскопках, проведенных в послевоенные годы в Новгороде, а позднее и в ряде других городов России, Белоруссии и Украины, был обнаружен новый вид письменности, неизвестный ранее науке, — грамоты, написанные на бересте. Это деловые записи, подсчеты, документы, а также письма. Они относятся к XI–XV вв. Язык этих памятников также почти полностью лишен книжнославянского влияния.

Церковнославянский язык и русский язык, на котором написаны русские летописи и художественно-повествовательные произведения, обычно рассматриваются лингвистами как литературные языки (или, учитывая их родство и близость, — как два «типа» литературного языка: книжно-славянский и народно-литературный).

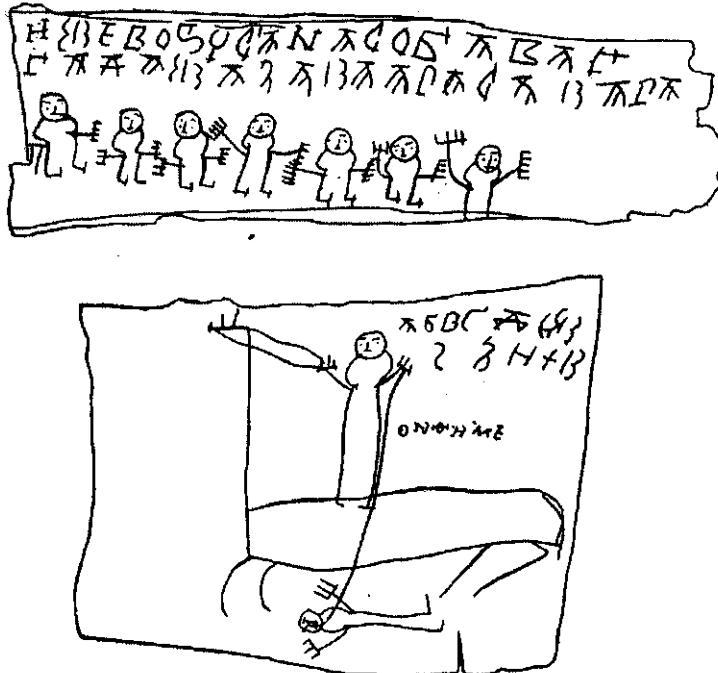

Рисунок шести-семилетнего мальчика Онфима (Новгородская берестяная грамота XIII в.). На ней нацарапаны начало азбуки и всадник, поражающий врага. Надпись «Онфиме», помещенная рядом с фигурой всадника, свидетельствует о том, что Онфим рисовал «автопортрет».

Заметим, что термин **литературный (язык)**, восходящий в конечном счете к лат. *littera* — «буква» (ср. лат. *litteratura* — «написанное, рукопись, сочинение»), применительно к русскому языку употребляется в двух значениях: по отношению к русскому языку нового времени

(XVIII–XX вв.) он обозначает обработанную стандартизованную и нормированную форму языка, обслуживающую все сферы культурной и общественной жизни нации, а применительно к языку средневековья (X–XVII вв.) — это язык религиозно-философской, исторической, научной и художественно-повествовательной литературы. Язык деловых документов и частных писем средневековья, как не входящий в сферу литературы, обычно не включается и в сферу литературного языка. Некоторые лингвисты не называют язык X–XVII вв. литературным, предпочитая термин **письменный язык** (26, стр. 42).

Как видим, на Руси существовало литературное двуязычие: в качестве литературных функционировали как церковнославянский, так и русский язык, представленный в оригинальных произведениях светской литературы.

В третьей главе рассмотрена история славянизмов в русском языке. Славянизмы — это слова, их значимые части (морфемы) и устойчивые сочетания слов, заимствованные из старославянского или из церковнославянского языков.

Старославянский язык был языком, родственным живому восточнославянскому (древнерусскому) языку, на котором говорили восточные славяне. Сложившись на южнославянской основе, старославянский язык имел очень много слов (и среди них наиболее употребительных, таких, как *земля, вода, домъ, князъ, богъ* и т. п.), общих с древнерусским языком. Правила склонения, спряжения слов, сочетания слов в предложении в значительной своей части также совпадали. В настоящее время русский может объясняться со славянином (скажем, с болгарином), говорящим на близкородственном языке, а 900–1000 лет назад славянские языки были еще ближе, чем современные.

Чтобы читателю была ясна степень разницы между древнерусским и старославянским языками, мы перечислим почти все наиболее существенные различия между ними. Многие различия старославянских и русских слов объясняются разными фонетическими (звуковыми) изменениями, пережитыми старославянским и древнерусским языками. Так, в праславянском языке были сочетания *ор*, *ол*, *ер*, *ел* между согласными, которые в старославянском языке изменились в *ра*, *рѣ*, *ла*, *лѣ* (неполногласные сочетания), а в древнерусском — в *оро*, *ере*, *оло* (полногласные сочетания); этим и объясняются различия в звучании слов *страна* и *сторона*, *власть* и *волость* и т. д.

Первые заимствованы из старославянского языка, т.е. являются славянизмами, вторые — исконно русские. Неодинаковыми фонетическими изменениями объясняются и такие соотношения, как старославянские *жд*, *щ* — русские *ж*, *ч* (в случаях типа *чуждый* — *чужой*, *мощь* — *мочь*, ср. *мочи нет*), начальные *ра*, *ла*, *е* в соответствии с русскими *ро*, *ло*, *о* (*равный* — *ровный*, *ладья* — *лодка*, *единый* — *один*) и др.

В сочетаниях с плавными звуками (т.е. *л*, *р*) редуцированные (т.е. ослабленные) звуки *ъ* и *ь* (см. стр. 103) между согласными в старославянском языке не произносились (произносился слоговой плавный — [т *ръ*, *смрть*]), а в русском *ъ* и *ь* произносились перед плавными (древнерусские *търгъ*, *смърть*, из которых получились современные слова *торг* и *смерть*).

Существовали и различия в образовании форм слов. Звуку *а* (т.е. носовому *e*) старославянского языка в конце некоторых форм существительного и прилагательного в древнерусском языке соответствовало окончание *ѣ*

(«ять» — особый, утраченный ныне звук, см. стр. 103). Это имело место в следующих формах существительного (в так называемой мягкой разновидности склонения, т.е. после мягких согласных): в родительном падеже единственного числа существительных женского рода на *-а*: старославянское *из земла* — древнерусское *из землѣ* (современное *из земли* возникло под влиянием твердой разновидности: *от сестры*); в именительном и винительном падежах множественного числа тех же существительных: старославянское *земла* — древнерусское *землѣ* (современное *зѣмли*, ср. с твердой разновидностью — *сестры*); в винительном падеже множественного числа существительных мужского рода: старославянское *кона* — древнерусское *конѣ* (современное *коней*). У полных прилагательных различие *а* — *ѣ* имело место в формах женского рода: в родительном падеже единственного числа и именительного-винительного падежей множественного числа: старославянское *тъмыныѧ ночи* — древнерусское *тъмыныѣ ночи*.

В окончаниях полных имен прилагательных имелись и другие различия: в родительном падеже единственного числа мужского и женского родов в старославянском было окончание *-аго*, *-аго/-яго*, *-яго*, а в русском *-ого* (сейчас вместо *г* в этом окончании произносят *в*): старославянское *доброго* — русское *доброго*; в дательном падеже единственного числа мужского и среднего рода (после твердых согласных) старославянский язык имел окончание *-уему* или *-ууму* (*добруему*, *добрууму*), а древнерусский — *-ому* (*доброму*); в местном падеже⁷

⁷ Форма местного падежа выражала значения, в основном соответствующие значениям современного предложного падежа.

тех же прилагательных — соответственно *-бъемь* и *-омъ* (старославянское *добръемь* — древнерусское *добромъ*); в дательном и местном падежах единственного числа женского рода старославянские прилагательные имели окончание *-ѣи* (*добрѣи*), а древнерусские — *-ои* (*доброи*). В именительном падеже единственного числа мужского и среднего рода действительных причастий настоящего времени старославянский язык имел окончание *-ы* (*несы*), а древнерусский — *-а* (*неса*, ср. современное деепричастие *неся*). Старославянскому окончанию *-ть* в третьем лице единственного и множественного числа глаголов настоящего времени в древнерусском языке соответствовало окончание *-ть* (старославянское *несеть* — древнерусское *несеть*), а так называемым нестяженным формам имперфекта (имперфект обозначал длительное, иногда повторяющееся действие в прошлом) в русском языке соответствовали стяженные формы (старославянское *несѣахъ* — древнерусское *несѧхъ* — «я нес»).

Кроме этих звуковых и грамматических различий, существовали и различия в лексике (например, старославянским словам *истина*, *выя*, *съвѣдѣтель* соответствует древнерусские слова *правда*, *шия* — *шея*, *послухъ*), в синтаксисе (старославянскому языку свойствены более сложные правила построения предложений, нежели древнерусскому, для которого типичны были простые соединения предложений с помощью союзов *и*, *а* и др.) и в составе приставок и суффиксов (старославянское *из-* в соответствии с древнерусским *вы-*; старославянское *избрать* — древнерусское *выбрать*; старославянское *прѣ-* — древнерусское *пере-*; старославянское *прѣдати* — древнерусское *передати*; старославянское *прѣдъ-*, на-

пример, в *прѣдѣстѣвати*, ср. предлог *перед*; старославянское *раз-* — древнерусское *роз-*: старославянское *раздати*, ср. русское *раздан*; старославянские суффиксы причастий *-ущий*, *-ащий*, ср. русские *-учий*, *-ачий* в словах типа *летучий*, *горючий*, *сидячий*, *лежачий*).

Таковы основные языковые черты, которыми различались старославянский язык и живая восточнославянская речь. Некоторые из особенностей старославянского языка почти не проникали в памятники, созданные на Руси, другие начали проникать лишь с XIV–XVвв., третья регулярно встречаются в текстах, написанных на церковнославянском языке, и гораздо менее регулярно в других текстах. Отношение к старославянским языковым особенностям определялось очень многими взаимодействующими между собой причинами. Эти причины, различные для разных сфер устной и письменной речи, будут рассмотрены в процессе описания церковнославянского и древнерусского языков.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК РУССКОЙ РЕДАКЦИИ

Старославянский язык распространялся по Руси двумя путями. Во-первых, на нем велось богослужение еще до официального принятия христианства; об этом, в частности, свидетельствует булла (т.е. грамота, послание) римского папы, написанная между 954 и 972 гг., в которой папа требует, чтобы чехи вели богослужение на латинском языке, а не уподоблялись русским и болгарам, у которых богослужение ведется на славянском языке. Во-вторых, распространение старославянского языка происходило книжным путем: как уже было сказано во введении, на Руси переписывали старославянские книги, а затем стали создавать переводы и оригинальные произведения, стремясь писать на старославянском языке, авторитет которого освящался церковью. В обоих случаях — и в богослужении, и в книгах — старославянский язык претерпевал существенные изменения: в него проникали элементы живой древнерусской речи, он превращался в церковнославянский язык русской редакции (или «славенский», как называли его на Руси).

Языки близкие, но разные

В течение всего времени своего бытования на Руси книжный церковнославянский язык отчетливо противо-

поставлялся в сознании людей живому русскому языку. Об этом говорят, например, встречающиеся уже в древнейших памятниках пояснения церковнославянских слов русскими. Так, например, в «Хронике Георгия Амартола» церковнославянское слово *седмица* поясняется словом *недѣля*, имевшим в древнерусском языке значения «семь дней» и «воскресенье» (в церковнославянском языке слово имело только значение «воскресенье»,ср. *понедельник* — «день после недели, т.е. после воскресенья»): *Нынъ ·б· седмицъ рекше недѣли нашъски* (70 седмиц, т.е. недель по-нашему). Как видим, здесь противопоставляется «наш» (древнерусский язык) и не наш (церковнославянский). Последний «воспринимался как чужой, иностранный язык» (38, стр. 109).

Образованные люди владели, очевидно, по крайней мере двумя языками — древнерусским и церковнославянским (об этом говорят приписки на полях церковнославянских книг, см. стр. 88–92). Это были родственные, но все-таки различные языки. Выбор одного из этих языков определялся жанром произведения, а жанры, как говорилось выше, были обусловлены темой, характером изображаемого. В древней письменности средства изображения, как правило, соответствовали тому, что изображается. Возьмем древнерусские летописи. В них мы найдем как тексты, богатые книжно-славянскими элементами, так и тексты, в которых широко представлены народно-разговорные слова и формы. К числу первых относятся отрывки разного объема, а иногда даже целые произведения. Это, во-первых, цитаты из Священного Писания и отрывки из других церковно-книжных памятников (например, в «Повести временных лет» встречаем отрывки из «Хроники Георгия Амартола», «Жития Васи-

лия Нового», «Поучения о казнях божиих» и др.) или сочинения самих летописцев, написанные по образцу церковно-книжных произведений (таково, например, «Сказание о первых черноризцах», помещенное в «Повести временных лет» под 1074 г., написанное под влиянием патериков); во-вторых, многочисленные биографии — прославления русских князей, ничем не отличающиеся от житий святых, например «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского», помещенная в Суздальской летописи под 1175 г., и др.; в-третьих, это религиозно-моралистические комментарии летописца к описываемым событиям: рассказы о военных победах и поражениях, как правило, сопровождаются оценкой события с точки зрения христианской религии. Сами же рассказы написаны на русском языке. Один и тот же автор мог писать то на «славенском» языке, то на русском. Иван Грозный пишет «по-славенски» во всех тех случаях, когда говорит о религии или использует авторитет Священного Писания для подтверждения своих политических взглядов. Обращаясь к светской тематике, он переходит на русский язык.

Те авторы, которые считали необходимым писать «по-славенски» ученые сочинения, философско-религиозные, исторические и другие произведения, в быту изъяснялись совершенно иначе. Достаточно сопоставить любой наудачу взятый отрывок из историко-публицистических сочинений князя А. Курбского (XVI в.) и его бытовую записку, чтобы отчетливо представить себе двуязычие Курбского, вряд ли существенно отличавшегося в этом отношении от других авторов книжных произведений: «И аbie обдираютъ спасительские одежды съ него, и катомъ отдаютъ въ руки святаго мужа, отъ младости въ добродѣтелей превозсиявшаго, и нага вле-

куть изъ церкви, и посаждаютъ на вола опоко [т.е. задом наперед] — окаянныи и скверныи! — и бичуютъ лютъ, нещадно, тѣло, многими лѣты удрученное отъ поста, вояще по позорищамъ града и мѣста» («История о великом князе Московском»); «Да осталися тетратки переплетены, а кожа на нихъ не положена, и вы тѣхъ бога ради не затеряйте» (Записка в Печерский монастырь).

Старославянский язык и навыки живой речи

Попытаемся представить себе, какими «лингвистическими» соображениями и нормами руководствовался образованный человек Древней Руси, создавая дошедшие до нас памятники письменности. Если это был церковный памятник, то автор, переводчик или переписчик в древнейшую эпоху стремился писать его, следя старославянским образцам. Но в старославянском языке было очень много такого, что или было непонятно древнерусскому читателю (автору), или противоречило тем языковым навыкам, которые сложились у него под влиянием живой восточнославянской речи.

Стремление писать по-старославянски выражалось в том, что во всех случаях, когда русский книжник имел возможность выбирать между древнерусским и старославянским средством языка и при этом старославянизм не противоречил свойствам живой речи, он выбирал старославянизм.

Рассмотрим уже известные нам слова с неполногласными сочетаниями. Можно сказать, что их употребление было нормой для языка церковно-книжных памятников, а употребление слов с полногласием было отступлением от этих норм. Имея возможность выбирать между сло-

вами типа *градъ — городъ* (в том случае, если они имели тождественное значение), книжник, стремившийся ориентироваться на старославянские литературные образцы, выбирал *градъ* и т. п. Эти слова не противоречили его языковым навыкам: сочетание *ра* между согласными было вполне обычно и для слов типа *трава, братъ* и т. п., унаследованных из праславянского языка. Подсчеты случаев употребления некоторых распространенных слов с полногласными и неполногласными сочетаниями (глаголов с приставками *пере-* и *пре-*, предлогов *передъ* и *предъ*) в памятниках разных эпох показали, что в памятниках религиозно-философского характера эти неполногласные слова составляют от 95 до 100% общего количества слов с неполногласными и полногласными сочетаниями (66, 67). Такое же соотношение свойственно и другим категориям восточнославянских и старославянских слов (например, словам с начальными *ра-, ла-* и *ро-, ло-*, с приставками *из-* и *вы-*; см. 4, 5) — в том случае, если старославянизм не противоречил сложившимся навыкам произношения тех или иных звуков (ср. русские слова *радъ, родъ, ладити, ложе*).

Как уже говорилось, церковнославянский язык русской редакции не был только письменным языком. Несомненно, существовала и устная его разновидность: церковные книги часто читались вслух. И в процессе этого чтения вырабатывались особые нормы русского церковного произношения. Чем же отличалось оно от живого русского произношения? Историки русского языка полагают, что в церковном произношении почти не было таких звуков, которых бы не было в живом бытовом произношении. Исключения немногочисленны.

Одно из них составляют, например, мягкие звуки *к, г, х*, отсутствовавшие в древнерусском языке древнейшей эпохи, но читавшиеся в греческих по происхождению словах типа *кивотъ, ангель, архиереи*, широко представленных в церковных книгах. Правда, некоторые звуки, имевшиеся как в живом, так и в церковном произношении, употреблялись по-разному: в церковном произношении, например, в начале слова были возможны *а, е, позднее ю(иу)*, а в живом — нет; в русских словах в этом положении звучали *я (иа), о, у* (современные слова *единий, юноша, устаревшее агнец* и другие — по происхождению славянизмы). Основное же различие между русским бытовым и русским церковным произношением состояло в следующем: звукам бытовой речи, которые произносились в определенных словах, соответствовали в церковном произношении другие звуки, также возможные в бытовой речи, но в других словах. Мы уже поясняли это явление на примере слов с полногласными и неполногласными сочетаниями: сочетанию *оро* бытовой речи (например, в слове *городъ*) в церковном произношении соответствовало сочетание *ра* (в слове *градъ*), возможное в бытовой речи в других словах (типа *братъ* и т. п.). Точно так же звуку *ч* бытовой речи (например, в словах *ночь, пещера* и т. п.) в церковном произношении соответствовали звуки *щч*, изображавшиеся буквой *ц* (*ноцъ, пещера*), возможные в бытовой речи в словах типа *ицу* и т. п.

Звуки или сочетания звуков, совершенно чуждые живому древнерусскому произношению (но имевшиеся в тех живых говорах, на основе которых возник старославянский литературный язык), отсутствовали и в древнерусском церковном произношении. Они заменялись звуками древнерусского языка. В древнейших па-

мятниках церковнославянского языка русской редакции, в особенности оригинальных, а не переписанных со старославянских, мы регулярно встречаем написание *ж* в тех словах, которые в старославянском языке имели сочетание звуков *жд*. Так, например, древнерусские писцы в XI–XIV вв. чаще писали *гражданинъ*, *прежде*, заменяя сочетание *жд* на *ж*, но сохраняя старославянское неполногласие *ra*, *re*. Это объясняется тем, что сочетание *жд* не было свойственно древнерусскому языку в древнейшую эпоху (до падения редуцированных, см. стр. 103) и древнерусские писцы сначала более или менее регулярно заменяли это сочетание при переписывании старославянских книг, а затем *ж* стало нормой церковнославянского языка русской редакции XI–XIV вв. Лишь после того как между звуками *ж* и *д* в словах типа *жъдати*, *къжъдъ* перестал произноситься редуцированный звук и возникло «свое» сочетание *жд*, получило возможность распространения и старославянское сочетание *жд*, имевшееся в словах типа *гражданинъ*, *прежде* и т. п. (Этому способствовала «славянизация» церковных книг и церковного произношения в XIV–XV вв., в период так называемого второго южнославянского влияния, о чем речь пойдет ниже).

В старославянском языке имелись так называемые носовые звуки *о* и *е*, унаследованные из общеславянского языка. Они изображались на письме буквами *ж* («юс большой») и *ѧ* («юс малый»). В русском языке в XI в. таких звуков уже не было. Об этом свидетельствует тот факт, что в «Остромировом евангелии» 1056–1057 гг. юсы очень часто заменяются буквами *у*, *ю*, *а*, *ѧ*, которыми обозначались звуки, произносившиеся на месте старославянских носовых звуков. Так, например,

форма *въвръгжть* в старославянском языке произносилась с *о* носовым после *г*, в древнерусском *ей* соответствовала форма с *у*. Так она и написана в «Остромировом евангелии»: *въввъргоутъ* (сочетанием *оу* изображался звук *у*). Правда, многие юсы употреблены еще на своем месте: ведь «Остромирово евангелие» — это памятник, списанный со старославянского оригинала, причем очень хорошими, грамотными писцами (по мнению исследователей, писцов было два). Но не зная, в каких случаях нужно употреблять юсы, древнерусские писцы все чаще и чаще стали заменять их, и юс большой вообще вышел из употребления, а юс малый стал употребляться для обозначения звука *а* после мягких согласных (*видѣть* и др.).

Итак, одной из причин, способствовавших проникновению русских элементов (в данном случае звуков) в церковнославянский язык, было несоответствие ряда старославянских элементов нормам живого произношения. Кроме того, существовал еще ряд причин, действия которых могли взаимно дополняться и пересекаться. Рассмотрим эти причины уже на примере слов, а не звуков.

Почему русские слова попадали в церковнославянский язык?

Генрих Вильгельм Лудольф — немецкий ученый и путешественник, проживший более года в России (1692–1694 гг.), писал в своей «Русской грамматике» (1696 г.): «...названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по которым научаются славянскому языку» (43, стр. 114). Действительно, в языке богослужебных книг (а именно

по ним велось обучение грамоте) древнерусский книжник, стремившийся следовать старославянским образцам, не находил средств для выражения многого из того, о чем он хотел написать.

Представим себе такую ситуацию. Древнерусский переводчик «Огласительных поучений Феодора Студита», работавший в конце XI или начале XII в., встретился в греческом тексте с длинным перечнем различных профессий. Старо- и церковнославянские книжные названия многих из них переводчику неизвестны (по-видимому, их просто не существовало). Как перевести эти греческие слова? Можно было либо взять слово из живой бытовой речи (если оно имелось), либо изобрести самостоятельно новое слово, копируя структуру греческого слова и используя старославянские корни, приставки или суффиксы, либо, наконец, заимствовать греческое слово. Переводчик успешно использовал все эти пути. И вот в церковнославянском тексте появляются целые серии названий профессий: «...призрить г(с)ь на кожно дъло... Писци мя да рассматряют. и не токмо того но и шевци. ли болноприимьци и дверницы. ли здателе и златолѣщи. ли иконники, и вязебиници ли печьци. ли конюси. ли слуги. ли съблестеле. и възбудители. и кандиници. и виноградницы... [господь взирает на каждого человека и его дело... пусть прислушаются ко мне писцы и не только они, но и портные, и ухаживающие за больными, и привратники, и строители, и золотых дел мастера, и живописцы, и ткачи, и пекари, и конюхи, и слуги, и надсмотрщики, и будильщики (те, кто будят ото сна), и лампадчики, и виноградари...]». В этом перечне встречаются слова, взятые, по всей вероятности, из живой речи (*конюси*, *вязебиници*), книжные новообразования,

созданные, очевидно, переводчиком поучений по образцу греческих слов (*болноприимьци*, передающее греч. *χριστοκόμοι*, *златолѣщи* — греч. *χρυσοχόοι*), и непосредственные заимствования из греческого языка (*кандиници* — греч. *κανδηλάριοι*). О книжных новообразованиях речь будет идти в следующем разделе, а сейчас мы приведем еще ряд примеров древнерусских слов, проникших в церковнославянские тексты.

Единственный глагол с русской приставкой *пере-*, отмеченный в обширном сборнике поучений, носящем название «Пчела» (список XIV–XV вв.) — это *пересолити*. Нормой для данного памятника является употребление глаголов со старославянской приставкой *пре-* (их там 51, употреблены они 152 раза). Но для передачи конкретно-бытового действия переводчик, очевидно, не нашел в церковнославянском языке подходящего слова (глагола *пресолити* в памятниках не находим) и употребил глагол, взятый из живой речи: «повары безумны сут(и), иже пересоливъше брашно (т. е. пищу) и рекуть. много бо соли у на(с)е(с)утъ».

Другие книжники были в таких случаях более последовательны: они заменяли в русском глаголе полногласную приставку на неполногласную, создавая новый глагол. Так, например, в летописных рассказах на военные темы и, по всей вероятности, в живой речи был употребителен глагол *перебродитися* — «перейти вброд какуюнибудь водную преграду», например: «Тогда же князь Мстислав Галицкий перебродися Днѣпр...» («Софийская первая летопись»). Но переводчик «Истории Иудейской войны», по-видимому, избегал употреблять глаголы с приставкой *пере-* (они в этом огромном памятнике употреблены всего пять раз при 78 глаголах с *пре-*, употреб-

ленных 324 раза). Поэтому, говоря о переходе озера вброд, он заменил в русском глаголе *перебродитися* приставку *пere-* на *пре-*: «въскочи на конь и еха напреди возль край озера, пребродився и внидѣ въ градъ». Получившийся глагол *пребродитися* является своеобразным «славяно-руссизмом»: это слово возникло на русской почве (в памятниках старославянского языка оно отсутствует) и на базе русского слова, но с использованием старославянской неполногласной приставки *пре-*. Замена полногласия на неполногласие может осуществляться и в корнях слов; так появились в церковнославянских памятниках русской редакции такие слова, как *клаколь* (из *колоколь*), *влать* (из *волотъ* — «великан»).

Как видим, русские переводчики иногда использовали различные книжные приемы восполнения недостающих им книжных слов, но это не исключало возможности использования и народно-разговорных слов даже в памятниках, написанных на церковнославянском языке. Исследователи этих памятников обнаружили в них довольно много таких слов. Это русские имена (*Ярославъ*, *Въсеволодъ*, *Ростиславъ*) и географические названия (*Новъгородъ*, *Берестово*, *Ростовъ*), военные термины (*осада*, *брънистъць* — «воин, носящий латы или кольчугу», *гробля* — «ров, окружающий город», *дружина*, *присьпа* — «насыпь, земляной вал» и т. п.), названия должностных лиц и профессий (*ключникъ*, *огородникъ*, *посадникъ* — «1. правитель, властелин; начальник; 2. наместник князя в различных землях», *староста*, *коњухъ*), монет, мер веса (*грифьна* — «весовая и денежная единица, слиток серебра в 0,5 фунта; XII в.», *капь* — «единица веса, равная примерно трем пудам», *куна* — «денежная единица достоинством 1/25 гривны; X–XI

вв.», *рѣзана* — «денежная единица достоинством 1/50 гривны»), различных предметов быта (*коужукъ*, *ларь*, *шелкъ*) и многие другие народные слова (*заморозъ* — «время, когда замерзают реки», *бересто* — «березовая кора», *мошница* — «кошелек» и др.), не имевшие, по-видимому, синонимов-славянизмов.

В тех сравнительно нечастых случаях, когда в памятниках, написанных по-церковнославянски, речь шла о конкретных явлениях реального мира, народно-разговорные слова могли употребляться и при наличии книжного синонима. Так, например, при описании церковного быта в «Уставе Студийском» (XII в.), памятнике, переведенном на церковнославянский язык, вместо *сланъ* — «соленый» употреблено *солонъ* («капуста же солона без масла»); переводчик «Хроники Георгия Амартола» употребил слово *ягнятъ*, говоря о предмете светской дани: «...и бы(С) емля у него дань по вся лъ(т) ягнятъ [и брал у него каждый год в дань ягнят]», в качестве же церковной жертвы фигурировал чаще всего *агнецъ*, например: «жреться [т. е. жертвуется] агнецъ Бии въземляи грѣхи всего мира» («Служебник⁸ Варлаама», XII в.).

Русские народно-разговорные слова используются в церковно-книжных памятниках для пояснения тех слов, которые могли быть непонятны древнерусскому читателю. В «Хронике Георгия Амартола» в составе пояснений (глосс) употреблены такие русские слова, как *поромъ*, *перевозъ*, *мороморянъ*, *городъ* и др. Чаще всего глоссы используются для пояснения малоизвестных старославянских, церковнославянских (ср. приведенное выше по-

⁸ «Служебнико» — книга, предназначенная для ведения церковной службы.

яснение слова *седмица* словом *недѣля*, стр. 33) и греческих слов, но иногда и заимствований из западноевропейских языков; так, например, в «Рязанской кормчей»⁹ 1284 г. немецкое *шильманъ* поясняется русским словом *глумецъ*: «...есть шыпильманъ рекъше глумецъ [он — шпильман, т.е. забавник, скоморох]».

Естественно, что восточнославянские писцы, переписывавшие книги со старославянского оригинала, могли не пояснить незнакомые им слова, а просто заменять на известные. Так они поступали часто и в том случае, если в оригинале встречали слово, употребленное не в том значении, которое оно имело в живой речи. В церковно-книжных памятниках слово *воня* употреблялось в значении «запах» или «хороший запах», а также — «хорошо пахнущая мазь» (ср. заимствованное из старославянского языка слово *благование*), а в бытовой речи *воня* (позже — *вонъ*) означало, вероятно, «плохой запах». Поэтому, как показало сопоставление разных рукописей Евангелия (22, стр. 12), слово *воня* оригинала писцы могли заменять на народно-бытовые слова (*масть* — «мазь, масло») или на греческие по происхождению *ароматы, хризма, мюро (миро)*.

Весьма вероятно, что русские авторы и писцы, писавшие по-церковнославянски, употребляли слова, свойственные живой речи, и из эстетических соображений. С помощью народных слов устранились случайные повторения (тавтологии) и нарушения правил орфографии. Употребив какое-нибудь неполногласное слово, автор мог в дальнейшем с целью избежать повторений употребить полногласное (реже — наоборот), демонстрируя

тем самым свободное владение разнообразными синонимами. Вот примеры из «Жития Феодосия Печерского»: «и се бо видѣ на *срачици* [т.е. на сорочке] его кръвь сущю. о(т) въгрызения желѣза и раждыгъши ся [т.е. распалившись] гнѣвъмы на нь. и съ яростю въставъши и растьрзавъши *сорочицу* на немъ»; «по сихъ облечашети и [т.е. одевал его] въ мынишьскую одежду и тако пакы въ всѣхъ служьбахъ искушашети и [т.е. экзаменовал его] ти тъгда остригы и оболочашети и въ мантию».

Существовали, по-видимому, и чисто орфографические причины, способствовавшие употреблению древнерусских слов в церковно-книжных памятниках (33). Так, употребление многих полногласных слов в «Изборнике 1076 г.», «Житии Феодосия Печерского» и других памятниках было, может быть, вызвано необходимостью введения лишней буквы с целью соблюдения норм переноса со строки на строку. Согласно этим нормам, писец должен кончать строку буквой, передающей гласный звук, например, *зла/то*. Однако последняя буква строки могла выйти на поля рукописи. Чтобы избежать этого, писец употреблял соответствующее полногласное слово; нетрудно заметить, что таким путем можно было соблюсти правила переноса, например, «сребро и зо/лото вина и медове» («Сказание о Борисе и Глебе» по рукописи «Успенского сборника» XII в.).

Как видим, русские писцы считали более допустимым употребление слов бытовой речи в церковно-книжных памятниках, нежели нарушение стилистических и орфографических норм.

Количество русских элементов в памятниках церковнославянского языка колебалось в зависимости от места создания памятников, индивидуальных склонностей их авторов.

⁹ «Кормчая книга» — это свод различных церковных правил.

Древнерусские книжники, писавшие на севере (главным образом в Новгороде), гораздо свободнее пользовались народной речью в произведениях на церковные темы. Произведения новгородского происхождения сильно отличаются от произведений такого же содержания, возникших на юге. Так, например, язык церковно-правового произведения «Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа Новгородского» 1130–1156 гг. (помещено в «Новгородской кормчей» 1280 г.) гораздо больше подвергся влиянию живой речи, чем язык произведений того же жанра, возникших за пределами Новгорода. В «Вопросах Кирика...» встречаются такие народно-разговорные слова и формы, как *выходъ*, *выshedъ*, *выплеваše*, *служаче*, *смысяче*, *молоко*, *молоди*, *холость*, *перестати*, *боронити* — «запрещать», *терезвыи*, *вередити* и др., например: «А иже се на выходъ выshedъ по(п). на обѣдни и на в(ч)ернини. въ что цѣловати [это вопрос, а далее следует ответ] ре(ч) въ икону. не служаче. цѣловати и людемъ. того бо дѣля [т.е. ради] икона поставлена».

Просто и доступно, используя общеупотребительные слова, пишет новгородский епископ Лука (XI в., список XIV–XV вв.): «Любовь имъите съ всякымъ члвкмъ. А боле съ братиею. Не буди ино на срдци. А ино въ устѣхъ. И подъ братомъ ямы не рыи...» и т. п. Правда, и за пределами Новгорода изредка находились проповедники, вполне допускавшие возможность иногда говорить со своей паствой на близком ей языке. К их числу относятся, например, Серапион Владимирский — древнерусский проповедник XIII в., Алексей, митрополит всея Руси (XIV в.). Вот отрывки из их сочинений: «... о(т) сна вѣставъ не на молбу [т.е. на молитву] умъ прилагаеши,

но како бы кого озлоби(т), лжами перемочи ко(г)». (Серапион Владимирский); «къ црквному путью будите спѣшни. утѣкаяся другъ передъ другомъ. якоже иванъ бословъ передъ петромъ къ гробу хр(с)ву [спешите к церковному пенью, обгоняя друг друга, как Иван Богослов обгонял Петра на пути к гробу Христову]» (Алексей Митрополит).

Количество древнерусских и церковно-книжных языковых элементов в произведениях, возникших на Руси, зависело от индивидуальных склонностей не только их авторов, но и писцов, переписывавших эти тексты. Писцы могли как вносить, так и удалять народно-разговорные элементы. Так, например, дошедший до нас список XII в. «Жития Феодосия Печерского» написан двумя писцами, причем у первого писца находим гораздо больше русских элементов, чем у второго, хотя оба написали примерно поровну.

Мы познакомились с основными причинами появления русских народно-разговорных слов и форм в произведениях, написанных на церковнославянском языке.

Конечно, многие употребления русских слов, форм и т. п. в церковнославянских текстах можно объяснить только невнимательностью автора и переписчика. В самом деле, если в церковно-книжном памятнике мы встречаем такое русское слово, наряду с которым имелось равнозначное и широко употребительное старославянское или церковнославянское слово, и при этом русское слово употреблено в таком окружении, в котором обычно употребляются славянизмы, то остается лишь признать, что русское слово случайно «сорвалось с пера», что это описка, допущенная русским писцом под влиянием живой речи, которая окружала его в быту. Час-

ще всего это происходит в тех случаях, когда славянизм и синонимичное русское слово близки по форме (т.е. если они различаются лишь одним-двумя звуками: неполногласия и полногласия, слова с начальными *а*-я, *е*-о и т. п.). В тексте «Истории Иудейской войны» переводчик постоянно употреблял глагол *престати* — «перестать», например: престаша от боя; да престануть о(т) рати; да престанеть о(т) стенобития; да быша престали о(т) кровопролития и т. п. — всего 35 употреблений. И только один раз, и то лишь в одном из списков, использован глагол *перестати*: «*переставъ* о(т) оружия». Как видим, *престати* и *перестати* употреблены совершенно одинаково: в сочетании с близкими по значению словами (в отличие от современного *перестать* они употреблялись с предлогом *отъ* и существительным); во всех случаях говорится об одном и том же — о прекращении сражения. Ясно, что это единственное применение глагола *перестати* ничем не мотивировано — ни отсутствием старо- или церковнославянского синонима, ни эстетическими соображениями.

Народно-разговорные слова иногда можно встретить даже в цитатах из Священного Писания, где их употребление, конечно, никак нельзя мотивировать, например: «убо ꙗꙗ глаше. и беремя мое лъгъко есть» («Изборник 1076 г.», цитата из Евангелия, Мф., XI. 30); ср. применение славянизма *бремя* в том же памятнике и в том же окружении: «Гу глюшту. ярьмъ мои благъ есть и брѣмѧ мое лъгъко».

В церковнославянских памятниках мы находим не только русские слова, но и формы различных слов с русскими окончаниями, причем если одни окончания встречаются эпизодически (особенно в древнейших памятни-

ках), уступая в количественном отношении старославянским окончаниям, то другие, наоборот, уже с древнейших времен абсолютно преобладают над старославянскими. Так, например, если в форме родительного падежа единственного числа мужского и среднего родов прилагательного окончания *-ааго*, *-яаго* и позднее *-аго*, *-яго* абсолютно преобладали в церковно-книжных памятниках над русским окончанием *-ого*, то в форме дательного падежа единственного числа тех же прилагательных русская форма с окончанием *-ому* к концу XII в. почти полностью вытесняет старославянские окончания *-ууму* и *-уму*. Что же касается, например, русских форм творительного падежа единственного числа существительных (*сельмъ* в соответствии со старославянским *се-ломъ*) или третьего лица единственного и множественного числа глаголов (*береть*, *беруть* в соответствии со старославянским *береть*, *бержть*), то эти формы почти регулярно употребляются уже в древнейших памятниках церковнославянского языка русской редакции (начиная с «Остромирова евангелия»), заменив собою соответствующие старославянские формы.

С течением времени на церковнославянском языке начинают писать все больше светских сочинений: светские повести, научные труды (например, «Грамматика» М. Смотрицкого, XVII в.), публицистику, исторические произведения, такие как «История о великом князе Московском» А. Курбского (XVI в.), «История о Казанском царстве» (XVI в.), повести Смутного времени (XVII в.) и др. Это способствует еще большему проникновению народно-разговорных элементов в церковнославянский язык, а также появлению в нем заимствований из западноевропейских языков. Начиная с XV в., в произведени-

ях, написанных одним автором, ориентирующимся, несомненно, на церковно-книжные образцы, можно встретить целые отрывки, характерные для иных сфер письменности — деловых документов, воинских повестей. Авраамий Палицын — русский политический деятель и писатель конца XVI — начала XVII в. — пишет по-церковнославянски. Но отдельные места его «Сказания» ничем не отличаются по характеру языка от деловых документов. Достаточно сопоставить два отрывка, чтобы в этом убедиться.

У Авраамия Палицына:

И послал князь Михаил воевод... за Волгу на перевоз к Николе чудотворцу в слободу на речку Жабну под Литовских людей, чтобы за тое речку не перепустить их.

В деловом памятнике:

и вельли тъ(х) нагаиских улусны(х) татарь оберега(т) накре(п)ко, что(б) и(х) в Кумыки чере(з) Терекъ реку не перепустить.

*Астраханские акты,
отписка 1654 г.*

Такие «нецерковнославянские» отрывки в произведениях, написанных по-церковнославянски, можно встретить лишь в том случае, если речь идет о реальных явлениях русской жизни. В церковной письменности с конца XIV — начала XV вв. проходил иной процесс — устранение явлений разговорно-бытовой речи. Однако даже в этот период наибольшей славянизации церковнославянского языка явления живой речи не были устраниены из него полностью. Русизмы встречаются, например, в таком славянизированном произведении, как «Житие Стефана Пермского» (XV в.), написанное Епифанием

Премудрым (см. 38, стр. 249, 250). Так, распространитель христианства Стефан Пермский сравнивается с человеком, занимающимся объявлением новых законов или распоряжений князя и называемым словом бирич: яко бирич на торгу клича. Это существительное, зафиксированное главным образом в светских памятниках средневековья — грамотах, летописях (55, т. I, стр. 161; 57, вып. I, стр. 185), было свойственно живой речи, а не церковнославянскому языку.

Непоследовательное устранение элементов живой речи происходило в период так называемого второго южнославянского влияния. Но о нем — в следующем разделе, где речь пойдет об употреблении и развитии средств самого церковнославянского языка.

По книжным образцам

До сих пор мы говорили о древнерусских элементах в церковнославянском языке, т. е. о тех элементах, благодаря которым и выделяется русская редакция этого языка. Церковнославянский язык, несмотря на свое книжное и церковное бытование, не был отгорожен непроницаемой стеной от живой речевой стихии. Однако основу этого языка составляли старославянизмы, т.е. языковые элементы, перешедшие из старославянского языка (наряду с общеславянскими элементами). Русификация церковнославянского языка — это лишь одна из тенденций развития его русской редакции, вызванная внешним влиянием. Одновременно происходили разнообразные внутренние процессы изменения и обогащения этого языка.

Церковнославянский язык русской редакции, употреб-

лявшийся в тех литературных жанрах, которые отличались традиционностью и устойчивостью, изменялся медленнее живой речи. Тем не менее и в нем возникали новые слова, фразеологические сочетания, изменялся грамматический строй, произношение. Эти процессы происходили постоянно, но с разной степенью интенсивности. Особенно серьезные качественные изменения произошли в церковнославянском языке в конце XIV в. и в XV в., в период второго южнославянского влияния (первое южнославянское влияние, как мы знаем, относится к X–XI вв.). Из Болгарии и Сербии в XIV–XV вв. было перенесено много литературных произведений. В русские города переселяются некоторые выдающиеся южнославянские писатели (болгарин Григорий Цамблак, серб Пахомий Логофет и др.). Подъем национальных и религиозных чувств во всех трех странах, боровшихся против иноземных завоевателей (турок и татаро-монголов), нашел отражение в целом ряде произведений, написанных возвышенным, витиеватым, прецельно украшенным, восторженным стилем. «Плетение словес» — так сами авторы называли свое творчество.

Русские книжники конца XIV–XV в. стремились архаизировать церковнославянский язык, исправить его, очистив от ненужных, по их мнению, новых явлений. В качестве архаичного и потому авторитетного образца выступали церковнославянские тексты, возникшие на славянском юге.

Второе южнославянское влияние — это сложное и важное явление, имевшее свои политические и философские основы и отразившееся на всех областях духовной культуры. Не останавливаясь на нем подробнее, рекомендуем читателю ознакомиться с научно-популярной

книгой академика Д. С. Лихачева «Культура Руси времена Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.)».

Здесь будут рассмотрены основные процессы развития, протекавшие в церковнославянском языке и особенно активизировавшиеся в период второго южнославянского влияния.

Словотворчество

Новые слова в церковнославянском языке создавались главным образом по старославянским образцам. Например, в памятниках старославянского языка употреблялось около 20 глаголов с приставкой *прѣдъ-* (таких, как *прѣдъварити*, *прѣдълагати*, *прѣдълежати*, *прѣдъписати*, *прѣдърешити*, *прѣдъставити*, *прѣдъстati*, *прѣдъстояти*), а общее число глаголов с данной приставкой, известных из памятников церковнославянского языка русской редакции, превышает это число не менее чем в 10 раз. Старославянские глаголы послужили образцом для многочисленных новообразований книжного характера — как окказиональных, эпизодических (типа *предъизложити* — «заранее изложить, сообщить», *предъобразжати* — «заранее показывать, изображать», *предъсияти* — «заранее сиять» и др.), так и употребительных (типа *предъвидѣти*, *предъводити*, *предъположити*, *предъскѣти*, *предъшествовати* и т. п.).

В церковно-книжных памятниках мы постоянно встречаемся с такими новообразованиями по старославянским моделям. Особенно богаты ими переводные памятники. Так, упомянутые выше глаголы с приставкой *предъ-*

в памятниках, переведенных с греческого языка, употреблялись для перевода греческих глаголов с приставкой *про-* — «пред-». Если переводчик встречался в греческом тексте с глаголом, имевшим эту приставку, то он чаще всего или подыскивал глагол с приставкой *предъ-* из числа имевшихся в церковнославянском языке, или, если такой глагол отсутствовал, создавал его самостоятельно, переводя последовательно все значимые части (морфемы) греческого слова церковнославянскими морфемами. Например, переводчик «Хроники Георгия Амартола», встретившись в греческом тексте с глаголом *προδείκνυμι*, перевел приставку *про-* приставкой *предъ-*, а глагол *δείκνυμι* — глаголом *показати*. В результате получилось книжное новообразование *предъпоказати* со значением «показать заранее, предсказать»: «И тому будуща предъпоказа». Такой поморфемный перевод иноязычного слова называется калькированием, а слова, возникшие этим путем, — кальками. Особенно часто путем калькирования возникали новые сложные слова, т.е. слова, в составе которых имеются два или более корня, например: *златоустыи* — греч. *χρυσόβοτομος* (*χρυσός* — «золото», *στόμα* — «рот», «уста»), *самоубица* — *αὐτόχειρος* (*αὐτός* — «сам», сп. *автопортрет*, *автобиография*, *χειρόω* — «убивать, уничтожать»), *любомудрие* — греч. *φιλοσοφία* (ср. заимствованное из греческого слова *философия*: *φίλος* — «любимый», *σοφία* — «мудрость», сп. женское имя *София*) и др.

Однако много новых слов можно найти и в оригинальных памятниках, написанных по-церковнославянски на Руси. Такие образования мы встречаем уже в ранних памятниках, например: причастие *пръисъхъшии* — «сильно высохший» в «Слове о законе и благодати» Илариона:

«Пусть бо и пръисъхи земли нашей суши, вънезаапу потече источни(к) еуа(Г)льский, напояя всю землю нашу [Когда земля наша была пустой и совершенно иссохшей (имеется в виду отсутствие «истинной», по представлениям Илариона, христианской религии), внезапно потек евангельский источник и напоил всю землю нашу]. Употребленное в образной, эмоциональной речи, это причастие является одним из ярких стилистических средств.

Особенно велико число подобных новообразований в произведениях, написанных в период второго южнославянского влияния, и в более поздних памятниках, ориентирующихся на усложненный, цветистый стиль «плетения словес». В русских оригинальных произведениях возникает множество сложных слов, включающих два, а иногда и три корня, появляются слова с несколькими приставками старославянского происхождения (*воз-*, *из-*, *предъ-*, *пре-*). Употребляя такие слова, церковные писатели придавали своей речи книжный и «ученый» характер. Кроме того, они давали понять, что описываемое ими явление настолько важно, необычно и возвыщенно, что имеющихся в языке слов недостаточно для его «достойного» описания и прославления и поэтому нужно создавать новые средства. Литература этого времени полна панегириков. Вот изобилующий сложными словами (как старыми, так и новыми) отрывок из похвалы князю Василию Васильевичу, содержащейся в «Слове избранном на латыню» (около 1461 г.): «Държало владеющаго на тобъ богоизбраннаго и боговозлюбленнаго, богопочтеннаго и богопросвѣщенаго и богославимаго богошественника, правому пути богоустановнаго закона и богомудраго изыскателя святыхъ правиль, ревнителя о бозъ и споспѣшника благочестию, истиннаго православия высочайшаго исходатая,

благовърию богоукрашенного и великодержавного благовърнаго и благочестиваго великаго князя Василия Васильевича, благовѣнчаннаго православию царя всея Руси...» или обширная похвала из «Жития Стефана Пермского» (XV в.), в которой мы видим серию новообразований с несколькими приставками: *преизмечтанный*, *преупещренный* и другие: «Многими же похвалами ю [т.е. ее, церковь] похваляю... преукрашенну божиену славою, и добродѣтельми преудобрены, и божественными словословии преизмечтанну, и человеческымъ спасениемъ преупещренну, и православиа лѣпотою преодѣну». В оригинальных произведениях этой эпохи встречаем такие новообразования, как *хвалословие*, *многоразумие*, *доброглашение*, *многоплачие*, *нищекръмие*, *злоначинатель*, *христианогонитель*, *крѣпкодушины*, *превозрастати*, *превозсияти*, *преобразоватися*, *сребролюбствовати* и т. п. Многие из этих новообразований были словами-однодневками, не вышедшими за пределы тех произведений, где они были употреблены. Однако большое количество подобного рода сложных и производных слов стало широко употребляться и впоследствии закрепилось и за пределами церковнославянского языка. К числу таких слов относятся, по-видимому, *могущество*, *имущество*, *преимущество*, *суеверие*, *рукоплесканье*, *вероломство*, *первоначальный*, *предъзвѣстить*, *предъвосхитить*, *предъопределить*, *предъпочитать*, *предъшествовать*, *подобострастный*, *гостеприимство*, *тлетворный* и др.

Как видим, результаты процессов, происходивших в церковнославянском языке, нашли отражение и в словарном составе современного русского языка. Более того, церковнославянские слова, вошедшие в современный язык, зачастую являются образцом для новых слов, воз-

никающих в современной книжной речи. Вот примеры таких новообразований — глаголов с приставкой *пред* (*предсуществовать*, *преднайти*, *предслышать*), употребленных в современных научных трудах и в поэзии, но не встретившихся ни в древних памятниках, ни в более поздней литературе: «...в языке нет ни идей, ни звуков, предсуществующих системе» (Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики); «преднайденный опыт и личный опыт грамматиста так или иначе взаимодействовали» (В. Г. Адмони. Основы теории грамматики);

Все непременным чередом идет,
Двадцатый век наводит свой порядок,
Подрагивает, словно самолет,
Предельша небо серебром лопаток.

Б. Ахмадулина. *Моя родословная*.

Грамматика и орфография

В области грамматики церковнославянский язык был довольно консервативен: его система склонения и спряжения изменялась медленно и незначительно. Те немногие формы, которые довольно рано вышли из употребления (например, так называемый супин — особая форма глагола, имеющая значение цели, и др.), были искусственно восстановлены в период второго южнославянского влияния. Если в лексике возникали главным образом новые книжные образования, то в области грамматики книжный оттенок приобретали уже существовавшие старые формы. Дело в том, что к XIII–XIV вв. в живой речи (см. стр. 104–105, 109) были утрачены многие грамматические формы (например, формы двойственного числа, аориста, имперфекта), а в церковнославянском языке они

искусственно сохранялись. Ясно, что когда стали говорить *зналъ*, а в церковных книгах продолжали писать *знахъ*, то форма *знахъ* стала восприниматься как книжная, чего не могло быть тогда, когда форма *знахъ* употреблялась и в живой речи, и в церковнославянском языке. В данном случае специфически книжная, церковнославянская форма *знахъ* восходит не к старославянской, а к праславянской форме, бывшей ранее стилистически нейтральной. Заметим, что такие явления иногда имели место и в лексике: праславянские слова *око*, *уста* и другие приобретали книжный характер благодаря тому, что они сохранились в церковнославянском языке, будучи вытесненными из живой речи словами *глаза*, *губы*.

К числу грамматических (морфологических) новшеств второго южнославянского влияния относятся, например, употребление форм звательного падежа (отсутствующего в современном языке) вместо именительного падежа, например, *Vasiliе* вместо *Vasiliи*, формы с *-ов*, *-ев* в именном склонении: дательный падеж множественного числа *сыновомъ*, *жерцевемъ*; местный падеж множественного числа *сыновѣхъ*, новые формы притяжательных местоимений (*еговъ*, *тоговъ*) (69, стр. 211, 212).

Из синтаксических новшеств второго южнославянского влияния отметим расширение употребления так называемого одинарного отрицания, сохранившегося в церковнославянском языке до настоящего времени: *Ба* никтоже видѣ нигдѣже (ср. двойное отрицание, характерное для памятников разных жанров: *Ба* никтоже никъдѣже не видѣ). («Остромирово евангелие»); в современном языке: Бога никто нигде не видел (69, стр. 213).

В период второго южнославянского влияния в церковно-книжных текстах появляется «родительный вос-

кличания» в сочетании с частицами *о*, *оле*, *узы*, например: *узы разсѣченія тѣла Христова* (69, стр. 214).

Изменения имели место и в церковном произношении, а также в орфографии церковно-книжных памятников. На славянском юге, а затем и на Руси началась правка церковных книг с целью их унификации. Элементы живой народной речи заменялись книжными, южнославянскими. Как уже говорилось, поддержанная греческим авторитетом, южнославянская языковая традиция считалась в этот период (конец XIV в. и XV в.) образцом. Язык архаизировался благодаря стремлению вернуть его к наиболее древнему состоянию. Некоторые результаты осуществлявшейся правки («книжной справы») имели большое значение для развития русского литературного языка: именно в период второго южнославянского влияния закрепились в церковнославянском языке, а затем и за его пределами произношение и написание *жсд* вместо русского *ж* в словах типа *невежда* (ср. русское *невежа*), *гражданинъ* (русское *горожанинъ*), *прежде* и очень многих других, начальное *ю* (вместо русского *у*) в словах типа *юноша*, *юность*, *юдоль*, *юг*, *юродивый*, а также в корнях слов с приставками (современное слово *союз* образовано с помощью приставки *со-* и корня *-юз-*, ср. *узы*). В живой речи еще в XII–XIII вв. произошло исчезновение редуцированных звуков (ъ и ь) в определенном положении (см. стр. 103). Однако в церковном произношении существовала тенденция употреблять *о* на месте ь в том положении, где в живой речи уже никакого звука не было; например, в живой речи говорили *сдинуть*, а в церковной — *содвинути* или *содвигнути* и т. п. Благодаря этому в некоторых словах (или их частях) закрепляется это «церковное» *о*. Так произошло, например, со многими словами

с приставками *во-, со-, воз-* (*вопросъ, соборъ, совѣтъ, востокъ* и т. п.). Приставка *со-* в церковнославянском языке даже получает особое значение, отсутствующее у приставки *с-*, — значение совместности: *собеседовати* — «совместно беседовать», *соболѣзновати* — «совместно страдать» (этот глагол образован от глагола *болѣзновати* — «страдать, печалиться»), *соединити, соревнование, сообщество* и т. п. (ср. новообразования современного языка: *сопереживать, сотворчество* и др.).

Наряду с появлением новых церковнославянских форм расширялось употребление старых (неполногласных слов вместо полногласных, слов с *щ* вместо слов с *ч* и т. п.).

Как видим, в современном русском языке сохранились результаты той правки церковных книг, которую проводили книжники XIV–XV вв. Однако некоторые исправления были чисто орфографическими. К числу таких орфографических новшеств, введенных в период второго южнославянского влияния, относится восстановление буквы юс большой (ж) для обозначения звука у, букв *Ѱ* (пси) и *Ӟ* (кси) — в заимствованиях из греческого, написания *ръ, лъ, рь, ль* в словах типа *вльна, тръгъ, пръвъи* (вместо *вълна, търгъ, първи*), употребление буквы *ѧ* после гласных вместо *ѧ* (*добраа* вместо *добраѧ*), написания *ағель, еваггелие* (в соответствии с греческим написанием — *ἄγγελος, εὐαγγέλιον*).

Употребляется буква *Ѡ* (о очное); при этом отдельные написания приближаются к рисункам: слово *очи* иногда пишется *Ѡчи*. Написание слов под титлом и без титла начинает использоваться для различия их значений; так, слово «Бог» под титлом (*Бъ*) обозначает христианского Бога, а без титла — языческого; слово «кангель» под титлом (*ағгель, ағель*) обозначает благого вест-

ника (ангела), а без титла — падшего ангела (беса). Под влиянием греческой письменности появляются новые знаки препинания — запятая, точка с запятой (в вопросительном значении), кавычки, знак переноса (69, стр. 209–211).

В московской церковно-книжной письменности первой половины XVI века уже отсутствуют многие орфографические нововведения периода второго южнославянского влияния, а во второй половине XVI в. они почти не представлены. XVI век и начало XVII века — это период отказа от южнославянского влияния и стремления обособить национальный русский извод церковнославянского языка. Падение Византийской империи (1453 г.), окончательное освобождение Руси от татарского господства повышают роль Московской Руси в православном мире. Москва стала рассматриваться как «третий Рим», или новый Константинополь («второй Рим»). С этой особой ролью Москвы в православном мире связано и особое положение и высокий авторитет церковнославянского языка московской редакции, который противопоставляется другим редакциям как наиболее «чистый» и близкий к его прежнему состоянию, т.е. состоянию периода первого южнославянского влияния (X–XI вв.).

В иной ситуации находилась после второго южнославянского влияния югозападнорусская редакция церковнославянского языка. Юго-западная Русь в XIII–XVI вв. находилась в составе Великого княжества Литовского (см. стр. 108). На юго-западе Руси традиции второго южнославянского влияния продолжали сохраняться, и этим были обусловлены многие различия между великорусской и югозападнорусской редакциями церковнославянского языка. В частности, имело место различие в ударении собственных имен: югозападнорусские формы

воспроизводят южнославянское ударение, а великорусские — ударение более древних форм, предшествовавших второму южнославянскому влиянию, ср. югозападнорус. церковносл. *Исма́йл, Ману́йл, Миха́йл, Саму́йл* и великорусск. церковносл. *Исма́ил, Ману́ил, Миха́ил, Саму́ил*.

Однако с середины XVII века в Московской Руси начинается новая правка церковнославянских книг — на этот раз по югозападнорусскому образцу. Этот процесс, называемый иногда третьим южнославянским влиянием, происходил в период книжных реформ патриарха Никона (1605–1681 гг.) и был связан с политикой царя Алексея Михайловича (1629–1676 гг.), при котором возрождается ориентация на византийскую и южнославянскую культуру, на греческий язык и южнославянскую редакцию церковнославянского языка. Непосредственным проводником этого влияния была югозападнорусская редакция церковнославянского языка, подвергшаяся, как уже говорилось, более сильному и глубокому греческому и южнославянскому влияниям. Реформам Никона и никониан — новообрядцев противились старообрядцы, сохранившие прежнюю ориентацию на древнейший перевод Священного Писания. Юго-западному влиянию на церковнославянский язык Московской Руси обязано, в частности, закрепление в нем (а затем и за его пределами) форм типа *Исма́йл, Ману́йл, Миха́йл, Саму́йл*; старые формы могли сохраниться в просторечии (ср. *Миха́йло*).

В некоторых словах книжного происхождения устанавливается произношение фрикативного *г* (см. стр. 106-107): *господи, благо, благословить, благодать, благодарить, богатый* и др., что было связано, возможно, с литературной деятельностью в Москве в XVII в. украинских и

белорусских книжников (Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и др.).

Книжная риторика

Мы рассмотрели некоторые изменения, произшедшие в церковнославянском языке русской редакции. Многие из этих изменений были связаны с особенностями стиля церковно-книжных произведений — возвышенного, зачастую эмоционального и в то же время подчиненного строгим требованиям литературного этикета. Читатель должен был восхищаться красотой и величием церковно-книжной речи, как восхищался он красотой и величием церковной архитектуры или живописи. Стены храмов украшались фресками, лепными орнаментами. Церковно-книжная речь тоже имела свои фрески и орнаменты — разнообразные риторические приемы. Наиболее авторитетным литературным источником таких приемов были греческие тексты и церковнославянские переводы с греческого. Некоторые черты стиля произведений, написанных по-церковнославянски на Руси, будут рассмотрены в этом разделе.

Стиль памятника во многом обусловлен его содержанием. В религиозно-философских произведениях абстрактные моралистические рассуждения превалировали над сюжетными рассказами. Последние использовались чаще всего лишь для иллюстрации какой-либо моралистической сентенции. Обыденное, земное, конкретное постоянно сопоставлялось с вечным, небесным, абстрактным. Эта «двуплановость» средневекового мировоззрения определяет основную особенность стиля религиозно-

философских произведений — его метафоричность.

Напомним, что метафора — это употребление слова или выражения в переносном значении на основании сходства, аналогии (ср. современные примеры метафор: *чуткий камыш, говор волн, шелковые ресницы*). Средневековая метафора (*преводъ* — «перенос», как называется она в памятниках) построена чаще всего на сходстве материальных явлений с духовными (или, по средневековой терминологии, *несдушного*, т.е. не имеющего души, неодушевленного, и *сдушного*). Духовное становилось конкретней и понятней благодаря сопоставлению с обычным, материальным.

Набор метафор, использовавшихся в произведениях, написанных по-церковнославянски, довольно ограничен. Авторы не искали новых, неожиданных аналогий (что характерно для литературы нового времени), а пользовались готовыми метафорами, известными главным образом из переводных книг Ветхого и Нового завета, а также из произведений отцов церкви. Вот эти наиболее употребительные книжные метафоры: христианство, «книжное учение» — солнце, свет, тепло или весна, а также источник воды; безбожие, ересь — тьма, холод, зима; жизнь — море; бедствия, волнения — буря, волны; судьба человека — корабль; Бог, князь, царь — кормчий; ум, сердце, душа — земля; благие мысли, добродетели — проросшее семя, плоды; злые мысли — терние, плевел (т.е. сорняк); учитель, глава церкви — сеятель или пастырь; верующие — стадо; лжеучитель или дьявол — волк; чистый, целомудренный, кроткий человек — голубь, горлица, «ластовица»; человек с возвышенными мыслями — орел; храбрый, сильный человек (иногда также жестокий или злой) — лев; судьба — чаша и др.

(1). Эти немногие метафоры постоянно повторяются в церковно-книжных произведениях. Приведем лишь несколько примеров. Митрополит Иларион так говорит об отказе от языческой веры («бесослужения») и принятии христианства: «Тма бѣсослужения погибе и сѣнце еувнгльское землю нашю осия» («Слово о законе и благодати»). Та же тема у Кирилла Туровского получает несколько иное словесное оформление: «Ныне зима грѣховная покаянием престала есть (т.е. перестала, прекратилась) и ледь невѣрия богоразумием растаяся; зима убо язычьского кумирослужения апостольскимъ учениемъ и Христовою вѣрою престала есть, ледь же Фомина невѣрия показаниемъ Христовъ ребръ растаяся. Днесъ весна красуешься, оживляющи земное естьство...» («Слово в новую неделю по пасхѣ», XII в., по рукописи XIII в.).

Церковно-книжные произведения заполнены такими метафорическими выражениями, как *житииское море, море страстей, душевная лодия, бездна греховная, пристанище* (т.е. пристань) *покаяния, буря мыслена, струя православия, дождь благочестия, зной неверия, брашно (тиво, семя) духовное, бразды сердечныя, бразды покаяния, семя веры, семя благочестия, щит веры, броня правды, шлем спасения, мечь духовный, смертная чаша, струти душевые, душевный дом, огнь духовный* и т. п.

Встречаются даже такие выражения, как *лопата веры, мотыка молитвъ*, которые сейчас воспринимаются как неудачно-комические. Особым обилием книжных метафор, иногда следующих непрерывно друг за другом, отличаются произведения эпохи второго южнославянского влияния.

На сближении материального и духовного чаще всего построены и сравнения. Цель этих сравнений — наглядное выявление сущности духовного. Поэтому наряду с

простыми сравнениями (например: «яко же отъ лица змина тако бѣжи отъ грѣха» — «Изборник 1076 г.») часто встречаются довольно сложные сравнения, когда ситуация духовного мира сопоставляется с похожей ситуацией мира материального. Вот два таких сравнения: «яко же и градъ бестѣны [т.е. без стены] удобь прѣять бываеть ратьными [т.е. легко захватывается войсками]. тако же бо и дша не огражена молитвами. скоро плѣнима есть отъ сотоны» («Изборник 1076 г.»); «яко же бо въ темнѣ пещеръ свѣща просвѣщаетъ тако и мѣтва и псалтыря въ дѣю вшедши всяку мракоту грѣховную о(т)гонить о(т) дш(а)» (Приписка на Псалтыри 1296 г.). Перед нами сравнение сходных ситуаций, т.е. ряда явлений и действий, сходным образом связанных между собой. В первом примере сравниваются душа и город; молитва и стена; пленение души и захват города; сатана и ратные (т.е. войска неприятеля); во втором примере — душа и пещера; молитва, псалтырь и свеча; грех и темнота (ср. метафорическое выражение *мракота грѣховная*); отгонять грех и освещать. Такие сложные сравнения — специфика возвышенного стиля средневековья. Писатели эпохи второго южнославянского влияния зачастую выстраивали целые серии сравнений.

Постоянное использование метафор и метафорических сравнений способствовало тому, что переносные значения закреплялись за многими словами церковнославянского языка. Так, если вы внимательно прочтете два только что приведенных примера, то поймете, откуда у глаголов *оградить* и *просвещать*, означавших «обнести оградой» и «направить лучи света на кого- или что-нибудь», появились новые переносные значения. Но о развитии новых значений у слов, заимствованных рус-

ским языком из церковнославянского, речь пойдет в третьей главе. А пока мы продолжим рассмотрение тех литературных средств, которыми пользовались авторы церковно-книжных произведений, созданных на Руси.

Одним из таких средств было повторение слов, связанных между собой по значению или по форме (звуканию, написанию).

Церковнославянский язык был богат синонимами. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что одно и то же греческое слово зачастую передавалось целым рядом славянских слов, близких по значению. Например, греческое существительное ἔννοια в разных местах «Хроники Георгия Амартола» переведено следующими словами: *домысль*, *домышление*, *замышление*, *мысль*, *помысль*, *размыщение*, *разумъ*, *разумѣние*, *смысль*, *умъ*, *чувство* (31, стр. 228). Русские авторы и переводчики использовали и пополняли синонимическое богатство церковнославянского языка. В церковно-книжных произведениях нередко встречаются целые серии синонимов, следующих друг за другом, например: «кротость бо я [их, т.е. праведников] доправи [т.е. направила] и съмѣрение же и благъ съмысль. покорение и любы и добросърдие. милостины же и миръ къ вѣсъмъ малыимъ же и великиымъ» («Изборник 1076 г.»); «зѣло желаше и велми хотяше еже шествовать къ Перми» («Житие Стефана Пермского») и др. Нередко следовали друг за другом синонимичные метафоры: «Тебе [т.е. тебя, речь идет о Богородице] Хѣ ластовицу и красыну г҃рьлицу и непорочную бѣжию голубицу» («Минея служебная»)¹⁰,

¹⁰ «Служебная Минея» (греч. μηνάιον, от μήν «месяц») — богослужебная книга православной церкви, содержащая службы,

1095–1097 гг.), а также синонимичные сравнения: «..младенца в утробѣ носящи, яко нѣкое съкровище многоцѣнное, и яко драгий камень, и яко чудный бисерь, яко съсуд избранъ» («Житие Сергия Радонежского», написанное Епифанием Премудрым в XV в.). Образность, содержащаяся в метафоре или сравнении, усиливается здесь их повторением.

Нередко в одном ряду с синонимами следовали слова, отличающиеся по значению друг от друга, но означающие разновидности какого-либо более общего понятия. Так, стремясь подчеркнуть многообразие и полезность деятельности епископа Стефана Пермского, автор его жития Епифаний Премудрый перечисляет двадцать существительных со значением «лица-благодетеля»: «Единъ тотъ быль у нась епископъ, то же быль намъ законодавецъ и законоположникъ, то же креститель, и апостоль, и проповѣдникъ, и благовѣстникъ, и исповѣдникъ, святитель, учитель, чиститель, посвѣтилъ [т.е. тот, кто навещает страдающих, покровитель], правитель, исцѣлитель, архиереи, стражевожъ [руководитель, защитник], пастырь, наставникъ, сказатель, отецъ, епископъ». Как видно из этого примера, такие перечни могут оживляться грамматической рифмой: за серией слов на *-никъ* следует серия слов на *-тель*. Часто близкие по значению слова попарно объединяются (обычно с помощью союза *и*). Такие объединения можно встретить как в составе длинных перечней, так и вне их: «...и много подвизався на добродѣтель, постомъ и молитвою, чистотою и смиреніи-

---

расположенные по месяцам и дням года. Наряду со служебными минеями, существуют минеи-четыи, в которых аналогично расположены тексты для чтения (жития святых, сказания и поучения).

емъ, вѣздѣржаниемъ и трезвѣниемъ, терпѣниемъ и безлобиемъ, послушаниемъ же и любовию» («Житие Стефана Пермского»); «да уведять вси, яко самого господа промысломъ и волею, того пречистыя матерे молитвою и хотѣниемъ создася и свершился боголѣпная и великая церкви святыя богородица пещерская» («Киево-Печерский патерик», XIII в., список 1406 г.) и т. п.

Иногда в текстах сближаются слова, частично совпадающие по составу морфем или просто близкие по звучанию: «...печаль прият мя и жалость поят мя» («Житие Сергия Радонежского»), «простота без пестроты» (там же). Такие слова называются паронимами, а их стилистическое использование — парономазией (от греч. *παρα* — «возле, вблизи», *ὄνομαζω* — «называю»).

Одним из видов парономазии является этимологическая фигура — риторический прием, заключающийся в повторении этимологически (т.е. по происхождению) родственных слов. Такой прием часто используется, например, в «Огласительных поучениях Феодора Студита». Это один из первых памятников, переведенных на Русь с греческого языка (в конце XI — начале XII в.). Переводчик этого памятника успешно воспроизвел риторические приемы греческого текста, зачастую самостоятельно создавая новые средства их передачи. Так, например, только в тексте «Поучений», но зато целых двадцать раз встретился глагол *премолитися*, который употребляется исключительно в сочетании с глаголом *молитися*: *молитеся и премолитеся* (так Феодор Студит призывал своих слушателей); в греческом тексте чаще всего этому сочетанию соответствовал глагол *εύχομαι* — «обращаться с просьбами, молиться» в сочетании с глаголом *ὑπερεύχομαι*, образованным от первого глагола с помощью усилитель-

ной приставки *ўпєр-*. По образцу глагола *ўпєреўхомаі* переводчик и образовал глагол *премолитися* (*ўпєр-* — *пре-*; *еўхомаі* — *молитися*).

Изредка и в современной речи используется этот прием, например: *пошлость пошлого человека, шутки шутить* и др.; ср. евангельское по происхождению выражение *кесарево кесарю, а божие Богу* (Мт. 22, 21; Мар. 12, 17), а также восходящее к пасхальному тропарю¹¹ «Христос воскресе из мертвых» выражение *смертию смерть поправ* и др. Конечно, такие повторения оправданы только в том случае, если служат средством выразительности. В древности этот прием был одним из самых распространенных. Приведем еще несколько примеров из разных памятников XI–XV вв.: *дѣломъ дѣлатель, златослове и златоусте, горя вѣрою правовѣрия, видимое видѣніе, свѣтильникъ свѣтыи, божественными блистаниемъ блестая, умъртвившиа съмърть, хвалить же похвальными гласы, злозамышленное умыщление, скорообразнымъ образомъ, смиренномудростью умудряющеся, обновляху обновлениемъ, падениемъ падоша, устраистсѧ страхомъ, запрѣщениемъ запрѣтить, неустроеннаа построити, исповѣдника ли тя исповѣдаю и т. п.*

Другим видом парономазии, употреблявшимся в церковнославянских текстах, является так называемый полиптот (греч. *πολυ-* — «много», *πτωτιχός* — «падежный») — риторический прием, заключающийся в употреблении одного и того же слова в разных падежах: *лицьмъ же к лицу; яко на свѣтильници свѣтильникъ; из-*

¹¹ Тропарь (греч. *тропáριον*) — молитвенные стихи и песнопения православной церкви в честь какого-либо праздника или святого.

бърана съ избѣранными (примеры из «Минеи служебной», 1095–1097 гг.).

Все эти риторические приемы были призваны не только продемонстрировать искусство автора или переводчика. Повторение слов, близких по значению, вновь и вновь возвращало читателя к основному предмету речи, к тому общему понятию, которое лежало в основе значений всех повторяющихся слов. Тем самым демонстрировалась сложность, многогранность этого понятия, утверждалась его важность, возвышенность.

Отделка звуковой стороны речи была рассчитана прежде всего на устное восприятие текста. Не следует забывать, что поучительно-риторические произведения читались их авторами в присутствии многих слушателей. В частности, знаменитое «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона — образец высокого ораторского искусства XI в., — очевидно, было произнесено как проповедь в Киеве перед князем Ярославом и его приближенными. Минеи читались во время богослужения. Несомненно, многие произведения воздействовали на слушателя не только своим смыслом, но и своей внешней отделкой, и прежде всего звуковой стороной и интонацией.

В церковно- книжных сочинениях — независимо от того, предназначались ли они для устного чтения или нет — постоянны такие элементы ораторского искусства, как призывы и вопросы, обращенные к читателю, и авторские восклицания, выражющие радость, восторг, преклонение или горе. Известный русский церковный оратор и публицист Серапион Владимирский, бывший епископом в г. Владимире в 1274–1275 гг., так обращается к своей пастве: «Почиодимъ [т.е. подивимся], братие, человѣколюбье бога нашего. Како ны приводить к

себе? кыми ли словесы не наказеть [т.е. поучает] насть? кыми ли запрѣщении не запрѣти намъ?» («Слово третье»). Вот восторженное обращение, адресованное князьям — святым Борису и Глебу и одновременно — гробу и церкви, где были положены их тела: «О блаженая убо гроба (это форма двойственного числа существительного *гробъ*) приимъши телеси ваю [т.е. ваши, Бориса и Глеба] чистыни аки съкровище мъногоцѣньно блаженая цркви в неиже [т.е. в которой] положенъ быста рацъ [т.е. гробницы] ваю стѣи имущи блаженъи телеси ваю. о христова угодыника» («Сказание о Борисе и Глебе»).

Наряду с разного рода перечислениями, в которых слова следовали друг за другом, в церковнославянских текстах очень часто применялось нанизывание предложений однотипной конструкции. Эти предложения (простые и сложные) чаще всего имели равное число членов (подлежащих, сказуемых и т. д.), причем в каждом предложении эти члены следовали друг за другом в одном и том же порядке; к тому же каждый член предложения так или иначе «перекликался» (т.е. был связан по значению или по форме) с соответствующим членом всех других предложений: подлежащее с подлежащим, сказуемое со сказуемым и т. д. Перекликались чаще всего слова, означающие разновидности какого-нибудь более общего понятия, синонимы, антонимы (т.е. слова, противоположные по значению), а также просто тождественные слова. Конечно, встречались и нарушения этой строгой схемы, иногда включались «лишние» слова, но основа ее сохранилась.

Рассмотрим ряд примеров. В церковно-книжных произведениях постоянно противопоставляются такие понятия, как добро и зло, высокое и низкое, духовное и материальное, жизнь и смерть, причем текст организуется таким образом, чтобы эти противопоставления были мак-

симально отчетливыми:

добро	творящая	чести
и зло	творящимъ	запрѣщаи

«Изборник 1076 г.»¹²

В этих однотипных по структуре предложениях отчетливо противопоставлены друг другу антонимы *чистыи* и *запрѣщаи*, *добро* и *зло*; это противопоставление особенно ярко выделяется на фоне повторяющихся форм причастия глагола *творити*. Вот еще подобные примеры:

буди	понижень	главою
	высокъ же	умъмъ
очи	имъя	въ земли
умънъи	же	въ нбси
<u>уста</u>		сътиштена
а срдчнья	въину (т.е. всегда)	къ бу въплюшта

«Изборник 1076 г.»

вкупъ	жихъ	сь	тобою
вкупъ и	умру	сь	тобою
уность	не отьиде	оть	нась
а старость	не постиже		нась

«Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, XV в.»

Нередко автор несколько раз говорит об одном и том же, но употребляет при этом различные слова; создается так называемая стилистическая симметрия:

възиши	кыимъ	путъмъ	идоша
и	кою	стъзею	текоша

«Изборник 1076 г.»

Часто однотипные предложения соединяются с по-

¹² В приводимых здесь и ниже (на стр. 74–75, 135–136, 138, 139) примерах мы располагаем соотносительные слова одно под другим.

мощью одного слова, которое повторяется в каждом из них, и при этом в одном и том же месте:

Странно	твое	зачатие
странно	твое	рожьство
странънъ	твои	исходъ, ^{дво} вънутръ цркви жилище
странно		
странъна	твоя	вся

«Минея 1095–1097 гг.»

Стилистические повторы могут завершаться противопоставлением повторяющегося слова его антониму:

никто же	убо	буди	непослушливъ.
никто же		буди	ропотникъ.
никто же		буди	шепотникъ.
никто же		буди	клеветникъ.
никто же		буди	дерзъ.
никто же		буди	лжесловецъ.
никто же		буди	смѣхоторецъ.
никто же		буди	ревностр(с)тьникъ.
никто же		буди	завистоторецъ...
но вси			твѣрдъ
вся			изрядная бия творяще.

«Огласительные поучения Феодора Студита»

Повторение начальных слов, звуков или грамматических конструкций в сходных по строению отрезках речи называется анафорой (от греч. ἀναφορά, первоначальное значение которого — «вынесение наверх»). Используя этот прием, авторы получали возможность подчеркнуть, выделить, сопоставить или противопоставить важные для них понятия. Близость или противоположность значений сопоставляемых слов, параллелизм, сходство в строении предложений соответствовали параллелизму, сходству или контрасту самих понятий. Конец и начало каждого предложения перекликались друг с другом, обрамляли предложение, фиксировали его границы, иногда

ограничивали его размер. В тексте возникал своеобразный ритм. Хотя этот ритм очень далек от современных стихов (в частности, русских), тем не менее многие ученые считают возможным говорить о древнем несиллабическом стихе (т.е. имеющем различное число слогов в строках) на церковнославянском языке (62, стр. 1–5). Начала строк в таких стихах отмечаются «перекликающимися» словами; эти слова часто выражают обращение к слушателю или читателю и стоят в форме повелительного наклонения или в звательной форме. В конце строк нередко (но далеко не всегда) стоят слова с одинаковыми суффиксами или окончаниями (так называемая грамматическая рифма). Наиболее отчетливо эти элементы церковнославянского стиха представлены в акафистах — особых хвалебных песнопениях в честь Христа, Богородицы и святых, например:

Радуйся, убогим скорое воздвижение,
Радуйся, скорбящим быстрое промышление...

Такого рода стихи восходят к Библии. Их можно найти и в русских оригинальных произведениях «высоких» жанров, например, в «Слове о законе и благодати» Илариона, который обращается к князю Владимиру с такими словами:

Въстани, о честнаа главо, от гроба твоего,
Въстани, отряси сонъ!
Нѣси бо умерль, нъ спиши до обыщааго вѣмъ въстания,
Въстани, нѣси умерль... и т. д. (62, стр. 4).

На этом мы закончим рассмотрение риторических приемов книжного происхождения.

Параллельно книжно-библейской поэтике существовала и развивалась народно-фольклорная поэтика, оказавшая определенное влияние и на произведения, написан-

ные по-церковнославянски. Так, в «Сказании о Борисе и Глебе» встречается народная метафора «смерть человека [почитаемого, любимого] — заход солнца». Борис, оплакивая смерть отца, восклицает: «Како заиде, свъте мои». Книжным образом смерти было затмение (а не заход) солнца. Чаще встречались народно-поэтические средства в историко-повествовательных произведениях, возникших уже в эпоху Московской Руси, таких, как «История о Казанском царстве» (XVI в.), посвященная взятию русскими Казани; к народной поэзии восходит, например, сравнение воинов с орлами («рустии же вои яко орли... полетовоаху; воевода аки орел похища собе сладок лов, мчаще царицу»), а сильного войска с тучей: «придоша ... яко грозныя туши с великим громом» (1, стр. 37, 84). Но, конечно, нормой для произведений, написанных на церковнославянском языке (особенно для религиозно-философских, дидактических и т. п.), было использование поэтических средств книжно-бблейского происхождения. Фольклорная образность широко использовалась в светской литературе (см. следующую главу).

Итак, мы в общих чертах познакомились с тем, что представлял собой церковнославянский язык русской редакции. Широко употребляясь не только в церковном обиходе, но и в сфере образования и культуры, он активно обогащался и развивался. С течением времени русская редакция церковнославянского языка достигла такого высокого уровня развития, что стала рассматриваться как основа единого литературного языка русских, болгар и сербов. Об этом свидетельствует ряд высказываний болгарских и сербских литературных деятелей XV–XVIII вв. Так, болгарский ученый Константин Костенческий (XV в.) в своем «Сказании о славянских письменах» отдает предпочтение «тончайшему и краснейшему

русскому языку» (имея в виду церковнославянский язык русской редакции). Известный ученый и общественный деятель, хорват по национальности, Юрий Крижанич (около 1618–1683 гг.) полагал, что «...тот наш язык, которым мы книги пишем и на котором ведем богослужение, называется славенским (словинским), в то время как его истинным названием должно быть русский» (63, стр. 7, 8).

Однако начиная со второй половины XVI в. сфера употребления церковнославянского языка постепенно сужается. В демократических низах общества все шире распространяется литература на русском языке. Развивается и обогащается деловая речь. Существенные сдвиги в общественной жизни, произошедшие на рубеже средневековья и нового времени, вызвали серьезные изменения и в языке. Начинают вырабатываться нормы единого языка нового времени, в формировании которого церковнославянский язык сыграл огромную роль. Церковнославянские элементы, особенно лексические и синтаксические, вошли в состав русского литературного языка нового времени. Однако церковнославянское наследие было использовано далеко не в полном объеме: даже в наиболее книжных стилях не были использованы устаревшие и малоупотребительные славянизмы. Зато закрепились такие элементы речи, которых, как писал М. В. Ломоносов, «нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, например: *говорю, ручей, которой, пока, лишь*» (52, стр. 17). Несмотря на то, что новые произведения и новые списки на церковнославянском языке появлялись в течение XVII, XVIII и в начале XIX в., его употребление все больше ограничивается. Он становится исключительно языком церкви.

РУССКИЙ ЯЗЫК X–XVII ВЕКОВ

Описываемый в этой главе период истории русского языка начинается появлением письменности (X в.) и кончается петровскими реформами (конец XVII — начало XVIII в.), когда на смену средневековью приходит «новое время». Средневековый письменный период истории русского языка делится на два подпериода — древнерусский (X–XIV вв.) и старорусский (XV–XVII вв.).

Древнерусским (или восточнославянским) языком называют язык восточных славян, выделившихся из общеславянского единства в VII–VIII вв. н. э. и существовавших как единая народность до XIV в. Затем восточнославянская народность постепенно разделилась на три народности — русскую (великорусскую), белорусскую и украинскую. Язык образовавшейся русской народности называют старорусским, среднерусским или великорусским.

Мы кратко расскажем об основных изменениях, которые претерпел русский язык в период с X по XVII вв. Изменения касаются всех его сторон — фонетики, лексики, словообразования, морфологии, синтаксиса. При этом мы рассмотрим устную и письменную формы русского языка, а также его взаимодействие с церковнославянским языком.

Устная речь Древней Руси

У читателя, естественно, возникает вопрос: можно ли вообще судить об устной речи, которая звучала, скажем, 700–900 лет назад? Конечно, о том, как говорил человек Древней Руси, мы знаем значительно меньше, чем о том, как он писал: ведь сохранилось очень много письменных памятников. Но в этих памятниках нашла отражение (иногда очень опосредованное) и устная речь. Лингвисты стремятся реконструировать эту устную речь, скрытую за письменным текстом. Реконструкция осложняется тем, что между письменной и устной речью существовали (и сейчас существуют) значительные различия.

Орфография, как известно, часто далеко не полностью отражает то, что реально произносится. В настоящее время мы пишем, например, *вода*, *пруд*, а произносим *вада*, *прут* и т. п. На такие расхождения еще в XVII веке обратил внимание Г. В. Лудольф. Он писал в своей «Русской грамматике»: «Большинство русских, чтобы не казаться неучами, пишут слова не так, как произносят, а так, как они должны писаться по правилам славянской грамматики, например, пишут *сегодня*, а произносят *севодни*» (43, стр. 114).

Речь книжная и речь разговорная

Дело, однако, не только в условности, традиционности орфографии. Разговорная речь отличается от книжной и по составу употребляемых слов и грамматических форм, по построению предложений. Об одном и том же часто

пишут и говорят по-разному. В современной научной работе, например, напишут: «Этот вопрос нуждается в серьезном дополнительном изучении», а в беседе о том же самом скажут так: «Об этом надо еще хорошенько подумать». Вторая фраза так же неуместна в научной работе, как первая — в беседе.

Приведем похожие примеры из древней письменности. Многие жития святых отличались книжностью, возвышенностью языка. Однако наряду с этими житиями, сохранившимися, как правило, в сборниках церковного содержания, существовали более «простые» описания жизни тех же святых, сохранившиеся в летописи. Сопоставление этих жизнеописаний зачастую очень показательно. В «Житии Феодосия Печерского», дошедшем до нас в составе «Успенского сборника» (XII в.), а также в «Киево-Печерском патерике»¹ (XIII в.), предсмертная воля Феодосия выражена в таком литературно обработанном монологе: «и о семъже молю вы и заклинаю. да въ неиже есмь одежи нынѣ въ тои да положите мя тако въ пещерь иде же постыныя дни прѣбываахъ. ни же омывайте убогаго моего тѣла [вот о чём я прошу вас и заклинаю: в той же самой одежде, которая на мне сейчас, положите меня в пещере, где я пребывал в дни поста; и не омывайте убогого моего тела]». В летописи же (под 1074 г.) речь Феодосия более кратка и проста: «в ночь похороните тѣло мое».

¹ Слово *патерик* восходит к греческому слову πατέρ — «отец» (сравните русское наименование патерика — «отечник») и означает сборник религиозного содержания, состоящий из рассказов о подвижнической жизни церковных деятелей («святых отцов»).

Еще один аналогичный пример, на этот раз из более позднего памятника. В конце XV в. в Новгороде было создано «Житие Михаила Клопского». Язык этого жития, как и многих других памятников новгородской литературы, близок к живой речи. В XVI в. житие было существенно переделано, вернее, переписано по-церковнославянски боярином Василием Тучковым. Вот как выглядит в этих двух редакциях речь князя Дмитрия Юрьевича Шемяки.

Редакция XV в.: «Михайлушко! Бегаю своей отчины, збили меня с великого княжения».

Редакция XVI в. (тучковская): «Отче, моли бога о мне, яко да паки восприиму царствия скыфьты: согнан бо есмь от своея отчины, великого княжения Московского! [Отче, моли бога обо мне, да снова возьму царский скипетр: я изгнан из своей вотчины, великого княжества Московского!]».

Вместо употребленного в редакции XV в. типично разговорного обращения *Михайлушко* (с суффиксом *-ушк-*, характерным для живой народной речи) в тучковской редакции находим книжную звательную форму *отче* (из живой русской речи и прежде всего из северных говоров звательная форма на протяжении истории языка была устранена). Развившимся в живой речи формам прошедшего времени глагола (*збили*) и винительного падежа личного местоимения (*меня*) соответствует у Тучкова книжный оборот *согнан есмь*, а вместо живой русской формы *своей* в тучковской редакции представлена книжная (старославянская по происхождению) форма *своег*. Кроме того, вторая речь по сравнению с первой расширена за счет книжных слов (*паки, скыфьты, восприиму*); слово *царствие* содержит книжный суффикс *-ствие*.

Эти примеры иллюстрируют два вида устных высказываний, зафиксированных в древнерусских памятниках, — литературно обработанные и разговорно-бытовые. Последние и являются важным источником сведений о разговорной речи наших предков, на которой мы ниже остановимся подробнее. Но сначала несколько слов о книжных, литературно обработанных речах. Это специально написанные произведения ораторского искусства, вложенные автором в уста действующих лиц с целью их возвышения, прославления. Так древний писатель создавал образ «идеального героя». Эти речи сочинены в строгом соответствии с требованиями «литературного этикета» (42, стр. 80–82). В обращении к Богу, например, неуместны были элементы бытовой, разговорной речи, зато широко представлены книжно-литературные слова и обороты. Например, Епифаний Премудрый вложил в уста Стефана Пермского такую молитву: «Боже и Господи, иже премудрости наставниче и смыслу давче, несмысленным казателю и нищим заступниче: утверди и вразуми сердце мое и дай же ми слово, отчее слово, да тя прославлю в векы веком [Боже и Господи, премудрости наставник, дающий разум, просветитель неразумных и заступник нищих, утверди и вразуми сердце мое и дай мне слово, отчее слово, чтобы я прославил тебя во веки веков]» («Житие Стефана Пермского»). Эта речь сознательно литературно обработана. Об этом свидетельствуют, например, уже знакомые нам повторения близких по смыслу или тождественных слов (*Боже и Господи; слово, отчее слово*), нанизывание однотипных синтаксических конструкций (*мудрости наставниче и смыслу давче..., казателю... и заступниче...*). Автор жития, несомненно, заимствует эту молитву из книжных источни-

ков: ее начало почти полностью повторяет начало молитвы, приписываемой Владимиру Мономаху и находящейся в более древнем памятнике — «Лаврентьевской летописи» под 1096 г.

Условные, трафаретные речи находим и в летописях: по воле летописца различные русские князья в сходных ситуациях (перед смертью, перед отправлением в поход) произносят речи, сходные между собой по форме и по содержанию.

Такие «олитературенные» монологи дают представление об ораторском искусстве средневековья, но не о живой бытовой речи. Однако в древних памятниках мы находим и записи речей совершенно иного характера — конкретных по содержанию и простых по форме. По записям речей в древних памятниках можно судить об устной речи, выработавшейся в крупнейших городских центрах (речь сельского населения в письменности почти не отразилась). Население древнего Киева было смешанным по составу: в столицу древнерусского государства стекались представители разных племен. Поэтому еще до возникновения письменности там, вероятно, начали складываться особая форма устной разговорной речи, в которой слаживались различия отдельных сельских говоров. Такая форма речи носит название *койне* (от греч. κοινή διάλεκτος — «общий язык»). Этим термином называют особую разновидность языка, служащую средством общения людей, говорящих на разных диалектах или на разных языках.

В киевском *койне* вырабатывалась хозяйственная, военная и юридическая терминология, нашедшая широкое отражение в летописях и других памятниках, возникших в разных местах Древней Руси. Воспроизводя бытовую

устную речь своего времени, древний писатель стремился дать предельно достоверную картину действительности. Не абстрактно-моралистические рассуждения, а конкретные факты, призывы к конкретным действиям составляют содержание «неолитературенных» речей. Вот примеры, взятые из древнейших русских летописей: «ре(ч) ему Волга... погребъ мя. иди же яможе хочеши [сказала ему Ольга...]: «Когда похоронишь меня, иди куда хочешь»» («Повесть временных лет»); «и посла Игорь к Лаврови конюшого своего. река ему перееди на ону сторону [и послал Игорь к Лавру конюха своего передать ему: «переезжай на ту сторону»]» («Киевская летопись»).

Эти речи просты по форме и состоят почти сплошь из слов или форм, возникших у восточных славян: *хочеши, перееди, сторону* и др. В речах только одной «Повести временных лет» отмечено очень много слов с полногласием: *бесперестани, отъ берега, бороти, боротися, володѣти, волость, воробъи, ворогъ, вороти, воротися, голова, городъ, деревяныи, колодникъ, дружину молотишию, обронили, осоромяты тя, паволоки, паруса паво- лочити, перебороти, перевеземся, передатися, переими, переступати, перяти, поити переди, полонъ, порози, середа земли, в сорочкъ, сторона, в сторожѣхъ, склонити, холопы, хоромовъ рубити, череви, черево, через реку*. Интересно, что, употребляя в прямой речи русское полногласное слово, древнерусский писатель нередко рядом, в авторском тексте, мог употребить соответствующее старославянское неполногласное, например: «и ре(ч) Володимеръ. се не добро еже малъ городъ около Киева... и почна рабати мужъ лучьшиъ. о(т) Словень и о(т) Кривичъ. и о(т) Чюди. и о(т) Вятичъ. и о(т) сихъ на- сели грады [И сказал Владимир: «Нехорошо, что мало

городов около Киева» ... и начал набирать мужей лучших от словен, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей, и ими населил города]» («Повесть временных лет»). Подобного рода примеры говорят о том, что писавший считал русские слова более уместными в прямой речи, нежели старославянские, которые допустимы в авторском тексте.

Памятники письменности донесли до нас не только отдельные реплики, но и живой древнерусский диалог: «И нача глти стополкъ. останися на стокъ [сокращение слова *святокъ*] и ре(ч) Василко. не могу остати бр(а)те. уже есмъ повелъль товаровамъ [описка вместо *товаромъ*] поити переди. Двдъ же съядше акы нъмъ. и ре(ч) Стополкъ да заутрокаки брате. и объщася Василко заутрокати. и ре(ч) Стополкъ посъдита вы сдѣ. а язъ лѣзу наряжу... и посъдѣвъ Двдъ мало ре(ч) кде е(с) бра(т). Они же рѣша ему стоить на съне(х). и вставъ Двдъ ре(ч) азъ иду по нь. а ты брате посъди [И заговорил Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже приказал обозу идти вперед». Давыд же сидел, точно немой. И сказал Святополк: «Хоть позавтракай, брат». И обещался Василько завтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь»... И, немного посидев, Давыд сказал: «Где брат?» Они же ответили ему: «Стоит в сенях». И, встав, Давыд сказал: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди»]» («Повесть временных лет»). Это отрывок из знаменитого рассказа об ослеплении Василька Теребовльского его братьями Святополком и Давыдом (1097 г.). Рассказ очень конкретен и драматичен; приведенный разговор между тремя братьями предшествует ослеплению и своей предельной достоверностью, реалистичностью усиливает напряженность и трагичность ситуации.

Бытовые речи вообще были одним из элементов реалистичности древнерусской литературы. Уже в древнейших летописях находим мы взятые из живой народной речи пословицы и поговорки. Так, вспоминая об аварах («обрах») — вымершем кочевом народе тюркского происхождения, летописец пишет: «и есть притъча в Руси и до сего днѣ погибоша аки обръ [И есть поговорка на Руси и до сего дня: «Погибли как обры»] («Повесть временных лет»). В том же памятнике, в рассказе о событиях 945 г., сообщается: древляне, узнав, что Игорь повторно собирается взять с них дань, говорят: «аще ся въвадить волкъ в овцѣ, то выносить все стадо. аще не убъют его [Если повадится волк к овцам, то перетаскает все стадо, пока не убъют его]». В «Галицкой летописи» приводятся слова сотского Микулы, сказанные князю Даниилу, который уходит в поход против венгров: «не погнетши [т.е. не задавив, уничтожив] пчель. меду не ъдатъ».

Конечно, памятники сохранили для нас далеко не все свойства и явления устной речи. Ничего не знаем мы, например, о ее интонации. Передавая реально звучавшую речь, писатель, несомненно, упорядочивал ее, делал более стройной и правильной, удалял из нее многие оживляющие элементы непосредственности, разговорности. Эти элементы в большей степени сохранились в тех случаях, когда писавшие вообще не стремились создать какого-либо сочинения, а просто фиксировали свои мысли, чувства, потребности и т. п. Это главным образом записки или письма бытового характера, которые никто не стремился сохранить. Тем интереснее их данные. Бытовую речь XI–XV вв. сохранили для нас

Письмо от Бориса к Настасье (Новгородская берестяная грамота № 43 конца XIV в.). Текст грамоты: «О(m) Бориса ко Ностасии. Како приде ся грамота, тако пришли ми человѣкъ на жерепѣ, зане ми здѣсь дѣль много. Да пришли сороцию, сороциѣ забыле»

записки и письма этого времени, написанные на бересте. Первые берестяные грамоты были найдены в ходе археологических раскопок в Новгороде в 1951 г. На начало 1998 г. корпус берестяных грамот имел следующий состав: Новгород — 808, Старая Русса — 26, Псков — 8, Смоленск — 15, Витебск — 1, Мстиславль — 1, Тверь — 5, Москва — 1, Звенигород Галицкий — 3, Старая Рязань — 1 (24, стр. 13; 37, 86, 91). А. А. Зализняк, исследовавший язык этих грамот, отмечал, что «берестяные грамоты занимают совершенно уникальное место в кругу памятников русского языка; с точки зрения близости к живой диалектной речи они образуют такой класс источников, который для XI–XIV вв. до открытия берестяных грамот практически отсутствовал» (89, стр. 93).

Приведем два примера из ранней (XI в.) и поздней (конца XIV в.) грамот. Отрывок из сохранившейся части послания образованной женщины XI в. возлюбленному: «...къ тебъ тришьдъ а въ сю недѣлю цѣть до мънъ зъла имеєши оже еси къ мънъ нь приходиљ а язъ тя есмѣла

акы братъ собѣ ци уже ти есмь задѣла сълюци а тобѣ вѣдѣ яко есть не годънъ аже бы ти годънъ то из оцю бы ся вытьрьго притькль [(Я посыпала) к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю (или: в это воскресенье) ты ко мне не приходил? А я к тебе от-носилась как к брату! Неужели я тебя задела тем, что по-сыпала (к тебе)? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под (людских) глаз и пришел» (Новгородская грамота на бересте № 752; 24, стр. 229).

Житель древнего Новгорода по имени Григша пишет к Есишу: «Поклонъ о(т) грикши къ юсишу приславъ она-нья молви [далее текст испорчен] язъ ему о(т)вѣчаль не рекль ми юсифъ варити перевары ни на кого и онъ при-слалъ къ федосыи вари ты пивъ съдишь на безатьцинъ не варишь жито [Поклон от Григши Есишу. Онанья прислал (человека или грамоту) со словами ... Я ему ответил: «Не велел мне Есиф варить перевары² ни для кого». Тогда он прислал к Федосье: «Вари ты пиво. Сидиши на выморочном участке [и] не варишь ячмень»]» (Новгородская грамота на бересте № 3; 24, стр. 547). Надо полагать, что авторы писем довольно точно воспроизвели то, что они могли бы сказать в бытовом разговоре.

Отзвуки живой речи встречаем мы иногда в надписях на стенах старинных зданий, предметах или на полях объемистых рукописей, написанных по-церковнославянски.

На стене Софийского собора в Новгороде имеется, например, такая фольклорная не полностью сохранившаяся надпись, восходящая к языческой традиции:

---

² «Перевара — определенное количество пива или ме-да, поставляемое в качестве натуральной подати» (24, стр. 547).

«...(ки)те пиро(ге въ) печи. гридьба въ корабли... перепелька пар(е въ) дуброве, пост(ави) кашу, по(ст)ави пироге, туу иди». «Ее метафорический смысл и местоположение в Мартириевской паперти собора вблизи от гробницы архиепископа Мартирия позволяют связать этот текст с погребальным обрядом. Представления о покойнике в замкнутом пространстве гроба как гребной дружине (гридьбе) в корабле или как о пироге в печи, о покинувшей тело душе как о перепелке, парящей в дуброве, упоминание о поминальной тризне с ритуальными кущаньями («постави кашу, постави пироге...») и проводах на тот свет («ту иди») восходят, несомненно, к языческим истокам». (51, стр. 21). Поэтому надпись была тщательно зачеркнута современниками, а чуть ниже надписи на стене Мартириевской паперти тогда же была сделана запись: «усохните ты руки».

Иными причинами вызвано появление разговорных записей в рукописях. Устав от долгого переписывания, писец испытывает желание сообщить кому-нибудь о своем состоянии, но, не имея, по-видимому, собеседника, изливает свои чувства на полях рукописи — так, как он сделал бы это устно: «охъ зноино» — находим мы на полях «Шестоднева»³ XIV в.; «охъ тощью» — на полях «Пролога»⁴ XIV в.; «Охо охо охо дрѣмлет ми ся [т.е. дремлется мне]», — сообщает между делом писец

³ «Шестоднев» в данном случае — богослужебная книга со службами на каждый день недели; «Шестодневом» называют также собрание произведений христианской литературы, разъясняющих и комментирующих библейский рассказ о сотворении мира в шесть дней.

⁴ «Пролог» — это сборник кратких житий святых, поучений, назидательных рассказов, размещенных в порядке церковного календаря.

«Служебника» XIII в.; «охъ охъ голова мя болить не могу писати а уже ношъ лязмы [т.е. ляжем] спати», — вторит ему писец «Пролога» первой четверти XIV в.; та же жалоба — в приписке на «Ирмологии»⁵ 1344 г.: «о г(с)и помози г(с)и поспѣши дремота непримѣнная. и в семь рядке. помѣшахся» (т. е. ошибся в этой строчке).

Писцы весьма непринужденно сообщают о самых различных вещах, но чаще всего о том, что они собираются делать в ближайшее время, о времени суток или о состоянии своего пера: «поити на вечернюю» («Шестоднев», XIV в.); «поехати пить въ зряковичи» (там же); «поехати на гору къ стъ бци молитися о свое(м) спсении» (там же); «полести мыться» (там же); «поити на заутрѣнюю» («Пролог», первая четверть XIV в.); «уже ношъ... тѣмно» (там же); «уже поздньо» («Пролог», XIV в.); «уже днъ успе. а ношъ пришла есть» (там же); «ношъ усть а днъ приближися» («Паремийник»⁶, XIV–XV вв.); «погибель перья сего» («Ирмологий», 1344 г.).

В «Прологе» первой четверти XIV в. находим такое весьма непосредственное высказывание: «како ли не обьестися исто (т.е. наверное) поставить кисель с молокомъ». Основной текст, находящийся на том же листе, что и эта приписка, написан по-церковнославянски и содержит «Слово о исходе души и о восходе на небеса». Вот отрывок из этого сочинения: «И аще покаялася будеть. то избавится о(т) нихъ. и много запинания истязания д(ш)и от бѣсовъ идущи до н(б)си. посемь зависти

⁵ «Ирмологий» — книга, содержащая церковные песнопения на всенощной (ирмосы).

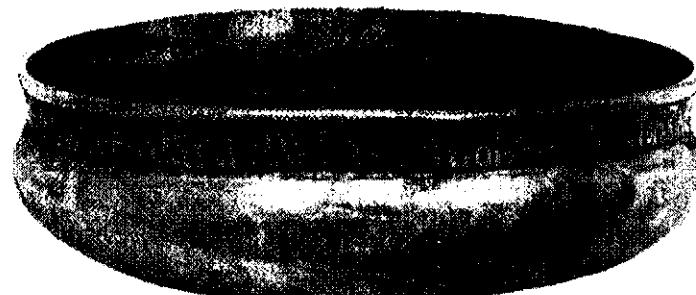
⁶ «Паремийник» — книга, содержащая в себе паремии — отрывки из Ветхого или Нового завета, читаемые на вечернем богослужении (главным образом накануне праздников).

яности. гнѣва и гѣрдыни. срамословия и непокорыства. лихвы срѣбролюбия пьянства. злопоминания. злопомыслыния. Чародѣянія потворъ. обѣяденія братоненавидинія. убиства тадбы. не(м)лсрдия [И если покается (душа), то избавится от них (от бесов) и от многих препятствий, чинимых бесами, и истязаний души, идущей на небеса, а также от зависти, яности, гнева и гордыни, срамословия и непокорыства, срѣбролюбия, пьянства, злопамятства и злых мыслей, чародейства, колдовства, обѣяденія, братоненавистничества, убийства, воровства, немилосердия]. Очевидно, упоминание в числе грехов «обѣяденія» и вызвало опасение власть в этот грех.

Как видим, писцы, писавшие или переписывавшие рукописи на церковнославянском языке, оставили на полях своих рукописей замечательные своей непосредственностью записи бытовой древнерусской речи.

Славянизмы в разговорной речи

Изучение записей устной речи, имеющихся в памятниках, а также произведений устного народного творчества и современных народных говоров показывает, что старославянский и церковнославянский языки влияли на устную речь. Крупнейший историк русского языка А. А. Шахматов даже полагал, что «все лица, прошедшие школы, основывавшиеся на Руси в XI веке», говорили на «древнеболгарском (т.е. на старославянском. — И.У.) языке» (80, стр. 82). Трудно, однако, предположить, что, получив образование, русский книжник перевивал в устном общении употреблять тот живой

Серебряная чаша черниговского князя Владимира Давыдовича. Надпись гласит: «А се чара княжа Володимирова Давыдовча, кто из нее пьет, тому на здоровье, а хвала бога своего осподина великого князя»

язык, с которым он поминутно сталкивался в быту. Очевидно, книжное образование сказывалось в использовании определенного количества славянизмов в речи. Известный исследователь древнерусской литературы А. С. Орлов писал: «Русские литературные произведения Киевской Руси, собранные в огромном большинстве в летописи, по языку, надо думать, были близки к устной речи тогдашнего культурного христианизированного общества, речи, так сказать, нормативной для «образованного мира». Нет неожиданного в том, что в этой речи уже освоены были некоторые церковнославянизмы» (30, стр. 43).

Читая книги на церковнославянском языке, слушая богослужение, образованный русский человек не мог не усваивать наиболее употребительные славянизмы. Кроме того, есть все основания полагать, что ряд слов проник в древнерусскую речь устным путем из древнеболгарского языка (на основе которого и возник книжно-литературный старославянский язык) в процессе непосредственного общения с болгарами, возможно, еще до принятия христианства. А. А. Шахматов относил к числу таких слов *плац*, *овощ*, *товарищ*, *виноград*, *сладкий*, *плен*, *шлем*, *время*, *вред*, *врач*, *срам*, *нрав*, *власть*, *страна*, *странник*, *праздник*, *влага*, *облако*, *область*, *храбрый*, *среда*, *средний*, *вещь* и др.

Через болгарское посредство устным путем в разговорную речь могли проникнуть такие греческие по происхождению слова, как *кровать*, *коромысло*, *полаты*, *терем*, *парус*, *уксус* и др. Устные заимствования, как правило, обозначают понятия светского характера.

О том, какие славянизмы употреблялись в устной речи в древнейший период, мы можем судить по записям речей, сохранившихся в древнейших русских летописях,

созданных в XI–XIV вв. («Новгородской первой летописи», «Повести временных лет», Сузdalской, Киевской, Галицкой и Волынской летописях). Если определенный славянизм встречается (и притом регулярно!) в записях речей в окружении слов и форм, свойственных древнерусской разговорной речи, то можно считать, что он реально употреблялся в повседневной речи рассматриваемого периода. Таким путем установлено, например, что почти из 400 глаголов со старославянской приставкой *пре-*, отмеченных в самых разнообразных памятниках, в живой речи в княжеско-дружинной среде XI–XIII вв. употреблялись лишь пять глаголов: *пребыти*, *предати*, *предатися*, *прельстити* и *преступити*. Только эти глаголы регулярно встречаются в древнейших русских летописях в записях «неолитературенных» речей, например: «оже ны ся не пръдасте дамы вы Половцемъ на полонъ... [если нам не сдадитесь, отдадим вас половцам в плен]» (Киевская летопись); «иди в Божьескии, и прѣбуди же тамо» (Киевская летопись). Характерно, что именно эти глаголы, как показали подсчеты, чаще других глаголов с приставкой *пре-* употребляются в церковно-книжных памятниках. В устную речь, таким образом, проникали лишь те славянизмы, которые чаще всего встречались при чтении богословских книг и повторялись во время церковной службы. Лишь постоянное повторение, напоминание делало их составной частью активного словарного запаса образованного человека Древней Руси.

Об этом свидетельствуют и другие факты. В речах «Повести временных лет» отмечены лишь те слова с неполногласными сочетаниями, которые очень часто употребляются в книжных памятниках: *брашно* («пища»), *владыка*, *власть*, *возвращаюся*, *врагъ*, *вражии*, *врата*, *глава*

(«голова»), *глаголати*, *гладъ* («голод»), *градъ* («город»), *злато*, *зракъ*, *не посрамимъ*, *предати*, *предатися*, *предъ людми градъскими*, *предъ богомъ*, *преже*, *не сдравити*, *срамъ*, *страна*, *престоль*, *пречистая богородица*, *пребывати* и некоторые другие (32). Широко употребительные славянизмы типа *град*, *млад* встречаются и в произведениях древнего русского народного творчества; в частности, в древних былинах постоянно встречаются такие сочетания слов, как *Киев-град*, *Добрыня Никитич млад*, *злато-серебро*, *златоверхий терем*, *златогоргий тур*, а также неполногласные слова *безвременье*, *Владимир*, *вран*, *врата*, *град*, *глава*, *глас*, *злаченый*, *младой*, *облака*, *отвратить*, *преставиться*, *срам*, *средний*, *страна*, *храбрый*, *чрево* (3, стр. 12).

Славянизмы могли употребляться в повседневной речи в составе устойчивых выражений, типичных для церковнославянского языка. Таковы, например, сочетания *господи накажи а смерти не предай*, *отъвѣчати предъ богомъ*, *пречистая богородица* и другие, неоднократно отмеченные в составе речей в древнейших русских летописях: «И рѣша боляре и людье... аще ли неправо гла Двдъ. да приметъ месть от ба и отвѣчае(т) пре(д) Бмъ [И сказали бояре и люди: «...если же неправду сказал Давыд, то пусть примет месть от Бога и отвечает перед Богом!»]» («Повесть временных лет»).

Некоторые устойчивые выражения церковного происхождения настолько часто употреблялись в живой речи, что стали восприниматься как ее неотъемлемая часть. Например, выражение *господи помилуй* известный деятель раскола протопоп Аввакум (ок. 1621 — 1682 гг.) характеризует как факт «природного» русского языка. Столъ же прочно вошли в повседневную речь выражения

бога ради, *бог даст*, *боже мой* и т. п. Некоторые из таких штампов употреблялись автоматически и так часто, что их составные части перестали осознаваться и слились в одно целое. Такая судьба постигла, например, сочетание *спаси бог*, бывшее обычным выражением благодарности и слившееся затем в *спасибо* (утрата конечного *г* как раз и свидетельствует о том, что в *спасибо* уже не выделяются части бывшего словосочетания).

С течением времени круг славянизмов, регулярно используемых в живой речи, расширялся медленно. Материалы памятников XV—XVII вв. показывают, например, что из числа глаголов с приставкой *пре-* в речи продолжали употребляться лишь те же пять глаголов, что и в предшествующую эпоху. Записи живой устной речи, произведенные иностранцами, включают опять-таки наиболее привычные славянизмы. Так, в «Парижском словаре московитов» 1586 г. находим лишь слова *владыка* и *злат*, в дневнике-словаре англичанина Ричарда Джемса (1618—1619 гг.) — *благо*, *блажить*, *бранить*, *воскресенье*, *воскреснуть*, *враг*, *время*, *ладья*, *немощь*, *пещера*, *помощь*, *праздникъ*, *прапоръ*, *разробление* (так!), *сладкий*, *храмъ*; в диалогах, записанных Лудольфом, — *аще* (в цитате из Священного Писания), *благословить*, *благочестие*, *браниться*, *власть*, *воскресение*, *взорвать*, *возмочь*, *вознести*, *воспитать*, *время*, *глава*, *древо*, *здравствуи*, *младенецъ*, *напрасно* «напрасно, тщетно», *облакъ*, *отвержеться*, *понравити ся*, *похранить*, *праздникъ*, *праздность*, *пребывать*, *предавать*, *прежде*, *премудрость*, *разбойникъ*, *разуменъ*, *сладокъ*, *слости*, *смиренномудрие*, *согласовать*, *створить*, *среда*, *средний*, *странна* («страна»), *товарищъ*, *умрети*, *хранить*.

Новый приток славянизмов в литературу в XV—XVII вв. отразился, несомненно, и на живой речи.

Обучение грамоте велось по «исправленным» церковным книгам, многое из них выучивалось наизусть и оставалось в устной речи. Так следует объяснить уже известное нам распространение в XV–XVII вв. произношения *жд* вместо *ж*, начальных *е*, *ю* вместо *о*, *у* в словах типа *Рождество*, *заблуждаться*, *рассуждать*, *понуждать*, *надежда*, *одежда*, *Елена*, *юноша*, *юг* и т. п.

Славянизмы, конечно, попадали прежде всего в речь тех людей, которые получили книжное образование. Речь священника или князя, очевидно, отличалась в этом отношении от речи представителя городских низов, а речь последнего, в свою очередь, — от речи крестьянина. Так, исследования показали, что в речи высших слоев киевского общества было больше славянизмов, нежели в речи низших слоев (32). В некоторых случаях, возможно, летописец сознательно стремился показать различия в речи представителей разных социальных слоев общества. Описывая людей, угнанных в 1093 г. половцами в плен, летописец пишет: «нази ходяще и боси ногы имуще сбодены тернье(м). со слезами отвъщеваху другъ къ другу глюще. азъ бѣхъ сего города. и други. а язъ сея вси [голые шли и босые, с ногами, израненными тернием, со слезами отвечали друг другу, говоря: «Я — из этого города», а другой — «Я из этого села»]» («Повесть временных лет»). Может быть, не случайно в речи горожанина летописец употребил старославянское местоимение *азъ*, а в речи сельского жителя — народно-разговорное *язъ*.

Социальные и культурные различия между людьми отразились и на устной речи периода Московской Руси. Памятники сохранили для нас диалоги и монологи на книжные темы, позволяющие судить о беседах книжно

образованных людей. В их речи сравнительно много славянизмов. Вот отрывки из полемического произведения «Прения с греками о вере» (XVII в.), написанного Арсением Сухановым: «И Кирил де, то свѣдав, укрывался в дальних словянах, что нынѣ живуть под цесарем, и там де преставился»; «престани от помышления своего [т.е. оставь свою мысль], еже носити тебѣ на главѣ своеи бѣлый клубок».

Говоря о существовании у русских двух языков — «славянского» (т.е. церковнославянского) и русского, Генрих Вильгельм Лудольф сообщал в «Русской грамматике»: «Чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи» (43, стр. 113). Сам Лудольф дал примеры рассуждений на религиозные темы, довольно богатых славянизмами, но имеющих и разговорные элементы. Надо полагать, что в XVII в. можно было слышать, например, такие монологи: «Спаситель скажет: аще кто хощеть по мнѣ ити да отвержетъ ся себѣ. Что то, отвержетъ ся себѣ? Отложитъ плотские похоти и мирскую любовь, и только попечися о богоугодномъ житии, си речь: что бы мы по примеру Спасителя нашево всегда жили, въ смиренномудрии въ любви, и въ чистотѣ [Спаситель говорит: «Если кто-нибудь хочет идти за мной, пусть отречется от себя». Что это значит — «отречется от себя»? Оставит плотские похоти и мирскую любовь и будет заботиться только о богоугодной жизни, т.е. чтобы мы всегда жили по примеру спасителя нашего, в смирении, мудрости, в любви и в чистотѣ]». Перед нами разъяснение «своими словами» евангельской заповеди.

Естественно, что это не могло быть выражено без использования элементов церковнославянского языка (*аще, хощетъ, отвержется, богоугодныи, житие, смиренномудрие*). И, тем не менее, мы имеем дело здесь, по-видимому, с реальной, живой «церковно-бытовой» речью, а не с церковнославянским языком. Об этом говорит и сравнительно простой синтаксис высказывания, и элементы живой речи: *сказати, чтобы, нашево*.

Известный языковед Б. А. Ларин, издавший «Грамматику» Лудольфа, показал, что Лудольф записал образцы речи разных слоев русского общества XVII в. Так, по мнению Б. А. Ларина, в «высших и наиболее просвещенных кругах московского населения» усвоил Лудольф такие фразы, как «напразно попечеть ся, как Вышнои не благословить»; «кажеть ся мнъ, что онъ не ученъ»; «по моему мнѣнию то болново ослабляетъ»; «скажуть, что пригожие женщины во француской землѣ»; «то великое утешение мнъ было о чужихъ земляхъ бесѣдовать»; на среду высшего и среднего купечества и тогдашней «технической интелигенции» — мастеров, специалистов указывают такие, например, фразы: «по тои ценѣ продавать не могу»; «много я издержкаль на етую работу, а жаль мнъ, что деньги не въ моишъ держаль»; «то ихъ убычей (т.е. обычай), что лутче ты платишь, то хуже служають»; от дворовых слуг были записаны такие фразы: «ты меня здвора (т.е. со двора) послаль, не могу два дѣла въдругъ зделать»; «я бежаль будъто бешенна собака», «въ передъ ленивъ не буду» (43, стр. 36–38).

Если же мы обратимся, например, к произведениям протопопа Аввакума (вторая половина XVII в.), то найдем там элементы крестьянского просторечия — и не

только в прямой речи, но и в авторском тексте. Вот как многострадальный Аввакум описывает свое возвращение из сибирской ссылки: «Пять недель по лду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки; а сам и протопопица брели пеши, убивающиеся о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошадми итти не поспеем, голодные и томные [т.е. утомленные] люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кольско гораздо! В ынью пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нее набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «Матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «Что ты, батко, меня задавил?» Я пришел, — на меня, бедная, пеняет, говоря: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти!» Она же, вздохня, отвещала: «Добро, Петрович, ино еще побредем».

Как видим, письменность сохранила для нас образцы речи разных слоев населения Московской Руси. Славянизмы в разной степени использовались в их речи. Однако, с уверенностью утверждать, что они проникли во все ее разновидности — вплоть до сельских народных говоров. Так, в говорах первой половины нашего века зафиксировано довольно много неполногласных слов, проникших в них, по-видимому, гораздо раньше. Вот некоторые из этих слов: *благо, благой, блажной, блажить, брашно, брань, владать, враг, вред, время, здравствуй, зрачный, младшей, помраченье, нрав, праздник, прах, сладкий, средний, средство («лекарство»), срам, странный, потреба, прокляжаться, хранить* и др. (87, стр. 113–118). Нетрудно видеть, что большая часть приведенных слов встречалась в записях устной речи с

древнейшей поры, а также в произведениях народного творчества.

Таким образом, разные источники указывают на один и тот же сравнительно небольшой круг славянизмов, усвоенных устной речью. Эти славянизмы, утратившие в значительной степени свой книжный характер, могли употребляться в речи в соседстве с исконно русскими словами. Вот летописные примеры употребления в одном и том же высказывании слов с полногласными и не-полногласными сочетаниями: «*пережьду* и ъще мало *время*» (Суздальская летопись); «*братья же рекоша ему а пойдьмы въ свою волость* мало *перепочивше* опять *възвратимъся*» (там же).

Как показывают записи устной речи в древних памятниках, церковнославянский язык оказывал на нее определенное влияние. Однако в устную речь попадали лишь те славянизмы, которые были наиболее распространены в письменных памятниках, причем количество славянизмов в устной речи зависело от степени книжной начитанности говорившего.

Важнейшие изменения в разговорной речи

Записи речей, случайные реплики — далеко не единственный и даже, пожалуй, не основной источник наших сведений о разговорной речи Древней Руси. Основные фонетические и грамматические явления, свойственные живой речи (т.е. ее «каркас»), выясняются путем изучения всех памятников, написанных или переписанных на Руси, в том числе и памятников церковнославянского языка русской редакции (последние, как мы уже знаем,

отражают некоторые явления, свойственные восточнославянской речи и не свойственные старославянскому языку). Явления, вышедшие из употребления в литературном языке, могут сохраниться в современных народных говорах, изучение которых также позволяет судить о народной речи прошлого.

Сопоставительное исследование памятников и современных народных говоров позволило языковедам выяснить существенные изменения, произошедшие в живой разговорной речи на протяжении многих веков. Рассмотрим кратко эти изменения.

Важнейшим изменением в фонетике было закончившееся в XII–XIII вв. так называемое падение редуцированных, т.е. очень кратких звуков, изображавшихся на письме буквами ъ (звук, средний между о и ы) и ь (средний между е и и). В одном положении они исчезали (например, вместо *къто*, *зъвати* стали говорить *кто*, *звати* и т. п.), а в другом — переходили соответственно в о или е (например, *сънъ* изменилось в *сон*, *дънь* — в *день* и др.). Изменился и ряд других звуков и их сочетаний. Так, звук ё, близкий к дифтонгу⁷ ie, перешел в e (в украинском языке — в i); различна судьба ѿ в современных говорах, в некоторых из них ѿ сохранился в качестве особого звука. Шипящие (ж, ш), а также ѹ из мягких стали твердыми, сочетания гы, кы, хы (*гыбель*, *кыслый*, *хытрыи*) изменились в ги, ки, хи.

В области склонения имен существительных в единственном числе произошло уподобление одних типов склонения другим по признаку рода и образование благодаря этому немногих основных образцов склонения. На-

⁷ Дифтонг — сочетание двух гласных звуков в одном слоге.

пример, слова типа *стол*, *конь*, *сын*, *гость*, *камень*, склонявшиеся по-разному, теперь образуют один тип склонения слов мужского рода.

Еще дальше процесс унификации типов склонения пошел во множественном числе, где древние различия между типами склонения полностью стерлись. В дательном, творительном и местном падежах множественного числа в XIII веке начинают распространяться окончания *-амъ*, *-ами*, *-ахъ*, которые раньше были свойственны только словам женского рода на *-а* (типа *сестра*: Д. п. мн. числа *сестрамъ*, Тв. п. мн. числа *сестрами*, М. п. ед. числа *сестрахъ*). С XIII в. эти окончания появляются и у существительных других типов: Д. п. мн. числа *столамъ* (вместо более ранней формы *столомъ*), Тв. п. мн. числа *столами* (вместо *столы*) и М. п. мн. числа *столахъ* (вместо *столѣхъ*) и др. В современном языке сохранились остатки старых форм. Например, в сочетании *поделом ему* сохранилась старая форма дательного падежа множественного числа *делом*: нѣ(с) ти уже надежа. нѣ(с) ти сїсения нѣ вѣчная мука... приими по дѣломъ твоимъ. (Сборник слов и поучений XII/XIII вв.). В именительном и в родительном падежах множественного числа закрепились различные окончания (в современном языке И. п. мн. числа: *столы*, *города*, *села*, *жены*; Р. п. мн. числа *столов*, *ножей*, *сел*, *жен*), но эти различия в окончаниях уже не соответствуют различиям в старых типах склонения.

Важнейшим изменением в системе форм глагола был выход из употребления простых форм прошедшего времени. Так, имперфект был, по-видимому, утрачен уже в XII веке, а аорист встречается в памятниках, отражающих живую речь, еще в XIV–XV вв. В дальнейшем на

базе перфекта была образована одна форма прошедшего времени (*писал*, *читал* и т. п.). Эти и многие другие изменения, произошедшие в живой речи, составляют предмет особых наук — исторической фонетики и исторической грамматики русского языка.

Несомненно, что в речи разных районов Древней Руси имелись различия. Существовали диалекты, на которых говорило местное население. У этих диалектов имелись свои определенные черты, отличавшие их от других диалектов и от киевского койне. Перечисленные нами изменения в фонетике и грамматике происходили не всюду одинаково, а иногда вовсе отсутствовали. На материале новгородских берестяных грамот в настоящее время хорошо изучен древненовгородский диалект (24), имеющий много специфических черт. В то же время на всей территории древней Руси (включая и Новгородскую землю) функционировал единый «образцовый» древнерусский язык, сложившийся на основе киевского койне. Письменность распространялась из Киева, и поэтому язык киевских памятников, во многом отражавший киевское койне, влиял на речь других городов. Культура восточнославянских племен, вошедших в состав Киевского государства, была едина. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что христианство довольно быстро распространилось по Руси и летописец конца XI в. уже представлял себе всю Русскую землю крещеной. Киевский диалект был воспринят (главным образом среди грамотного населения, а грамотность в городах была, по-видимому, широко распространена) как общерусская норма правильной речи. Конечно, и в киевский диалект проникали элементы языка других территорий. Так, например, северные слова *вѣкша* или *вѣкшица* («белка»),

пъря («парус») встречаются в киевском памятнике — «Повести временных лет». С юго-востока проникло к киевлянам заимствованное из древних тюркских языков слово *лошадь*: его употребил Владимир Мономах в речи на Долобском совещании князей в 1103 г.: «половчинъ... лошадь его [смерда] поиметь [половчин... лошадь его возьмет]». В то же время киевские слова, естественно, попадали в речь других местностей. Так, киевское название белки *вѣверица* отмечено в северорусских памятниках; слово *лошадь* из Киева перешло в более северные области, где раньше употреблялось лишь слово *конь*, и т. п.

Однако с течением времени в памятниках разных территорий попадается все больше местных черт. Это свидетельствует о том, что диалектные различия в устной речи начинают увеличиваться. Знакомый с историей читатель, очевидно, догадывается о причинах этого явления: наступил период феодальной раздробленности, а затем татаро-монгольского господства. Ослабление политических и культурных связей между разными местностями способствовало сохранению и увеличению местных различий в речи. Памятники XIII—XIV вв. сохранили довольно много местных, не общеrusских явлений устной речи. Назовем некоторые из них. Северные говоры характеризовались, например, такими звуковыми явлениями: не различались согласные *ц* и *ч* и на их месте произносился какой-либо один из этих звуков (*чистый* вместо *чистый*; *челый* вместо *целый*); звук *г* произносился так, как в современном литературном языке, т.е. как мгновенный, «взрывной» звук, в южных говорах ему соответствовал длительный

«фрикативный»⁸ *г*; в новгородских и псковских древних рукописях встречается сочетание *жг* в словах типа *дожгъ* (ср. *дождъ*), *пригважгаема* (ср. *пригвождаема*) и т. п. Псковским говорам, кроме того, было свойственно смешение *с* и *ш*, а также *з* и *ж* (*здати*, *весна*, *жимою*, *ношаie*; ср. *ждати*, *весна*, *зимою*, *ношаie*); употребление сочетаний *кл*, *гл* в соответствии с *л* в других говорах (*привегли*, ср. *привели*; *ёгла*, ср. *ель*) и т. п. Древние южные и юго-западные говоры, кроме фрикативного *г*, отличались, например, произношением звука *у* вместо *в* (*узять*, *унук*, *усе*, ср. *взять*, *внук*, *все*); в юго-западных (галицко-волынских) памятниках встречается сочетание *жч* в словах типа *дожчъ* («*дождъ*»); о произношении написаний *жг* на севере и *жч* на юго-западе в словах типа *дожгъ* (*дожчъ*) существуют разные предположения. Известны диалектные различия и в словарном составе. Так, в качестве слов, свойственных только древненовгородскому диалекту, приводятся, например, *гвѣздка* — «звезда в узоре», *замѣхатися* — «замешкаться», «не исполнить», *зобатися* — «заботиться», *изѣѣтати* — «заявить о правонарушении», *кадъца* — «мера количества зерна», *клѣтице* — «кусок домотканого холста», «холстина», *омеши* — «лемеха» и др. (24, стр. 209). На юго-западе были распространены, например, такие слова, как *багно* — «болото», *болонье* (*оболонье*, *болонь*, *оболонь*) — «низменное поречье», *луг*, *глэй* — «глина», «ил», *пуща* — «большой лес» и др.; на юге: *рѣнь* — «крупный песок», *черевикъ* «башмак» и др. (73, стр. 94).

⁸ Фрикативный согласный — это звук, получающийся в результате трения выдыхаемого воздуха при неполном сближении органов речи (в русском литературном языке фрикативными согласными являются *ф*, *с*, *х*).

Постепенное накопление диалектных различий явилось причиной образования трех восточнославянских языков — русского (великорусского), белорусского и украинского. Как нетрудно заметить, южные (а также и юго-западные) древние диалектные черты во многом соответствуют особенностям белорусского и украинского языков, формировавшихся на юго-западной территории Руси. Эта территория с XIII–XIV вв. находилась в составе Большого княжества Литовского, позднее — в Речи Посполитой.

Великое княжество Литовское — это феодальное государство, существовавшее в XIII–XVI вв. на части территории современных Литвы, Белоруссии и Украины (столицы — Тракай, затем — Вильнюс). С 1362 г. в его составе был и Киев. В ходе Ливонской войны 1558–1583 гг. это государство объединилось с Польшей в результате Люблинской унии 1569 г. в Речь Посполитую, просуществовавшую до 1795 г. Эти исторические события усиливали языковые различия между северо-восточной и юго-западной Русью.

Формирование великорусской народности и ее языка началось на северо-востоке, на территории Владимиро-Суздальской Руси с центрами Владимир, Суздаль, Ростов. Затем быстро растущая Москва со второй четверти XIV в. стала политическим и культурным центром Русской земли.

Владимиро-Суздальская Русь меньше других земель Киевского государства (не считая Новгородской) пострадала от татаро-монгольского нашествия. Московское княжество было удалено от мест военных действий, поэтому в него стекались беженцы из различных соседних княжеств. Это привело к тому, что население Мос-

ковского княжества стало смешанным. В состав Московского княжества постепенно входит целый ряд других княжеств: в конце 70-х годов XV в. Москва главенствует над всеми землями Ростово-Суздальского княжества; в 1478 г. присоединен Новгород, в 1485 г. — Тверь, в 1489 г. — Вятка, в 1510 г. — Псков, в 1514 г. — Смоленск. В XV в. создается сильное государство — Московская Русь.

Формирование языка великорусской народности сопровождается серьезными изменениями в грамматическом строем и словарном составе живого народного языка. Перечислим важнейшие из этих изменений.

Грамматический строй постепенно принимает вид, очень близкий к современному: окончательно выходят из употребления аорист, категория двойственного числа (например: *рукама и ногама*, ср. современные *руками и ногами*); краткие прилагательные в функции определения заменяются полными (вместо *камень теремъ* стали говорить только *каменный теремъ*); утрачивается звательная форма падежа (*отче, господине*); появляется форма иминительного падежа множественного числа с окончанием -а (*города* вместо *городи*); появляются формы типа *рукъ, ногъ сохъ* вместо *руцѣ, ногѣ, сосѣ*; сочетания -ый, -ий (например, в окончаниях прилагательных) заменяются на -ой, -ей (*простый, сам третий* изменяются в *простой, сам третей*), распространяется окончание у в родительном и местном падежах единственного числа существительных мужского рода (*из лесу, в лесу*), окончательно определяется категория вида глаголов, исчезает форма второго будущего времени (типа *буду купить*), закрепляется окончание -ши в форме второго лица единственного числа (*знаешь*) вместо -ши (*знаеши*), появляется постфикс -сь после

гласного, представляющего собой окончание личной формы глагола (*боюсь*; ср. *боящаяся*), утрачиваются двойные падежи (*постави мя попомь* вместо *постави мя попа*). Были утрачены некоторые очень употребительные слова, например, *око*, *перст*, *речи*, *глаголати*, *имати*, *зрѣти* вытесняются словами *глаз*, *палец*, *сказать*, *говорить*, *брать*, *смотреть*; вместо союзов и союзных слов *яко*, *да (дабы)*, *иже*, *аще*, *оже* и других распространяются *что*, *чтобы*, *который*, *если* и др.

Все эти изменения происходили в живой разговорной речи Московской Руси. Приведем примеры записей этой речи, произведенных в XVII в. уже известным нам Лудольфом (курсивом выделим те новообразования, о которых шла речь в предшествующих абзацах): «Онъ самъ мнѣ *сказалъ*, что състра ево за тебя замужъ вышла; *говарятъ* что тамъ страшно холодно; поди ныне и *смотри* *если* портнои мастиръ здѣлалъ мою шубу; *смотри* за рѣкою продажная ли дрова тамъ; пособи мнѣ роздѣвать сапоги и повиси ихъ *что бы* завтра сухие были; хъ *которои* немочи ты склоненъ; есть такихъ, *которые* въ одномъ пиру пропиютъ *что* во всемъ году нажили; море не люблю, *если* сухимъ путемъ поѣду не утону». Фразы эти в переводе не нуждаются: они очень близки современной бытовой речи.

Языковеды, изучавшие разговорный язык Московской Руси (А. А. Шахматов, Б. А. Ларин), полагали, что и в XIV, и в XV вв. там еще не существовало какого-либо «общебытного языка» — кийне. В Москве, находившейся на границе северных и южных говоров, одни говорили по-севернорусски, другие — по-южнорусски. Однако в XVI в. постепенно вырабатываются нормы московской разговорной речи, в которой нашли отражение как

северновеликорусские, так и южновеликорусские явления. Например, многие особенности согласных звуков были унаследованы от северных говоров, а гласных — от южных. Поэтому в Москве нормой стало произношение *г* взрывного (см. стр. 106). Это северная черта. Но другая северная черта — *оканье*⁹ — в Москве не сохранилась: там стали «акать». Севернорусскими по происхождению были, например, такие явления речи: произношение *т* твердого в окончании третьего лица единственного и множественного числа глаголов (*идет*, *идут*, ср. южные *идеть*, *идуть*), произношение звука *в* в окончании родительного падежа единственного числа прилагательных и местоимений мужского и среднего рода (*тово*, *доброво*, ср. южные *того*, *доброго* — с *г* фрикативным).

Разговорная речь города Москвы, естественно, проникала в письменность, и прежде всего — в деловые документы, создававшиеся в московских «приказах». Некоторые из этих документов представляли собой нечто вроде современных протоколов: в них должно быть записано то, что кто-то выразил устно. Это так называемые расспросные речи (т.е. протоколы допросов) или записи рассказов («сказок») о различных происшествиях, о быте и нравах других народов. Приведем пример из расспросной речи москвича Т. В. Редькина (август 1671 г.): «А в роспросе сказал августы де въ 1м числѣ в о(б)ѣзде своемъ ѿзил поутру и после обѣда осматривал караулов и дому и у Никиты сторожа поутру изба топила(с)а в

⁹ Оканье — различение гласных звуков *о* и *а* в безударных слогах, аканье — неразличение гласных звуков *о* и *а* в безударных слогах. Так, в современном литературном языке произносят *вода*, *гора* (хотя под ударением в других формах у этих слов звучит *о* — *вод*, *гор*), а в северных говорах — *вода*, *гора*.

полдни на дворе печь на квасы топила(с) же и он Тимофеи в тои печи огонь стре(л)цам велъл зали(т) потому что та печь блиско ево Микитиных хором».

Правда, писцы, боясь прослыть неграмотными, сгаживали многие неправильности и просто разговорные черты живой речи. Они стремились следовать правилам письменной речи. Между прочим, этим они отличаются от иностранцев, не ставивших перед собой такой задачи при записи древнерусской речи (а иногда не знавших этих правил). Поэтому в иностранных источниках можно найти явления разговорной речи, которым трудно было проникнуть в записи русских писцов; таковы, например, безличные и неполные предложения, которые мы находим в «Парижском словаре московитов» 1586 г.: «борзоль нам объдать? ужинать-ли нам? любо-ли тебъ то сдѣлать? куды дарога?» и т. п.

Авторитет Москвы в государстве был высок. Он распространялся и на ее речь. Получая документ из московского приказа, жители других местностей не только руководствовались его содержанием, но и воспринимали его язык. Развитие экономических и политических отношений способствовало распространению московской устной речи по территории Московской Руси. Все это и явилось причиной того, что говор города Москвы лег в основу формировавшегося на протяжении ряда столетий (со второй половины XVI до первой половины XIX в.) русского языка нового времени.

Русский язык в письменности

Систему славянского письма, пришедшую на Русь с

юга в X в., восточные славяне стали использовать не только для того, чтобы создавать произведения по образцу церковных книг, но и для того, чтобы записывать и комментировать реальные исторические события (зачастую в художественной форме), описывать свои путешествия, фиксировать на письме законы, вести частную переписку. Летописный рассказ, воинская повесть, художественно-повествовательные произведения, договоры с греками, свод законов «Русская правда», многочисленные грамоты и т. п. — все это наполнено (в отличие от церковнославянских памятников) разнообразными словами и формами живой восточнославянской народной речи.

Уже говорилось, что в крупных городах русского государства (прежде всего в Киеве, позднее в Москве) вырабатывалось так называемое койне, на котором говорили грамотные люди. В письменности они употребляли либо церковнославянский язык, либо (если это допускал предмет повествования) то койне, на котором они говорили, но, естественно, в обработанном, упорядоченном и «книжненном» виде, как того и требует всякая письменная речь в отличие от устной. Уже в койне, как мы знаем, проникло известное число славянизмов. В письменной речи, возникавшей на основе этого койне, их было больше. Количество и состав славянизмов в произведении во многом зависели от его содержания. С этой точки зрения светскую письменность обычно делят на две группы. К первой из них относят летописные рассказы и различные повествовательные произведения. В этих произведениях древнерусская народная речь сочеталась и взаимодействовала со славянизмами. Ко второй группе

принадлежат памятники делового характера. Здесь славянизмы представлены более скромно.

Рассмотрим каждую из этих групп в отдельности.

Язык оригинальных произведений светской литературы

Вероятно, уже при Владимире Святославиче (978–1015 гг.) на Руси начали вести записи важнейших исторических событий. Затем эти отдельные записи объединялись в своды. Кроме того, в своды включались различные народные сказания, такие, как рассказ о мести Ольги древлянам, так называемая Корсунская легенда, рассказ о поединке русского юноши с печенегом, легенда о белгородском киселе и др. Древнейшим из дошедших до нас сводов является «Повесть временных лет», составленная в начале XII в. монахом Нестором в Киево-Печерском монастыре. Язык летописи, посвященной реальным историческим событиям, очень сильно отличается от церковнославянского языка. Он богат элементами живой народной речи. Наряду с восточнославянскими элементами (и, естественно, с общеславянскими) мы находим в летописи слова, выражения, фонетические и грамматические явления, заимствованные из старославянского и церковнославянского языков. Это естественно: летописи велись грамотными людьми (в том числе монахами при монастырях), знакомыми с книгами, написанными по-церковнославянски.

Прочтите внимательно приведенный ниже отрывок из «Повести временных лет». Это начало известной легенды о белгородском киселе: «Володимеру же шедшю Новугороду по верховьниъ воъ [т.е. за воинами, которые находились в верхних, северных, по отношению к Киеву, землях] на Печенѣги. бѣ бо рать велика бес перестани. В се же время увѣдѣша Печенѣзи. яко князя нѣту. и придоша и сташа около Бѣлагорода. и не дадяшу вылѣсти из города. и бы(с) [т.е. был] гладъ великъ в городѣ. и не бѣ лзъ Володимеру помочи. не бѣ бо вои у него. Печенѣгъ же множество много. и удолжися остоя [т.е. затянулась осада] в городѣ. и бѣ гладъ великъ. и створиша вѣче в городѣ. и рѣша се уже хочемъ померети о(т) глада. а о(т) князя помочи нѣту...» (далее рассказывается о том, как белгородцы обманули печенегов, показав им, что у них пища — кисель, мед — идет из земных колодцев, и те «вѣсташа о(т) града и в своя си идоша»).

Нетрудно убедиться в том, что этот отрывок (как и вся легенда) написан не по-церковнославянски. В самом деле, текст прост по синтаксической структуре: преобладают простые предложения, соединенные союзом *и*. Употреблено много восточнославянских слов и форм: *вылѣсти из города*, *помочи*, *хочемъ померети*, *бес перестани* (видимо, результат замены приставки *пре-* в церковнославянском *бес престани* на приставку *пере-*), *нѣту* и др. Некоторые слова являются общеславянскими, т.е. они в равной мере свойственны и русскому и церковнославянскому языкам: *шедшю*, *великъ*, *придоша*, *сташа* и др. Наконец, есть и старославянские по происхождению слова (*время*, *гладъ*) и синтаксические обороты (так называемый дательный самостоятельный

ный¹⁰): «Володимеру же щедшию Новугороду» (т.е. «Когда Владимир пошел к Новгороду...»).

Народно-разговорные элементы и славянизмы находим и в художественно-повествовательных произведениях, таких, как сочинения Владимира Мономаха (конец XI — начало XII в.), «Слово о полку Игореве» (конец XII в.), «Девгениево деяние» (перевод на древнерусский язык византийского романа X в., сделанный в XII—XIII вв.), «Моление Даниила Заточника» (послание некоего Даниила к князю Ярославу Всеволодовичу, XII или XIII в.), «Слово о погибели Русской земли» (небольшое произведение XIII — начала XIV в., представляющее собой, по-видимому, только вступление к «Житию Александра Невского» или к какому-то несохранившемуся произведению), «Задонщина» — повесть конца XIV или начала XV в. о Куликовской битве, сочинения Афанасия Никитина (XV в.), Ивана Грозного (XVI в.), Ивана Пересветова (XVI в.), Григория Котошихина (XVII в.), Арсения Суханова (XVII в.), «Повесть об азовском осадном сидении донских казаков», сатирические произведения XVII в. и т. п.

Во всех этих произведениях мы находим не только те русские фонетические (записанные в письменности) и грамматические явления, которые закрепились уже в памятниках церковнославянского языка русской редакции (см. стр. 38–39, 48–49), но и значительное чис-

¹⁰ Дательный самостоятельный — синтаксическая конструкция, состоящая из причастия и существительного, употребленных в дательном падеже. Причастие обозначает действие, а существительное — того, кто это действие совершает. Дательный самостоятельный чаще всего соответствует по значению придаточному предложению времени.

ло таких явлений живой русской речи, которые или полностью отсутствуют в памятниках церковнославянского языка, или представлены там эпизодически.

При чтении многих летописей мы постоянно встречаем, например, слова с полногласными сочетаниями, с приставкой *вы-* пространственного значения, например, *выйти* (вместо старославянской *из-*, например, *изити*), крайне редкие в церковно-книжных памятниках. Подсчеты показали (4, 67), что, скажем, глаголы с приставками *пере-* и *вы-* в рассказах многих летописей встречаются чаще, чем глаголы с *пре-* и *из-* (и только в наиболее книжных по языку летописях типа Галицкой — немногим реже). Владимир Мономах в своих произведениях использует полногласные слова чаще, чем неполногласые (если не считать цитат из Священного Писания). То же относится и к произведениям таких русских авторов XV–XVII вв., как Афанасий Никитин, Иван Пересветов, Григорий Котошихин и др. Если славянизмы ограниченно употреблялись в летописях и художественно-повествовательных произведениях, то естественно поставить вопрос о том, чем объяснялось их употребление и каков их состав. Что заставляло авторов предпочесть славянизм древнерусскому слову или, наоборот, древнерусское слово славянизму? Об этом и пойдет речь в следующем разделе.

Соединение разговорного и книжного

Исследование языка русских летописей и художественно-повествовательных произведений показало, что в них употреблялись те самые славянизмы, которые в церковных книгах встречались наиболее часто. Круг этих славянизмов

вянизмов был несколько шире, чем в устной речи. Наиболее употребительная церковно-книжная лексика, чаще всего встречавшаяся при чтении и постоянно повторявшаяся во время церковной службы, входила в активный словарный запас.

Так, уже в «Повести временных лет» употребительны такие славянизмы, как *а́зъ*, *брань* («битва»), *владѣти*, *власть*, *влечи*, *врагъ*, *врата*, *вредъ*, *время*, *възвратитися*, *гладъ*, *градъ*, *единици*, *нравъ*, *область*, *предати*, *предатися*, *прельстити*, *преступити*, *работати*, *смрадъ*, *срамъ*, *храбръ*, *хранити* и др. (71).

С древнейших времен начинает вырабатываться определенный и довольно ограниченный круг славянизмов, которые все более прочно входят в древнерусскую письменную речь. Многие из этих слов постепенно теряют свою высокую, книжную окраску, перестают отличаться от исконно русских, стилистически «нейтральных» слов, начинают употребляться рядом с ними в одном и том же тексте, лишенном какой-либо литературной отделки. Вот пример такого употребления, взятый из «Хожения за три моря» Афанасия Никитина: «Весна же у нихъ стала съ Покрова святыя богородица; а празднують шижу Аладину и веснъ двѣ недѣли по Покровъ, а празднують 8 дни...». В этом простом и по форме и по содержанию тексте дважды употреблен полностью освоенный славянизм *праздновати*, не имеющий книжной окраски в современном русском языке. Сравнив между собой приводимые ниже два предложения из «Новгородской первой летописи», легко убедиться, что некоторые славянизмы (в данном случае *изгнati*) можно было использовать так же, как и синонимичные русские слова (в данном случае *выгнati*):

«Въ лѣ(т) (1154) изгнаша новгородици кнѧя яро-сла(в) ... и въведоша рости-слава».

«В то же лѣ(т) выгнаша изяславича новгородици Ярослава. а Ростиславича Роман посадиша».

Однако возможность такого сходного употребления славянизмов и древнерусских слов не означала, что они могли всегда заменять друг друга. Если в церковнославянском языке существовали устойчивые нормы употребления слов, то в древнерусском языке сложно взаимодействовали и переплетались разнообразные причины, влиявшие на выбор славянизма или народно-разговорного элемента. Степень книжности языка светских произведений была различной. Сравнивая, например, тексты разных русских летописей, можно заметить, что у одних летописцев рассказ сильно «окнижен», а у других — весьма незначительно. Если сопоставить с этой точки зрения шесть древнейших русских летописей, то окажется, что наиболее богаты славянизмами рассказы из «Повести временных лет» (памятника, разнообразного по составу, возникшего на основании многих источников) и Галицкой летописи (памятника, основная часть которого написана одним летописцем). Рассказы Новгородской, Сузdalской, Киевской и Волынской летописей значительно более прости по изложению и содержат меньше славянизмов. Летописцы, создававшие эти «некнижные» летописи, имея возможность выбора между древнерусским словом и славянизмом, довольно последовательно предпочитали древнерусское. Вот два отрывка, написанных такими летописцами: «князь же Всеволодъ здумавъ с братьемъ своею и с дружиною. води ихъ в роту [т.е. привел их к клятве, к присяге] в Поло́вь-

цьскую. поима ихъ поиде к Великому городу. и приде князь к городу. и перешедъ Черемисанъ... наряди полкы» (Сузdalская летопись); «и поидаша вси и полѣзша ко заборо(л)мъ [т.е. к городским стенам, укреплениям] и бѣахся крѣпко обои. и в то веремя приде вѣсть Лвови князю. оже рать идеть на нь велика. и повелъ перестати о(т) боя [т.е. прекратить бой]» (Волынская летопись). Простота синтаксического построения, регулярное употребление общеславянских или древнерусских слов (например, *городъ*, *переити*, *забороло*, малоупотребительное даже в летописи *веремя*) соответствуют конкретности, документальности таких рассказов. Их авторы иногда даже сами как бы превращали славянизм в русское слово, так, например, славянизм *мраморяныи* в некоторых рассказах переделан в *мороморяныи* (т. н. неполногласное сочетание *ra* было заменено на полногласное *oro*).

Однако и в таких рассказах могли употребляться хорошо известные славянизмы типа *время*, *възвратити-ся*. И тем не менее русская основа этих рассказов несомненна.

Аналогичные примеры можно найти и в литературе более позднего периода. Вот отрывок из уже упоминавшегося «Хожения за три моря» Афанасия Никитина: «И туть есть Индѣйская страна, и люди ходять нагы всѣ, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены, а всѣ ходят брюхаты, дѣти родять на всякий годъ, а детей у нихъ много...».

Но даже обратившись к произведениям тех авторов, которые больше заботились о литературности, книжности своих сочинений, мы увидим, что язык многих из этих произведений очень существенно отличается от

церковнославянского. Приведем пример из Галицкой летописи: «Ростиславъ... пѣщцъ же остави противу врато(м) гра(л). стрѣщи вратъ. да не изиидуть на помошь Данилу. и не исѣкуть праковъ [т.е. не разобьют стенобитные орудия]. Ростислав же исполнчився преиде дебрь глубокую... крѣпко копьем же изломившимся. яко о(т) грома трѣсновение бы(с) и о(т) обоихъ же мнози падше с конии умроша. ини уязвени быша о(т) крѣпости ударения копѣйного». Этот пример показывает, что книжная отделка таких рассказов была довольно ограничена и своеобразна. Если авторам было хорошо известно как ста-рославянское, так и русское слово (*градъ* — *городъ*, *изи-ти* — *выйти* и т. п.), то они регулярно употребляли ста-рославянское. Но эти славянизмы соседствовали с типично летописной древнерусской фразеологией и народно-разговорными словами.

Аналогичную книжную отделку можно найти и в произведениях более позднего периода. Их авторы стремились совместить книжность языка с его доступностью: эта литература предназначалась для читателей, прошедших лишь начальный этап книжного образования. К таким произведениям относятся, например, возникшие в XVII в. «Повесть о Карпе Сутулове», «Сказание о куре и лисице» и некоторые другие. Так, в «Повести о Карпе Сутулове» нет ни одного слова с полногласием, местоимение *аъзъ* употреблено 31 раз, а *язъ* или *я* — ни разу. Часто, хотя и не столь последовательно и не совсем правильно, используются утратившиеся в живой речи формы аориста и имперфекта (*новелеша*, *отвещаше*), книжные формы причастий, синтаксический оборот дательный самостоятельный и т. п. Но вся эта книжность, представлявшая собой только собрание наиболее упот-

ребительных штампов церковной литературы, выглядела довольно поверхностно на фоне таких разговорно-просторечных явлений, как *вытти*, *в одных*, *рублев*, и в составе простых по структуре предложений, например: «И в то же время прииде ко вратом поп, отец ея духовны, по приказу ея, и принесе ей с собою денег двести рублев и начал толкатися во врата, она же скоро возре в окошко и восплеска руками своими».

Авторы светской литературы всегда предпочитали употребить народно-разговорное слово в том случае, если книжный образец был малоупотребителен и поэтому ощущался бы в произведении как чрезмерно книжное, инородное явление. Стремление писать в одном и том же книжном ключе ограничивалось сложившимися в древнерусском языке определенной эпохи нормами употребления слов. Например, в рассказе о событиях 1254 г. уже упоминавшийся галицкий летописец рассказывает о том, как воины искали дерево и солому, чтобы поджечь город. Дерево и солома могли быть названы как с помощью неполногласных славянизмов *древо* и *слама*, так и с помощью полногласных русских слов *дерево* и *солома*. Галицкий летописец всегда последовательно ориентировался на книжные образцы, но в этом рассказе он употребил наряду с неполногласным словом *древо* полногласное слово *солома*: «кисахуть бо вои ъздяще съмо и съмо [т.е. туда и сюда]. дрѣва и соломы што бы приврещи [т.е. подбросить, подложить] граду». Дело в том, что слово *древо* было хорошо известно и автору, и читателям, а слово *слама* было малоупотребительным; оно изредка встречалось лишь в церковных памятниках, но было слишком книжным даже для автора — любителя книжных слов. Так же объясняются и многие другие по-

добные случаи совместного употребления славянизмов и народно-разговорных слов в памятниках древнерусского языка, в том числе и особенно неожиданное, на первый взгляд, сочетание в одном контексте слов с синонимичными и близкими по форме русскими и старославянскими словообразовательными элементами, например глаголов с приставками *пре-* и *пере-* в рассказе из «Новгородской первой летописи»: «тъгда же мъстислав(в) *перебродяся днѣпры. прѣиде...* на сторожи [т.е. к передовым отрядам] татарьскыя». Для *перебродитися* отсутствовал книжный образец с приставкой *пре-*, а глагол *преити* широко употреблялся в памятниках церковнославянского языка. Лишь наиболее последовательные авторы и писцы проводят такую отделку текста, при которой заменяют разговорные морфемы на книжные, и возникают искусственно-книжные образования типа *пребродитися*, *превозитися* (см. стр. 41, 42).

Наряду с авторами, писавшими в одном стилистическом ключе, имелись и такие, которые зачастую чередовали русское слово и славянизм, стремясь избежать повторений. (В редких случаях это имело место и в церковнославянских текстах, см. стр. 44, 45.) Один и тот же предмет назывался по-разному. Свое знание как живого народного языка, так и церковнославянского многие древнерусские книжники использовали в целях литературной отделки своих сочинений. Примеры чередований синонимичных русских слов и славянизмов (чаще всего полногласных и неполногласных слов) имеются в памятниках разного времени: «и ста Володимерь на сей сторонѣ. а Печенѣзи на онои. и не смяху си на ону страну. ни они на сю страну» («Повесть временных лет»); «а на полуденной [т.е. южной] стѣнѣ ворота зовутся сион-

ская, большия же. Тъми враты идти токмо къ сионской церкви, а иной большой дороги къ тѣмъ воротамъ ни откуду нѣть, понеже пришли съ обѣихъ странъ овраги великие; да отъ тѣхъ же сионскихъ вратъ внизъ къ Юдоли плачевной близь святая святыхъ есть ворота не велики...» (Арсений Суханов. «Проскинитарий», XVII в.; отрывок из описания Иерусалима). А вот пример чередования старославянского по происхождению условного союза *аще* с русским буде: «*аще* меня задушат и ты причти [т.е. приравняй] мя с Филиппом митрополитом Московским; *аще* зарѣжутъ, и ты причти мя з Захариею пророкомъ; а буде в воду посадять, и ты яко Стефана Пермского свободиша мя» («Житие протопопа Аввакума», XVII в.).

Использование славянизмов в древнерусском языке было связано с содержанием того, о чем шла речь в произведении. Изложение событий светской жизни было тесно переплетено с религиозной идеологией: многие летописные рассказы создавались в религиозно-назидательных целях, многие светские лица причислялись к лицу святых и т. п. И естественно, что как только автор заговаривал на религиозные темы, он обращался к тем средствам языка, которые ему уже были хорошо известны из церковных книг. Если речь шла, скажем, о перенесении тел святых, то почти всегда употреблялись глаголы с приставкой *пре-* (в окружении других славянизмов), например: «и створше праздникъ праздноваша свѣтло. и преложиша я [т.е. их, Бориса и Глеба] в новую црквь» («Повесть временных лет»); если речь шла об избрании епископа или настоятеля монастыря, то, как правило, использовался старославянский глагол *избрать*, а не русский *выбрать* (4, стр. 171), например: «бжиею же

волею избранъ бы(с) Иванъ пискунъ» (Галицкая летопись); когда Арсений Суханов в своем «Проскинитарии» говорит о переходе «юдоли плачевной» (долины плача)¹¹, он употребляет глагол *преити*, говоря же о переходе ничем не примечательного гребня горы, он использует глагол *переити*. Сравните:

и соидутся обои, *прешедъ* а *перешедъ* гребень, стали Юдолъ плачевную на одну на высокомъ мѣсте межъ дорогу в Вифанию и на горъ, на лужку.
Иорданъ...

Славянизмы нередко используются в составе устойчивых словосочетаний, сложившихся в церковнославянском языке, например: *предъ богомъ* и *предъ члвки*, *вышнии градъ* и др. Эти словосочетания часто представляют собой перифразы¹²; так, о смерти писали: «дша своя предаша в руцъ бу» (Галицкая летопись), о сожжении: «огневи предаша» (там же). Устойчивые выражения типа *на предълѣжаща възвратимъся* или *на предъреченая взидемъ*, очень употребительные в церковно-книжных памятниках, используются тогда, когда авторы переходят к продолжению прерванного описания.

Естественно, что славянизмами богаты торжественные, эмоциональные описания, в которых речь идет о предметах, вызывающих восхищение или уважение: «мѣсто же то красно вѣдѣниемъ. и устроено различными

¹¹ Юдолъ плачевная — Кедронская или Иосафатова долина, отделяющая в Иерусалиме старый город от горы Елеонской (см. 58, т. 3, стлб. 1153). В Библии она упоминается в «Книге пророка Иоилля» (Иоил. 3.2, 12) как долина Иосафата (иудейский царь, см. III Цар. XV, 24; Матф. I, 8), где будут собраны грешники для совершения над ними страшного суда. Ср. также Пс. 83, 7.

¹² Перифраза — выражение, являющееся описательной, распространенной передачей другого выражения или слова.

Лаврентьевский список летописи 1377 г.

дешево чисто болгар
скую пивовараху съл
пътешупутлада пиво
гравиторатися отгр
протину пондоша ипок
лишаволгаре такожде
васемешине въвзвеси
разубекта
ръкът ² ч д
гордътъ граствишю ико
машепомъгънушесъ
и привиденка смущену
шляссесъва именемъ
шалту
ръкто ² ч в
ръкто ² ч г
ръкто ² ч д
ръкто ² ч с
дешлегънагръбъ и
гордъстаси ивълътъ
погълъни сътъвъдъ
гънагръбъ ичъди
и кръничън. Тамеръ. и
полакъ. искъверъ. иде
ръгълънъ. ирадиранъ
и хърватъ. идуалътъ.
и тъверцъ. и тъкусутъ
дъловънъ. и вънъшаху
тъщеникътъ сътъ и
състъмъна сълпопъръшъ
гън. иаконътъ и икора
елъ. и стъмълътъ съор
вани. и приидеистъръ

хоромы цркви же бяше в немъ предивна красотою сияющи. тѣмъ же [т.е. поэтому] угодно бъ(с) [вместо бысть, т.е. было] князю пребывать в нем» (Волынская летопись).

В современном языке многие славянизмы используются и для того, чтобы вызвать ироническое, насмешливое отношение к чему-либо. Некогда они звучали возвыщенно, торжественно, но впоследствии стали звучать иронически: «Сначала меня поразило, особенно после Берлина, полное отсутствие просияющих нищих. Думал, «во человечех благоволение». Оказалось другое» (В. Маяковский. Париж). Евангельское (Лук. 2, 14) выражение *во человечех благоволение* употреблено явно не всерьез, а в шутку. В письменности Древней Руси, конечно, такого использования славянизмов мы не встретим: ирония средневековым произведениям мало свойственна. Но в XVII в. появляется сатирическая литература, распространявшаяся, по-видимому, в среде, далекой от духовенства. И вот здесь мы впервые встречаемся с использованием славянизмов в качестве средства пародии на церковную литературу. Одно из сатирических произведений, возникших в эту эпоху, направлено против пьянства. Оно имеет красноречивое заглавие «Служба кабаку» и пародирует текст из «Служебной Минеи». Сопоставьте эти два текста:

Благоугоден богови быв и
взлюблен бысть, и живый
посреди грешник преставися,
восхищен бысть, да не злоба
изменит разума его или лесть
прельстит душю его, ражение
бо злое губит добрая, и же-
лание похоти пременяет ум
незлобив.

«Служебная Минея»

«Служба кабаку»

Благоугоден пьяницам быв,
живый посреде трезвых
представлен бысть жалством,
восхищен бысть и с яркими
на воровстве уловлены
бысть, да злоба покрывает
разум его и лесть пьянства
превратит душу его. Рачение
бо злое губит добрая, и
желание похоти прелагает его
в ров погибели.

Итак, мы кратко остановились на том, что вызывает употребление славянизмов в тех произведениях, язык которых существенно отличается от церковнославянского языка.

Избирательное использование славянизмов сочеталось в летописных и художественно-повествовательных произведениях с широким применением разговорно-бытовой лексики и фразеологии, не свойственной церковнославянскому языку. Эта лексика различна по происхождению: здесь и некоторые слова, унаследованные из общеславянского языка, и образования восточнославянской эпохи, и устные заимствования (из греческого языка, из тюркских языков и др.). Все эти слова попали в письменные памятники не книжным путем, а из живой речи. К числу таких слов, употреблявшихся уже в древнейших русских летописях и обозначавших различные предметы и явления повседневного быта, относятся, например, *борона*, *молотити*, *огородъ*, *гриль* («воин, княжеский телохранитель»), *конюхъ*, *лошадь*, *боровъ*, *лебеда*, *комузъ* (т.е. «кумыс, напиток половцев», заимствовано из тюркских языков), *бортъ* («лесной улей»), *деревня*, *погость* («садьба, поселок, место остановки князей во время объездов земель; место около церкви и кладбища»), *теремъ*, *хоромъ* («дом, строение»), *порогъ*, *вѣжа* («шатер, кибитка; башня»); *грильница* («помещение для княжеских телохранителей»), *блла* («белка»), *куна* («куница; денежная единица»), *перевѣсь* («большая сеть для ловли птиц и зверей, которая перевешивалась с одного шеста на другой или с одного дерева на другое»), *перевѣсице* («место, где устраивались перевесы»), *коврига* и др. Там же встречаем большое число устойчивых сочетаний, возникших в русской княжеско-дружиинной среде и регулярно употреблявшихся разными летописцами. Вот некоторые из таких сочетаний: *держати русскую землю*

(«управлять русской землей»), *сѣдѣти на столѣ* (т.е. на княжеском престоле) *дѣда своего и отца своего, ѻсти хлѣбъ дѣдънъ* («княжить в наследственной отчине»), *вѣѣха со славою и честью великою, бишася крѣпко, поможе богъ, творити миръ* («заключать мир»), *прити* (или *ити*) *въ сторожѣхъ* («прийти с передовым отрядом»), *сложити голову, на свою голову, показати путь* («изгнать»), *ятися по дань* («согласиться платить дань»), *на щить дати (вѣдати)* или *вѣзяти* («в добычу отдать или взять»), *сѣсти на щитѣ* («сдаться»), *вѣзяти городъ копиемъ, ловы дѣяти* («охотиться»), *исполнити дружину* «поставить дружиину в полном вооружении» и др. В состав таких русских словосочетаний изредка проникают хорошо известные славянизмы; так, описание отступления под натиском врага, как правило, вызывает употребление в летописном рассказе глагола движения с русским предлогом *передъ* или со славянизмом *предъ*: «Саксини и Половци вѣзбѣгоша... пер(д) татары» (Суздальская летопись); «...побѣгнуша предъ угры» («Повесть временных лет»).

К произведениям домонгольской литературы, наиболее богатым народной лексикой, относится «Моление» или «Слово» Даниила Заточника (XII или XIII в., списки XVI, XVII вв.) — по-видимому, княжеского дружиинника или ремесленника, жалующегося своему князю на свою судьбу и молящего о помощи. Интересно, что свободно и постоянно используя народные (в том числе и диалектные) слова, этот образованный и начитанный человек употребляет в своем произведении и различные выражения из разнообразных книжных источников (Библии, сборника изречений «Пчела» и др.). Народная лексика используется в составе образных выражений, сравнений и т. п.

Приведем лишь два примера из множества возможных: Дивъя за буяном кони паствити, а за добрым князем воевати («Моление Даниила Заточника», список XVI–XVII вв.), т.е.: «Хорошо за горой (или холмом) коня пасти, а за хорошим князем (т.е. под водительством, под защитой хорошего князя) воевать». Здесь употреблено два народных слова (*дивъя*, *буянь*), не известных, судя по историческим словарям русского языка, другим памятникам письменности, но известных северорусским говорам (57, вып. 3, стр. 334; вып. 8, стр. 52). Эти народные слова соседствуют с книжным *паствити*. Народным иконно русским словом является, например, и слово *дерюга* («1. Грубая ткань из толстой линяной пряжи. 2. Перен. Плохая, грубая ткань, одежда (прост.)») (48, стр. 164): Лучше бы ми в дерюзе служити тебъ, нежели в багрянице в боярствѣ дворѣ («Моление Даниила Заточника») («Лучше бы мне в дерюге служить тебе <т.е. князю>, чем в багрянице <драгоценной одежде багряного цвета> на боярском дворе»).

В более позднее время в повествовательных и публицистических произведениях начинают применять те выражения, которые сложились в «приказном» языке Московской Руси (см. стр. 151–152). Например, сатирическая «Повесть о Ерше Ершовиче» начинается челобитной, в которой точно воспроизводятся многие языковые особенности этого вида деловой письменности. Сравните:

Жалоба, господа, нам на злого человека, на Ерша Щетинника, и на ябедника.

«Повесть о Ерше Ершовиче»

Жалоба гсдрь намъ на саседа своего на Стефана Купреянова.

«Московская деловая и бытовая письменность XVII в.». М., 1968; Челобитная 1649 г.

А нас, крестьян ваших, перебили и переграбили
«Повесть о Ерше Ершовиче»

И на(с), г(с)рь в улусе переимали и переграбили многи(х)
«Акты Астраханской воеводской избы», рукопись; Челобитная 1634 г.

Литературным и публицистическим произведениям зачастую придается форма деловых документов — челобитных (таковы челобитные Ивана Пересветова), военных донесений (такова «Повесть об азовском осадном сидении донских казаков», XVII в., написанная в форме донесения царю Михаилу Федоровичу), а в сатирической литературе XVII в. встречается и пародирование различных жанров деловой письменности (например, в «Калязинской челобитной», в «Сказании о роскошном житии и веселии», в «Лечебнике на иноzemцев»).

На всю светскую повествовательную и историческую литературу русского средневековья и ее авторов может быть распространено высказывание известного историка русского языка Л. П. Якубинского, относящееся только к сочинениям Мономаха: «Автор писал по-древнерусски не потому, что не умел писать по-церковнославянски, а потому, что он хотел писать именно по-древнерусски» (87, стр. 16, 17).

Книжные и фольклорные художественные средства

В светской художественно-повествовательной литературе сочетались не только церковнославянские и древнерусские элементы языка, но и книжные и народные художественные средства.

Народно-поэтические произведения (песни, сказки, былины, сказания и др.) создавались на Руси еще в дописьменную, языческую эпоху. Когда же появилась письменность и стали возникать оригинальные русские сочинения, в них нашли отражение фольклорные мотивы. Как уже говорилось, фольклорное происхождение имеют многие сказания, включенные в состав «Повести временных лет». И в дальнейшем, на протяжении всего периода своего существования, древнерусская литература использует идеи и художественные средства народной поэзии в сочетании с традиционными, книжными. Элементы фольклорной и книжной поэтики (метафоры, сравнения, эпитеты и др.) в разной степени отражены в таких произведениях, как летописные рассказы, сочинения Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Задонщина», позднее в «Повестях об Азове», в «Повести о Горе-Злачстии» и др.

Многие метафоры и сравнения, с которыми мы встречаемся в этих произведениях, построены на аналогиях, взятых из русской устной поэзии или из окружающей жизни (прежде всего из мира природы) и не используемых в церковно-книжных произведениях. Таково, например, сопоставление князя, воина с соколом. Источник этого образа можно усматривать как в бытовых картинах соколиной охоты, так и в народной поэзии, где соколом часто называют юношу — милого, жениха или брата (1, стр. 78).

Вот несколько примеров. В «Повести временных лет» в рассказе о событиях 1097 г. говорится о полках, которые «сбиша угры аки в мячъ. яко се соколь сбивает галицъ [сбили венгров в кучу, как вот сокол сбивает галок]». Всем памятны такие метафоры «Слова о полку

Игореве», как *далече заиде соколь* [т.е. Игорь], *птицъ бъя, — къ морю; се бо два сокола* [т.е. Игорь и Всеволод] *слѣтѣста съ отня стола злата* и др. Образ молодца-сокола, использованный в полуфольклорной «Повести о Горе-Злачстии», взят из народных песен о горе. Сравните:

Полетел молодец ясным соколом
А Горе за ним белым кречетом.
«Повесть о Горе-Злачстии»

Он летит ясным соколом
А горюшко вслед черным вороном.
Народная песня о горе

Из народной поэзии был взят и ряд других метафор и сравнений. Например, враги и вообще все «темные силы» сопоставляются чаще всего с воронами, галками, гусями, лебедями: «чръныи воронъ, поганыи Половчине» («Слово о полку Игореве»), «ни черному ворону ни поганому Мамаю» («Задонщина»), «Горе... учало над молодцом грасти, что злая ворона над соколом» («Повесть о Горе-Злачстии»). В «Задонщине» так изображаются татары: «гуси возготаша..., лебеди крилы въсплескаша». Жадный и сильный человек сравнивается с волком, мужественный и сильный — с туром, быстрый и сильный — с орлом: «рѣша же древляне... бяше бо мужъ твои аки волкъ. восхищая и грабя» [Сказали же древляне: «...Муж твой был, как волк, похищал и грабил»] («Повесть временных лет»); «и облизахутся на на(с) аки волци стояще» («Автобиография Владимира Мономаха»); «Камо [т.е. куда] туръ поскочаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,

тамо лежать поганыя головы Половецкыя» («Слово о полку Игореве»). Роман Галицкий «прехожаше землю ихъ [врагов] яко и орель. храборъ бо бъ яко и турь» (Галицкая летопись). Смерть метафорически изображается как заход солнца, битва — как пашня, посев или пир, стрелы — как дождь, стрельба — как гром и молния, например: «плакахуся по немъ [князе Владимире Васильковиче] лѣпшии мужи Володимерьстии рекуче... уже бо слнце наше заиде» (Волынская летопись); «Чръна земля подъ копыты костьми была посъяна, а кровию польяна: тugoю [т.е. печалью] взыдоша по Руской земли» («Слово о полку Игореве»); «мечющимъ же пращамъ и стрѣламъ яко дожду идушу на гра(д) ихъ» (Галицкая летопись); «И после того в полках их почела быти стрелба пушечная и мушкетная великая: как есть стала гроза великая над наими страшная, бутто гром велик и молния страшная ото облака бывает с небеси» («Повесть об азовском осадном сидении донских казаков»).

К народной поэзии восходят и так называемые отрицательные сравнения и метафоры, например: «Немизъ кровави брезъ не бологомъ [т.е. не к добру] бяхуть посъяни, посъяни костьми Рускихъ сыновъ» («Слово о полку Игореве»); «то ти не орли слѣтошася, съѣхалися вси князи русский» («Задонщина»); «не стук стучить, ни гром гремит, стучить сильная рать... гремят удальцы рускыя золочеными доспехы, черлеными щиты» (там же); ср. отрывок из былины:

Не гром гремит, не стук стучит,
Говорит тут Илюшка своему батюшке...

Фольклорное происхождение имеют такие эпитеты, как *синее море, чистое поле, зелена трава, студеная ро-*

са, серые волки, борзые комоны, шизый орел, красные девы, стрелы каленые, кровавые раны («Слово о полку Игореве»), *сокол дюжии, шелом златыи, злато сухое, струны златые* («Девгениево деяние»), *горы крутые, холмы высокие, дубравы чистые, князья грозные, бояре честные* («Слово о погибели Русской земли»), *зелено вино, под буйну голову, белы ноги* («Повесть о Горе-Злачстии») и др.

Встречаются в древнерусских произведениях и фольклорные сочетания двух слов, близких по значению и связанных между собой без помощи союзов, например: *цари-царевичи, короли-королевичи* («Девгениево деяние»); *не думай украсти-ограбити и обмануть-соглать; в ногах у него лежат лапотки-отопочки* [т.е. стоптанные лапти]; *и все гости на тиру пьяны-веселы* («Повесть о Горе-Злачстии»).

В некоторых художественных произведениях, созданных на Руси, звучат ритмы народной поэзии. Если внимательно присмотреться к ритму многих сказок, пословиц, поговорок, загадок, свадебных приговоров, то можно обнаружить, что он довольно строго организован: каждая строка имеет четыре ударения — слабое, сильное, затем снова слабое и снова сильное; после первого сильного удара происходит смена («перелом») интонации; полустроки («колоны») часто сходны по своей синтаксической структуре, а последние слова строк или полустрок обычно рифмуются; первая полустрока иногда может отсутствовать. Такую организацию речи называют сказовым стихом (62, стр. 6). Вот отрывок из свадебного приговора, написанного сказовым стихом:

Ехать бы нам / путем дорогою,
Чистыми полями, / быстрыми снегами,

Крутymi горами, / быстрыми реками,
Черными грязями, / зелеными лугами,
шелковыми травами.

А теперь сопоставьте этот отрывок с началом «Слова о погибели Русской земли»:

О свѣтло свѣтлая / и украсно украшена /
И многими красотами земля Руськая!
Озера многими / удивлена еси:
Рѣками и кладязьми / удивлена еси,
Горами крутymi, / мѣсточестьными¹³,
Дубравами чистыми, / холми высокими,
Звѣрьми разлычными, / польми дивными,
Городы великими, / селы дивными,
Винограды обителными¹⁵, / дома церковными
И князьми грозными, / бояры честными, /
вельможами многами.

Несомненно, вы обнаружили сходство между двумя приведенными отрывками не только в ритмике, но и в образах. Это сходство не случайно: автор «Слова о погибели Русской земли» испытывал влияние древних фольклорных произведений (62, стр. 11–13).

Ритмику, близкую к фольклорной, можно обнаружить и в ряде других древнерусских произведений («Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Повесть о Горе-Злочастии» и др.).

Итак, народная поэзия была одним из источников художественных средств древнерусской литературы.

Вместе с тем эта литература использовала и средства книжной риторики, присущие произведениям, напи-

санным по-церковнославянски. Однако средства книжной риторики применяются здесь не столь активно, как в церковно-книжной литературе. Это объясняется как большей конкретностью, документальностью повествования, так и широким употреблением средств народной поэзии. Кроме того, чаще встречаются те книжные образы, которые наиболее близки бытовым и народно-поэтическим образам. Так, используется сравнение человека с орлом, но не для того, чтобы показать силу и быстроту героя; с высотой полета орла сравнивается воззвщенность мыслей человека: «и бых паря мыслио своею, аки орел по воздуху» («Моление Даниила Заточника»). Сияние и жатва символизируют не битву, а приобщение к христианству: «...яко же бо се нѣкто землю разорить. други же насѣть. ини же пожинают и ядуть пищу бескudну. тако и съ. оць бо сего [речь идет о Ярославе Мудром] Володимеръ землю взора и умячи рекше крѣнъемъ просвѣтивъ. съ же насѣя книжными словесы ср(д)ца вѣрны(х) людии. а мы пожинаемъ ученье приемлюще книжное [Как бывает, что один землю распашет, другой же засеет, а трети пожинают и едят пищу неоскудевающую, так и здесь. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещенем просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение получая книжное]» («Повесть временных лет»).

Влияние церковно-книжной традиции на произведение древнерусской литературы сказалось и в употреблении метафорических выражений, построенных на сопоставлении материального и духовного, например: *урва ми сердечное корение* («Девгениево деяние»); *скача, славию, по мыслену древу* («Слово о полку Игореве»); *сладость*

¹³ Т.е. «украшена».

¹⁴ Т.е. «почитаемыми в определенных местностях».

¹⁵ Т.е. «садами монастырскими».

словесная; сосуд сердечный; обрати тучю милости твоея на землю худости моея («Моление Даниила Заточника»); *душа... брашна духовнаго желает; зима еретическая; семя словеси божия; лоза преподобия; стебель страдания; нива сердца* (различные сочинения проповедника Аввакума). В то же время в сатире XVII в. мы находим и пародии на эти выражения. Вот примеры из известной уже нам «Службы кабаку»: *оружие пьянства* (ср. церковные выражения *оружие веры, оружие божие* и т. п.), *шлем дурости* (ср. *шлем суд нелицемерен, шлем упования*), *щит наготы* (ср. *щит непоборим преподобье, щит веры* и т. п.).

В произведениях, написанных на русском языке, находим такие риторические приемы, как стилистическая симметрия: «Вострубим убо, братие, аки в златокованную трубу, въ разумъ ума своего и начнемъ бити в сребреные арганы во извѣстие мудрости» («Моление Даниила Заточника»); параллельные по структуре предложения, содержащие сопоставление или противопоставление:

Богат мужъ возлаголет —
всі молчать и слово его до облакъ вознесуть;
а убогъ мужъ возлаголет,
то всі на него воскликнут

«Моление Даниила Заточника»;

парные сочетания: *туга и тоска, свычая и обычаи, рѣки и озера* («Слово о полку Игореве»); восклицания: «О многострѣтныи и печалны азъ» («Письмо Владимира Мономаха к Олегу Святославичу») и др.

Такие же предложения иногда встречаются в надписях: Ольтарь пламяны а цркви медяна и ольтарь погасеть и церкви станеть (Надпись в киевском Софийском

соборе; 51, стр. 20).

В отдельных произведениях можно обнаружить отрывки, написанные стихом, свойственным ряду церковно-книжных сочинений (см. стр. 75). Ритм церковно-книжного стиха слышится в мольбах Даниила Заточника (62, стр. 14, 15):

Княже мои, господине!
Яви ми зракъ лица своего,
Яко гласъ твои сладокъ, и образъ твои красень;
Мед истачають устнъ твои,
И посланіе твое аки раи с плодом.
Но егда веселишися многими брашны,
А мене помяни, сух хлѣбъ ядуща,
Или пиеши сладкое питие,
А мене помяни, теплу воду пиюща от мѣста незавѣтрана;
Егда лежиши на мягкихъ постеляхъ под собольими одѣялы,
А мене помяни, под единымъ платомъ лежаща и зимою умирающа,
И каплями дождевыми аки стрѣлами сердце пронизающе.

Там же, где автор «Моления» переходит от просьб к поучениям, мы встречаемся с народным сказовым стихом:

Как в утель мѣх лити, / такъ безумнаго учти;
Псомъ бо и свиниамъ / не надобъ злато, ни сребро,
Ни безумному / драгии словеса;
Ни мертвца росмѣши / ни безумнаго наказати.

Художественные средства, рассмотренные в данном разделе, в разной степени использовались в сочинениях, написанных на русском языке. Некоторые из этих сочинений почти полностью лишены художественной отделки; авторы их стремятся лишь к строгой фиксации событий. Таковы многие (но не все) летописные рассказы, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина и др. Некоторые авторы, наоборот, явно ставили перед собой не только задачу зафиксировать факт, но и создать образную картину

или использовать средства художественной выразительности для того, чтобы сделать свою речь более красочной или убедительной. Таковы авторы «Слова о полку Игореве», «Слова о погибели Русской земли», «Задонщины», Владимир Мономах, Даниил Заточник и др.

Вместе с тем в течение всего средневекового периода на Руси существовала письменность делового назначения.

Деловая речь Древней Руси

Деловые документы возникли на Руси вскоре после появления письменности. Историки русского языка полагают, что многие законы древнерусского государства сложились и закрепились в устной форме в дописменный период, а в письменности был зафиксирован готовый, обработанный устный текст этих законов. В посольских, договорных, воинских речах до появления письменности были выработаны, очевидно, деловые термины и устойчивые выражения. Существованием этой устной деловой традиции объясняется, по-видимому, тот факт, что на язык русских деловых памятников не оказали влияния церковно-юридические памятники, такие как «Закон судный людем» и «Номоканон»¹⁶ Иоанна Схоластика, переведенные с греческого языка на старославянский еще в IX в. и довольно широко распространенные на Руси.

¹⁶ Номоканоны (греч. Νομοκανόν от νόμος «закон» и κανόν «правило») — сборники правил внутреннего распорядка православной церкви, а также положений, относящихся к различным сторонам быта. Древнейший из номоканонов, приписываемый константинопольскому монаху Иоанну Схоластику (VI в.), был составлен в Византии.

Устное право не позднее XI в. нашло письменное закрепление в «Русской правде» — своде феодальных законов Киевской Руси XI–XII вв. Краткая редакция этого памятника возникла в XI в. и сохранилась в списках XV в., а пространная редакция возникла на столетие позже — в XII в., но известна в более раннем списке 1280 г. (в составе «Новгородской кормчей»).

Но существуют деловые юридические памятники, возникшие раньше «Русской правды», хотя и сохранившиеся в более поздних списках (XIV в.). Это тексты договоров с греками, помещенные Нестором в «Повести временных лет» под 907, 911, 944 и 971 гг. Изучение их важно потому, что они являются фиксацией языка X в.

И. И. Срезневский и некоторые другие учёные полагали, что договоры были написаны на греческом языке, а затем переведены на древнеболгарский язык. Однако обилие русских слов и грамматических форм, простота синтаксической структуры языка договоров свидетельствуют о том, что мы имеем дело с записями устных договоров (по крайней мере, в значительной их части, исходящей от русских), а не с переводом греческого текста и не с древнеболгарским языком. Так, в договоре 907 г. читаем: «да приходячи Ру(с) слубное (вместо слебное — «посольское») емлю(т) елико хотячи а и(ж) при(х)д(чи) гости егда емлю(т) мъсячину на ѿ м(с)ць. хльбъ. [и] ви(н). и мя(с) и рыбы и овоще(м). и да творя(т) и(м) мовь. ели(к) хотя(т). поидучи [домовь в] Роу(с) за ся. да емлю(т) у црѧ ваше(г) [на путь] брашно и я(к)ри и ужа. И парусы и елико имъ на(до)бе.» [По приезде <в Византию> русские послы должны получать посольские дары, сколько захотят взять, а приехавшие русские купцы должны получать месячное содержание на шесть меся-

цев — хлеб, вино, мясо, рыбу и плоды. И баню им надлежит топить столько раз, сколько они захотят. А когда отправляются назад на Русь, должны получать у цесаря вашего на путь пищу, якоря, снасти и паруса, сколько им надо.] В тексте преобладают слова и формы,ственные русскому языку (слебное — «посольское», мѣсячина — «месячное содержание», гости — «купцы», мовь — «баня», ужка — «снасти», за ся — «назад, домой», русские формы причастий — приходячи, хотячи, поидучи), а из славянизмов употреблены лишь те, которые вошли в разговорную речь (овощи, брашно). Из содержания договоров ясно, что в основе своей они представляли собой запись устных речей дипломатов обеих сторон. Послы киевского князя говорили на том языке, который употреблялся в княжеском окружении в Киеве (38, стр. 32). Все договоры с греками «надо рассматривать как документы, отражающие состояние русского языка в X в., конечно, не в его полном объеме, а в одном только типе языка юридического, дипломатического, правового, или, как шире стали его называть, языка делового» (38, стр. 44). Таким образом, «Русская правда» не была первым деловым документом Древней Руси.

В «Русской правде» излагались основные законы Киевской Руси, а отдельные факты юридического характера (передача имущества, завещания, договорные обязательства и т. п.) закреплялись специальными грамотами. От эпохи Киевской Руси сохранилось немного пергаменных грамот («Грамота князя Мстислава Юрьеву монастырю», около 1130 г., «Вкладная Варлаама Хутынскому монастырю», после 1192 г. и др.). Грамоты XIII–XIV вв. более многочисленны; древнейшая из смоленских грамот относится к 1229 г., древнейшие из сохранившихся

московских, тверских, рязанских и южнорусских грамот относятся к XIV в.

Деловая письменность была развита и в Московской Руси. В XV–XVI вв. на основе московского говора развился деловой («приказный») язык Московской Руси, сформировавшийся главным образом в московских «приказах» (т.е. в учреждениях, ведавших отдельными отраслями государственного управления). Явления делового языка предшествующей эпохи объединились в приказном языке с новыми явлениями, заимствованными из живой народной речи или возникшими в нем самом. На приказном языке писались государственные и юридические акты, а также письма московских великих князей, посольские донесения, географические и исторические сочинения, лечебники, поваренные книги и т. п. К числу важнейших памятников московского приказного языка относятся, например, «Судебник» Ивана III 1497 г., «Судебнико» Ивана Грозного 1550 г., «Уложение» Алексея Михайловича 1649 г. и др.

Язык деловых документов как Киевской, так и Московской Руси отличается от языка летописной и художественно-повествовательной литературы, во-первых, крайне ограниченным использованием славянизмов; во-вторых, специфическими терминами, устойчивыми сочетаниями слов и синтаксическими явлениями; в-третьих, почти полным отсутствием каких-либо приемов литературной отделки; последние появляются только в самых поздних деловых памятниках Древней Руси. Рассмотрим эти отличительные свойства делового языка, о которых мы уже частично говорили применительно к языку договоров с греками.

Результаты подсчетов свидетельствуют, что славя-

низмы — такое же редкое явление в деловых памятниках, как народно-разговорные, восточнославянские слова и выражения — в памятниках церковно-книжных (4, 5, 66, 67). Те, кто писал или переписывал деловые документы, довольно часто предпочитал русские слова и формы славянизмам. В краткой редакции «Русской правды», например, находим: *голова, борода, холопъ, хоромъ, корова, коровии, солодъ, борошно, передъ, переореть, перетесъ* (а не *глава, брада* и т. п.); *роба, лодья, вывести, оже, одину* и другие восточнославянские слова, имевшие синонимы в церковно-книжных памятниках. Вместе с тем встречаются и единичные славянизмы: *передъ, въ среду, хощеть, единъ, разбои, изымати, аще.*

Все славянизмы, представленные в деловой речи, входят в тот круг «обрусовших», вошедших в устную речь славянизмов, которые наиболее часто использовались и в церковно-книжных памятниках. О степени употребительности славянизмов в деловой письменности говорят, например, такие факты: почти в тысяче грамот, сохранившихся в списках XI–XIV вв., зафиксировано лишь три глагола с приставкой *пре-* (*пребывати, пребыти, преставитися*) и два глагола с приставкой *из-* (*избрати и изити*), причем именно эти глаголы наиболее употребительны (по сравнению с другими глаголами с *пре-* и *из-*) в церковно-книжных памятниках.

В каких же случаях в деловых памятниках употребляются славянизмы?

Русская деловая речь создает свои штампы, свою устойчивую фразеологию, в составе которой иногда используются наиболее распространенные славянизмы. Возможно также, что писцы, работавшие в русских княжеских канцеляриях домонгольской эпохи, употребляли

устойчивые формулы, сложившиеся в языке болгарских царских канцелярий. Очень многие из древних русских грамот начинаются одной и той же формулой: *се азъ* (т.е. вот я), в которой употреблено старославянское местоимение. Так начинается уже известная нам грамота Мстислава 1130 г.: «Се азъ мъстиславъ володимиръ сънъ...» и т. д. Грамоты могут начинаться и другими распространенными книжными выражениями или славянизмами, например: *во имя отца и сына и святаго духа; во имя святых живоначальных троицы отца и сына и святаго духа; благословение отъ владыки* и др. Славянизмы представлены и в таких устойчивых сочетаниях, употребительных в деловой речи, как *передъ богомъ, передъ княземъ, преступти крестное цѣлованіе, рабъ божии, божию милостию и пречистою его Богоматери, съ божьей помощью, общимъ совѣтомъ, блаженныя памяти... при царѣ, богомъ хранимыя своея державы* и др. (одновременно употреблялись и русские *се язъ, передъ богомъ, передъ княземъ, переступти крестное цѣлованіе* и др.).

В устойчивых сочетаниях, употребительных в приказном языке Московской Руси, отразились даже отдельные результаты орфографических изменений периода второго южнославянского влияния (например, сочетание *всѧ Rusi* вместо *всѣв Rusi* или *всѧя Rusi*), а также некоторые архаические формы слов, вышедшие из употребления в живой речи (*а на то послуси; по сроцѣ при наличии в живой речи форм послухи, по срокѣ*).

Своего рода «штампом» деловой речи является сложное предложение с придаточным условием. В сводах законов, таких, как «Русская правда», различные «Судебники», «Уложение Алексея Михайловича» 1649 г., эти

предложения очень употребительны. В придаточных предложениях условия, которые в сводах законов обычно следуют перед главными, могут применяться разнообразные условные союзы. Большинство этих союзов русские, однако часто употребляется и старославянский союз *аще*. Этот союз мы встречаем в краткой редакции «Русской правды»: «*аще* ли кто кого ударить батогомъ, либо жердью, либо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснию, то 12 гривнѣ; *аще* сего не постигнуть, то платити ему, то ту конець [если кто ударит кого-либо палкой, жердью, рукой, чашей, рогом или мечом, то он платит 12 гривен; если потерпевший не настигнет его и не отомстит, то виновный платит штраф, и этим дело кончается]»; в древних грамотах: «*аще* кто деревомъ ударить члвка до кръви. полуторы грвны [т.е. гривны] сребра. *аще* ударить по лицю или за волосы иметь. или батогомъшибеть. платити безъ четырти грвна серебра...» («Торговый договор Смоленска с Ригою и Готским берегом», 1229 г., список конца XIII в., рижская редакция) и в более поздней деловой письменности. В то же время в деловых памятниках широко представлены русские условные союзы *аже*, *оже*, позднее *буде* (из формы *будеть*) и другие, например: «*аже* ударить мечемъ а не утнуть на сmrть. то · г · грвны. а самому грвна за рану. *оже* лъчебное. потънеть ли на сmrть. то вира [если ктонибудь ударит мечом другого, но не насмерть, то он платит три гривны, а пострадавшему за рану гривна, если требуется лечение. Если же убьет насмерть, то платит виру]» («Русская правда», пространная редакция).

Извѣстіе о томъ какъ
Свѣтлана въ сѣверѣ

и вороте Согу на коне. Видя же супруга
и жену в изгнании, а сыновей своих погибшими
все присягнули им помочь и поддержать
и вспомогать. Ибо в их честности и верности
и в их заслугах и доблести они имели
все враги и недоброжелатели. Их же
и вороте Согу на коне. Видя же супруга
и жену в изгнании, а сыновей своих погибшими
все присягнули им помочь и поддержать
и вспомогать. Ибо в их честности и верности
и в их заслугах и доблести они имели

Список «Уложений царя Алексея Михайловича» XVII в.

Вне штампов славянизмы появляются чаще всего в тех местах деловых документов, которые так или иначе связаны с религиозными мотивами, например, в том случае, если речь шла о необходимости соблюдения церковных правил, о «божьей каре» за различные преступления: «гнев божий есть, посыается от руки божия на тех, иже ходят накриве к роте [т.е. принимают ложную присягу], да поженет [т.е. уничтожит] пламен их, и душа предастся огню неугасимому» («Уложение Алексея Михайловича» 1649 г.).

Вместе с тем полностью освоенные русским языком славянизмы (типа *время*, *владѣти*, *впредь*, *преже*) могли быть употреблены в любом месте делового документа. Вот примеры употребления такого рода славянизмов: «Что дѣть(с). по временомъ. то отиде по временомъ» («Торговый договор Смоленска с Ригою и Готским берегом», по списку 1297–1300 гг.; в списке 1229 г. того же договора употреблено русское *веремя*); «да и впредь будеть у них... (рядом употреблено полногласное *впередь*: которые земли пропашутъ они впередь» («Уложение Алексея Михайловича» 1649 г.).

Степень книжности деловых памятников неодинакова. Документы, создававшиеся в верхах государства, отличались большей книжностью. Так, грамоты великих и удельных князей, позднее царские грамоты по сравнению с другими деловыми документами богаче славянизмами: эти грамоты писались людьми, получившими книжное образование, которые придавали деловой речи легкую, но ощущимую книжную окраску; вот отрывок из жалованной грамоты великого князя Василия Михайловича и нескольких тверских удельных князей (1361–1365 гг.): «дали есмы сю милостыню [т.е. дар, подарок]

церкви святое богородици отрочью монастырю, на память преставльшимся от сего житъя роду нашему».

Язык деловой письменности всегда отличался особыми, только ему свойственными чертами. Уже в древнейших деловых памятниках XI–XIV вв. мы обнаруживаем разнообразные деловые термины. Так, в грамоте Мстислава 1130 г. читаем: «...повелъль есмь сну своему все-володу о(т)дати буицъ [это название села] стму георгиеvi [т.е. Новгородскому Юрьеву монастырю] съ данию и съ вирами и съ продажами». Здесь мы встречаемся с уже вполне устоявшимися деловыми терминами *вира*, *продажа* — виды штрафов за различные преступления. Развитая система юридической и общественно-политической терминологии представлена в «Русской правде». Вот некоторые из терминов, употребленных в этом памятнике: *изгои* — «человек, оторвавшийся от своего сословия», *послужъ* — «свидетель, который что-либо слышал», *видокъ* — «свидетель, который что-либо видел», *тать* — «вор, преступник», *головникъ* — «убийца» (ср. *уголовное преступление*), *огнщанинъ* — «богатый, знатный человек, владелец дома», *мужъ* — «свободный человек», *отрокъ* — «младший дружиинник», *тиунъ* — «управляющий, особая должность при князьях, боярах и епископах», *рядовичъ* — «служащий по договору» (ср. *рядъ* — «договор, условие»), *закутъ* — « работник, нанимавшийся на определенный срок за плату, которую он получал заранее», *мыто* — «пошлина», *потокъ* — «сущитожение; изгнание», *добытокъ* — «приумноженное имущество», *розграбежъ* — «конфискация имущества», *клепати* — «обвинять» и т. п. С течением времени деловая терминология существенно пополняется. Так, в документах XV–XVII вв. впервые появляются

такие слова, как *вологита* — «задержка, проволочка», *допросъ и распросъ* — оба в значениях «судебный опрос обвиняемых и свидетелей» и «акт, протокол судебного опроса», *пропись и припись* — «подтверждительная запись дьяка на указе, грамоте», *выпись* — «извлечение из более обширного акта», *сказка* — «объяснение, дача показаний», *явка* — «устное или письменное заявление о преступлении», *записка* — «протоколирование, запись при допросе во время суда», *справка* — «сверка, получение нужных сведений», *отписка* — «докладная записка представителя местной власти, направленная в высшую инстанцию», *челобитная* — «письменное прошение, жалоба», *пожилое* — «плата за пользование двором», *тягло* — «повинности», *ищя* — «истец», *недельщик* — «судебный чиновник, пристав», *целовальникъ* — «целевавший крест, присягавший» и очень многие другие (11).

Некоторые слова в деловой речи получают новые значения, не свойственные им за ее пределами. Так, глагол *вылѣзти* в «Русской правде» несколько раз употребляется в значении «явиться в качестве свидетеля»: «Оже выбыуть зубъ... а люди вылѣзутъ. то. 12 гривнъ продаже [т.е. 12 гривен штрафа]» (Пространная редакция). Слово *дело* в юридических памятниках с XIV в. начинает употребляться в новом значении «спор, тяжба, судебный процесс»: «И в розбое, и в поличномъ, и в татбѣ, и во всякихъ дѣлехъ вѣдаеть самъ Петръ митрополитъ единъ, или кому прикажеть» («Ярлык хана Узбека митрополиту Петру», 1315 г.); слово *бумага* в деловой речи XVI в. получило значение «документ, акт» (в других памятниках оно употреблялось с XV в. в значениях «хлопчатобумажная ткань» и «материал для письма»); слово *черный*, употреблявшееся со значением цвета, в документах

XVII в. отмечено со значением «черновой» (например, *черная челобитная*) (85, стр. 182) и др.

Наряду с новыми словами или новыми значениями в деловой речи в изобилии возникали составные термины, включавшие несколько слов. Так, уже в ранних деловых документах (XI–XIV вв.) находим такие сочетания: *ити ротъ* — «принимать присягу»; *правъда дати* (или *дати правъду*) — «относиться справедливо», «оправдать»; «удовлетворить судом», *правъда възяти* — «добиться права», «воспользоваться правами»; *конъчати (доконъчати) миръ* — «заключать мир»; *миръ дѣржати* — «соблюдать мир»; *бессудная грамота* — «грамота, даваемая без суда» и другие виды грамот; *отъѣздъныѣ* («отдаленные») *волости*; *безъ пакости* — «без препятствия»; *безъ перевода* — «без пересмотра дела; без изменения, без замедления»; *се купи* — «вот купил» — в начале купчей грамоты; *се заложи* — «вот заложил» — в начале залогной грамоты и др. Вот некоторые примеры употребления этих сочетаний: «*ротъ шьдъ, свою правду възмутъ*» («Мирная грамота новгородцев с немцами», 1191–1192 г., список 1259–1262 гг.); «Се азъ князь Олександър и сынъ мои Дмитрии... докончаомъ миръ с посломъ нѣмъцкымъ» («Договорная грамота, заключающая в себе условия восстановления мира Новгорода с немцами», 1259–1263 г.); «А сии миръ держати безъ листи и безъ хытрости» («Договорная грамота великого князя Тверского Михаила Ярославича с Новгородом», 1317 г.); «А посломъ Новгородськимъ и Новгородьцемъ ъздити сквозъ Михайлову волость безъ пакости» («Договорная грамота великого князя Юрия с великим князем Михаилом Ярославичем Тверским и с Новгородом», 1318 г.). Большое количество устойчивых сочетаний возникает в приказ-

ном языке Московской Руси, например: *дать очную ставку; слушать судное дело; расправа чинить; живота (т.е. жизни) не дати; казнити смертною казнию; лѣзти на поле* (с кем-либо) — «выходить на судебный поединок» (очевидно, взято из военной терминологии); *доправить деньги; приложисть руку; судьи съѣзжии* — «судьи, съехавшиеся для суда»; *записные книги* — «книги, содержащие акты о скреплении сделкою»; *переписные книги* — «книги, содержащие описание имущества после смерти владельца или в целях обложения»; *распросные речи; заручная челобитная* — «челобитная, содержащая поручительство за кого-либо»; *земский староста; пошлины деньги; служилые люди; торговые люди; таможенный сбор; волостной крестьянин* и др.

Отметим еще некоторые языковые явления (из области словообразования и синтаксиса), особенно часто встречающиеся в деловых памятниках.

В документах эпохи Московской Руси, направленных какому-нибудь вышестоящему лицу, было принято употреблять с уменьшительными суффиксами свое имя, а также имена тех лиц или названия тех предметов, которые писавший старался представить незначительными, несущественными, не достойными уважения: «Црю гедрю и великому кнзю Михайлу Феодоровичю всеа Руси бьет челом холоп твои *Ивашка* княз Ондрѣевъ снъ Голицынъ» («Челобитная князя И. А. Голицына», 3 июня 1625 г.); «а меня холопа твоего и *женишику* мою убил до полусмерти» («Челобитная жителя Тверской слободы П. Гаврилова», 22 апреля 1634 г.); «шол я халопъ твои от заутрѣни к себѣ къ *дворишику*» («Челобитная кадашевца Ф. М. Реброва», 21 апреля 1635 г.).

Характерной особенностью языка деловых памятни-

ков является очень частое применение глаголов несовершенного вида с суффиксом *-ивать* (-ыватель). Такие образования находим уже в ранних грамотах: «а грамоты ти книже не посуживати [т.е. не отменять]» («Договорная грамота Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем», 1264 г.); «а лихихъ бы есте людии не слуша(л)и хто иметь васъ *сваживати*» («Духовная грамота великого князя Симеона Гордого», 1353 г.). Но особенно типичны такие глаголы для приказного языка Московской Руси, где они употребляются чаще всего в форме прошедшего времени и с отрицанием: «я холоп твои ево ондрѣева двора *не зажигивал* и зажеч никому *не веливал*» («Челобитная стрелецкого головы П. Красного», 7 июня 1633 г.); «своихъ помѣстей *не мѣнивали*; онъ своей вотчины никому *не продавывал*; ничего къ нему totъ холопъ *не принашивал*» (все примеры из «Уложения Алексея Михайловича» 1649 г.) и др.

В синтаксисе деловой речи, как уже говорилось, большое место занимали условные придаточные предложения. В приказном языке Московской Руси старые условные союзы (старославянское *аще*, русские *оже*, *аже*) постепенно уступают место новым союзам, возникшим из полнозначных слов. Так, если в «Русской правде» господствуют *аще*, *оже* и *аже*, то в «Уложении Алексея Михайловича» 1649 г. условные придаточные предложения регулярно начинаются словами *а будеть* («а будеть кто умышлениемъ и измѣною городъ зажжетъ...»), союзом *а* («а кому случится стояти...») или словом *будеть* («будеть кто какимъ умышлениемъ...») (78, стр. 136, 137).

С древнейших пор для деловой речи типично нанизывание предложений с помощью соединительных союзов *а*, *и*, *да*, например: «а дарь имати тебе о(т) техъ волос-

тии. а бес посадника тебе волости не раздавати. а кому раздасть волости. братъ твои александъ. или дмитрии. съ новгородци. тебе техъ волости без вины не лишати» («Договорная грамота Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем», 1264 г.); повторение союзов и предлогов перед каждым из однородных членов предложения: «а сю грамоту пи(с)ль есмь пере(д) своими оци. пере(д) влдкою володимерьскимъ перед(ъ) олексъемъ пере(д) влдкою перяславьскимъ офонасъемъ. пере(д) архимандритомъ петромъ, пере(д) архимандритомъ пере(д) филимономъ. пере(д) своимъ оцемъ дшевнымъ попомъ евсевьемъ» («Духовная грамота великого князя Симеона Гордого», 1353 г.), а также ряд других синтаксических явлений (6).

Некоторыми специфическими синтаксическими особенностями отличался приказной язык Московской Руси, например, в нем было распространено употребление названия лица после местоимения: «служил я холоп твои прежним гедремъ и тебъ гедрю тритцат пят лѣть» («Челобитная сторожа Мастерской палаты И. Тимофеева», 30 мая 1638 г.).

Таковы вкратце некоторые основные черты языка деловых документов Древней Руси.

В XVI и особенно в XVII в. деловая речь оказывает все большее влияние на художественную литературу (см. стр. 130, 131). В то же время в деловых документах начинают использоваться некоторые художественные средства. Так, в грамотах XVII в. встречается рифмованная неритмическая речь, например: «а вамъ о томъ не вчуже по бозъ ревновати, что за свою въру и за все православное крестьянство стояти и своя страны отъ ино-

племенных свобожати; богоотступники литовские люди и съ ними русские воры, государевы измѣнники... села и волости и деревни воюютъ, и церкви божии разоряютъ, и образы колупаютъ, и окладъ и кузнь [т.е. оковку] снимаютъ, и православную въру попираютъ».

В документах того же времени можно отметить и повторение синонимов: им в свою землю ехати безо всяко-го задержания и зацепки; и мы... молили и просили, и ради-дели и промышляли; ...и то делается нераденьем, небре-женьем вашим; обыскивать накрепко, не боясь и не страшася никого ни в чем; было многое их челобитье, что они вконец оскудали и разорились (18, стр. 212–214).

Используя эти и некоторые другие приемы, авторы грамот, очевидно, стремились усилить эмоциональность речи с тем, чтобы побудить читавшего к определенным действиям, убедить его в чем-то.

Эти элементы художественной речи — довольно редкое явление в деловых документах. В целом их язык очень конкретен и традиционен. И тем не менее начавшееся взаимопроникновение художественной и деловой речи стало одним из тех явлений, в результате которых были постепенно выработаны нормы русского литературного языка нового времени.

СЛАВЯНИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, в русский язык вошло значительное число слов из старославянского и церковнославянского языков. Какова была их судьба, подверглись ли они каким-нибудь изменениям и в чем причины этих изменений? Остановимся главным образом на некоторых примерах из истории слов, почти не касаясь других сторон языка (грамматических форм, синтаксических конструкций, словообразовательных элементов, фразеологических выражений).

Чем определялась судьба славянизмов в русском языке?

Многие славянизмы прочно «вросли» в древнерусский язык уже с древнейших времен. Некоторые из них настолько прочно закрепились в русском языке, что стали соединяться с русскими суффиксами и приставками. Так, глагол *перебраниваться* возник путем соединения славянизма *бранитися* с русской приставкой *пер-* и русским суффиксом *-ива-*; в глаголе *обезвреживать* представлен корень со старославянским неполногласием, но русским *ж* (вместо старославянского *жд*), а также русский суффикс *-ива-* и т. п. Довольно много славяниза-

мов закрепилось в русском языке, несмотря на то, что в живой речи были русские слова, имевшие то же самое значение. Славянизм *благо*, например, очень рано вытеснил из употребления древнерусское слово *болово* (этот корень сохранился, правда, в названии города *Бологое*). Слово *болово* — «добро» отмечено в очень немногих древних памятниках, например, в «Русской правде»: «...ему болово дѣль [т.е. делал] и хорониль товаръ его».

Аналогично сложилась история, например, таких слов, как *работа* — *робота* (ср. *хлебороб*), *жребий* — *жеребий* (ср. *жеребьевка*), *мрак* — *морок* (ср. *обморок*, *морочить*), *смрад* — *смород* (корень сохранился в названии ягоды *смородина* — исконно: «ягода, имеющая смород, т.е. запах»), *сладкий* — *солодкий* (ср. *солод*), *овоцъ* — *овочь*, *пещера* — *печера* (ср. *Киево-Печерский монастырь*), *прельстити* — *перельстити* и др. Уже после XIV–XV вв. в русской письменности, а затем и в устной речи закрепились такие слова, как *вождь*, *одежда*, *нужда*, *жажда*, *юноша*, *юдоль* и другие, вытеснив из литературного языка русские *вожь*, *одежса*, *нужса*, *жажса*, *уноша*, *удоль*.

Многие славянизмы вообще не имели русского синонима, т.е. называли такие понятия, для выражения которых в живых говорах, по-видимому, не было слов.

В древнерусский язык из греческого языка через старославянский проникли слова, связанные с христианской религией, например: *адъ* — греч. ἄδης — «1. Аид — правитель подземного царства; 2. ад»; *амвонъ* — греч. ἀμβων — «возвышение перед алтарем в церкви для чтения, пения и проповеди»; *аминь* или *аминъ* — греч. ἀμήν — «так; да будет так; истинно», употреблялось в конце мо-

литв и поучений; *ангель* — греч. ἄγγελος — «вестник»; *апостоль* (греч. ἀπόστολος) — «посол»; *архимандрить* — греч. ἀρχιμανδρίτης; *евангелие* — греч. εὐαγγέλιον, собственно, «благовестие»; *епископъ* — греч. ἐπίσκοπος; *икона* — греч. εἰκόνη — «изображение»; *монастырь* — греч. μοναστήριον и др. В старо- и церковнославянском языках возникли многие слова с абстрактным или религиозным значением, также не имевшие синонимов в живой русской речи, например: *беззаконие*, *безбожьныи*, *благовѣрныи*, *благовѣщати*, *благодарити* — первоначально «дарять благом (добром)», *благодать*, *благонравие*, *благословити*, *боголюбивыи*, *велерѣчивыи*, *великолѣпие*, *владыка*, *вѣзбранити*, *вѣсеноющыни*, *добродѣтель*, *животворыни*, *зълословие*, *предърещи*, *пренебрещи*, *преобразити*, *преодолѣти*, *препиратися*, *претворити*, *преумъножити*, *распяти* и др. Многие из таких слов образованы по модели греческих слов. Например, *беззаконие* в переводных памятниках обычно передает греческое ἀνομία — «беззаконие; отсутствие законов», образованное от слова νόμος — «обычай; закон» с помощью отрицательной приставки ἀ- и суффикса с абстрактным значением -ία. Так же образовано и славянское *беззаконие*: корень слова νόμος передан корнем *-закон-*, приставка ἀ- — приставкой *без-*, а суффикс -ία — суффиксом *-ие*. Старославянским словом *благовѣщати* переводилось обычно греческое εὐαγγελίζεσθαι — сложное слово, состоящее из εὐ- — «хорошо», переданное славянским *благо*, и ἀγγελίζεσθαι, переданное славянским *вѣщати*.

Отсутствие конкуренции со стороны русских синонимов облегчало постепенное вхождение этих слов в светские жанры. Так, например, глагол *преодолѣти* представлен в

воинской повести: «Благовѣрный же князь Федоръ Юрьевич резанской посмѣяся и рече царю: "...Аще нась приодолѣши [описка вместо преодолѣши], то и женами нашими владѣти начнеши"» («Повесть о разорении Батыем Рязани в 1237 г.»). Интересно, что многие славянизмы, вошедшие в русский язык, сначала были недостаточно понятны. Такие славянизмы мы встречаем в древних словарях среди «неразумных на разум» слов и выражений. Там они пояснялись более понятными словами. Так, например, в одном новгородском словаре XV в. слово *качество* поясняется так: «естество, каково му есть», *количество* — «мера есть колика»; *свойство* — «кто имать что особно», *смерчь* — «облакъ дъждевень» и др. (8, стр. 127).

Можно было бы привести еще очень много примеров славянизмов, закрепившихся в разное время в русском литературном языке. Вместе с тем значительное число славянизмов, употреблявшихся в течение длительного времени в светской литературе, в конечном счете вышло из употребления. Победой русского слова закончилась конкуренция таких слов, как *злато* — золото, *влас* — волос, *брег* — берег, *глад* — голод, *врата* — ворота, *град* — город, *драгой* — дорогой, *блato* — болото, *нощь* — ночь, *есень* — осень, *елень* — олень, *озеро* — озеро, *пребити* — перебити, *преити* — перейти, *аице* — если и др. Правда, в некоторых случаях сферы употребления синонимичных славянизмов и русизмов были настолько различны, что никакого взаимодействия между ними не было. Например, глагол *пребити* применялся только в церковно-книжных памятниках, а глагол *перебити* — только в светских и в живой речи. В то же время члены таких пар, как *градъ* — *городъ*, *брегъ* — *берегъ*

долгое время употреблялись в одних и тех же памятниках, даже в одном и том же контексте: «поидоша через мост в *город*; *града* ж того некто житель везе рвом в башню отца своего *мыти*» («Повесть о Шемякином суде», XVII в.). Слова типа *градъ*, *злато*, *древо*, *брег*, *врата* и т. п. окончательно вышли из употребления довольно поздно — во второй половине XIX в., а в поэзии отмечены и еще позже. Корни этих слов зачастую сохраняются в составе производных и сложных слов: *Волгоград*, *безбрежный*, *обезглавить*, *древесина*.

Многие славянизмы, выйдя из употребления, сохранились лишь в соединении с другими словами в составе так называемых устойчивых сочетаний. Например, слово *преткновение*, образованное от глагола *претъкнутися* — «споткнуться», сохранилось лишь в составе устойчивого сочетания *камень преткновения*, означающего «помеха, затруднение, на которое наталкивается кто-нибудь в каком-нибудь деле». Приведем еще несколько сочетаний, в составе которых имеются вышедшие из свободного употребления славянизмы: *глас вопиющего в пустыне*; *древо познания добра и зла; денно и нощно; власти предержащие*. Все эти сочетания возникли тогда, когда слова *преткновение*, *глас*, *древо*, *предержати* и т. п. еще не были устаревшими. Постепенно эти слова перестали применяться, но некоторые их сочетания с другими словами вследствие частого повторения закрепились в языке. В составе таких сочетаний и сохранились славянизмы.

Как видим, многие из славянизмов закрепились в литературном языке в качестве окаменевших остатков некогда живых и употребительных образований. Вот еще примеры такого рода слов. В старо- и церковнославянском языках глаголы с приставками *из-* и *пре-* были до-

вольно многочисленны и составляли продуктивные словообразовательные типы, по образцу которых активно создавались новые слова. Можно сказать, что эти глаголы входили в словообразовательную систему старославянского и церковнославянского языков как ее равноправные и активные элементы. В русском литературном языке эти глаголы, во-первых, не столь многочисленны и, во-вторых, непродуктивны, т.е. не служат образцом для возникновения новых слов, а следовательно, не являются равноправными и активными членами словообразовательной системы. Это изолированные остатки некогда живых и продуктивных рядов слов. Те значения, которые выражали эти глаголы в старославянском языке, в русском языке выражаются с помощью приставок *непре-* и *вы-*. Глаголы с этими приставками составляют продуктивные словообразовательные типы, по образцу которых возникают новые слова.

Один из крупнейших языковедов конца XIX — начала XX в. Фердинанд де Соссюр писал о причинах сохранения или утраты языковых элементов: «Сохранение данной формы может объясняться двумя прямо противоположными причинами: полнейшей изоляцией или же принадлежностью к определенной системе, неприкосновенной в своих основных частях и постоянно приходящей ей на помощь» (60, стр. 208). Во многих случаях формами, сохранившимися благодаря изоляции, выходу из системы, являются славянизмы, а формами, сохранившимися благодаря принадлежности к живой, действующей системе, — русские языковые элементы. Возможны, однако, и противоположные явления. В русском литературном языке прочно закрепились суффиксы причастий *-ущий* (-ющий), *-ащий* (-ящий): *текущий*, *лежащий* и т. п.,

заемствованные из старославянского языка. Соответствующие русские суффиксы *-учий* (*-ючий*), *-ачий* (*-ячий*), первоначально употреблявшиеся в причастиях, постепенно сузили сферу своего применения. Сохранившиеся немногочисленные образования с этими суффиксами изменили свое значение: вместо значения причастия они стали выражать значение склонности к тому действию, которое названо мотивирующим глаголом: *течь* — *текучий*, *лежать* — *лежащий*, *колоть* — *колоющий*, *ходить* — *ходящий* и т. п. Конечно, причастия, несомненно, более продуктивный и системный факт, чем прилагательные типа *текущий*, *лежачий*. Естественно, возникает вопрос, почему в одних случаях победил славянизм, а в других — русское слово?

Причину сохранения только что рассмотренных старославянских суффиксов причастий следует, по-видимому, усматривать в том, что в старо- и церковнославянских текстах причастия употреблялись гораздо чаще, чем в русских. Это происходило потому, что причастия использовались для перевода очень употребительных греческих причастий, а также в различных сложных синтаксических конструкциях, более свойственных старославянским и церковнославянским текстам, чем русским.

В судьбе славянизмов в русском языке решающую роль играло их значение. Поскольку судьбу славянизма, как нам известно, во многом определяла частота его применения в церковно-книжных памятниках, естественно, что слова абстрактного значения или слова, по значению тесно связанные с церковной тематикой, побеждали синонимичное русское слово, если оно имелось (ср. *благо*, *прельстить*, *время* и др.). Столь же естест-

венно, что слова, означающие конкретные предметы и физические действия, легче закрепляются в русской форме (так закрепились глаголы движения, а также, например, *солома*, а не *слама*; *дорога*, а не *драга*; *болото*, а не *блато* и т. п.). Но это наиболее массовое правило знает немало исключений, которые показывают, что для объяснения судьбы слова в языке недостаточно общих предварительных соображений, а необходимо конкретное изучение сферы распространения и контекстов употребления слова в языке разных памятников. Исходя лишь из значений славянизма и русского слова трудно было бы ответить на вопрос, почему, например, в паре глаголов *прекреститися* — *перекреститися*, означающих церковно-ритуальное действие, сохранился русский глагол, а славянизм вышел из употребления. Глагол *прекреститися* не вышел за пределы книжных текстов, так как в описаниях церковного быта, близких к разговорной речи, был употребителен глагол *перекреститися*. Вот отрывок из «Чиновника» (описания церковных обрядов) патриарха Иоакима (1674–1677 гг.): «патриархъ, *перекрестя* рукою трижды новорожденного младенца, говорить отрицательные молитвы». Таким образом, в судьбе глагола *перекреститися* решающую роль сыграл тот факт, что он употреблялся в описаниях церковного быта, а бытовая тема всегда стимулировала употребление русизмов (даже если этот быт был церковным). Такого рода конкретные факторы часто определяют судьбу славянизмов в русском литературном языке.

Однако главными факторами являются, во-первых, частота употребления славянизма в церковнославянском языке, определяемая его значением, во-вторых, наличие или отсутствие русского синонима. Но существовал еще

и третий фактор — наличие или отсутствие условий для изменения значения славянизма. Если славянизм изменяет свое значение, то он перестает быть синонимичным русскому слову, а это способствует сохранению славянизма в русском языке.

Как славянизмы изменяют свое значение?

Изменения значений слов весьма разнообразны и индивидуальны. И тем не менее в языкоznании намечены основные тенденции, закономерности этих изменений.

Некоторые из этих закономерностей свойственны и славянизмам.

Количественные изменения переходят в качественные

Одна из важных закономерностей изменений в языке состоит в том, что наиболее частое, типичное использование постепенно становится единственно возможным. Таким путем изменяют свое значение очень многие славянизмы. Количественные изменения в их употреблении способствуют серьезным качественным изменениям. При этом на основе конкретных значений слов очень часто развиваются абстрактные.

От конкретного к абстрактному

Сопоставляя такие современные слова, как *краткий* и *короткий*, *здравый* и *здоровый*, *власть* и *волость*, *преступить* и *переступить*, *рождать* и *рожать*, *учас-*

тие и *участок*, *согратить* и *своротить*, *равный* и *ровный*, *пристанице* и *пристань*, *избрать* и *выбрать*, *свергнуть* и *бросить* и многие другие, мы замечаем, что они различаются по значению. Иногда, правда, есть и нечто общее в значениях этих слов, например, можно сказать *краткая речь* и *короткая речь*; однако можно сказать *короткие волосы*, но нельзя сказать *краткие волосы*. Чем же объясняется различие в их значениях?

Славянизмы *краткыи*, *здравыи* и другие употреблялись в древней письменности главным образом в церковно-книжных текстах, а соответствующие исконно русские слова — в светских. Как уже говорилось, в церковно-книжных памятниках религиозно-моралистические рассуждения преобладали над сюжетными рассказами; для светских памятников типично конкретное, динамическое описание. Поэтому естественно, что, например, слово *краткыи* сочеталось главным образом со словами абстрактно-духовного характера (*время, житие, жизнь, животь* — «жизнь», *вѣкъ, лѣто, царствіе, посты, слово, глаголь, бесѣда, молитва* и т. п.), а слово *короткыи* — со словами, обозначающими конкретные предметы. Первоначально *краткыи* означало то же самое, что и *короткыи*: в древних памятниках имеются единичные примеры употребления этого слова с названиями конкретных предметов (*краткая одежда, власы кратки*). Однако наиболее типичные употребления слова *краткыи* постепенно стали единственно возможными: оно стало сочетаться только со словами абстрактно-духовного характера, а сочетания его с названиями конкретных предметов стали невозможными. Слово изменило свое значение, и причина этого в особенностях употребления слов в церковно-книжных памятниках. А эти особенности обусловлены содержанием данных па-

мятников. С изменившимся значением слово прочно вошло в русский язык.

Подобными причинами объясняется изменение значений и других славянизмов. Глагол *преступити*, например, первоначально означавший то же, что и *переступити*, в подавляющем большинстве случаев употреблялся переносно — в сочетании со словами *заповѣдь*, *законъ*, *уставъ*, *завѣтъ*, *повелѣніе*, *предание*, *клятва*, *обѣщаніе*, *обѣтъ* и т. п. Такие сочетания были очень распространены в религиозной литературе. С течением времени глагол стал восприниматься как нечто неотделимое от этих слов. В сочетании со словами — названиями конкретных предметов (например, *преступити порогъ*) он встречался редко: содержание церковно-книжных памятников не способствовало частому употреблению этих сочетаний. Такое ограничение сочетаемости глагола и явилось причиной изменения его значения. Он стал означать «совершить дурной поступок, нарушить нормы поведения, закон и т. п.». Это изменение отразилось и в словах *преступление*, *преступный* и *преступник*, образованных от глагола *преступити*.

Глагол *пресѣчи* в отличие от русского *пересѣчи* сочетался преимущественно с названиями отрицательных действий (например, *пресѣчи лихоимство, грѣхъ* и т. п.), а глагол *прервати* в отличие от русского *перервати* — с названиями нематериальных явлений. Это и было причиной того, что сейчас можно сказать *пресечь злоупотребление*, но не *пресечь дорогу* (ср. *пересечь дорогу*); *прервать разговор*, но не *прервать нитку* (ср. *перервать нитку*).

Переносные употребления были наиболее типичны и для глагола *презрѣти*. Исконным прямым значением

этого глагола было «смотреть (посмотреть) мимо чего-либо», например: «идеть... презря и не видя лежащихъ... больны(х)» («16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского», по списку XIV в.). Оно складывалось из значений составляющих это слово частей: глагола *зирѣти* — «смотреть» и приставки *пре-*, имевшей в данном глаголе значение «через, мимо». Однако применения глагола в этом значении были единичными. Абсолютно преобладали его употребления в значении «не обращать (обратить) внимания на что-либо». При этом глагол мог означать, во-первых, оставление без внимания порока, греха, прощение их [например, «милует же всѣ(x)... и презри(m) грѣхи члвѣкъ кающи(x)ся»] («Житие Варлаама и Иоасафа», по списку XIV–XV вв.); любопытно, что так же изменялось значение польского глагола *przebaczyć* — «простить, извинить», образованного от глагола *baczyć* (ср. украинское *бачити* — «видеть») и приставки *prze-*]; во-вторых, невнимательное, недружелюбное отношение к кому- или чему-либо, например: «и житѣ се лестное (т.е. обманчивое, лживое) презрѣша а вѣчное вѣзлюбиша» («Поучение о посте», Троицкий сборник, конец XIV в.). Современное значение восходит к употреблению второго типа; аналогично развивалось значение слова *ненавидеть* (от *видеть*, как *презрѣть* от *зрѣть*).

Развитие переносных значений свойственно многим славянизмам. Не имея возможности подробно рассматривать другие примеры, приведем лишь несколько слов, указав их первоначальные значения. Славянизм *обязать* обозначал то же, что *обвязать*; *отвергнуть* — то же, что *отбросить*; *отлечь* — то же, что *оттащить*; *исказить* — то же, что *испортить*; *погрязнуть* — то же, что

погрузиться, утонуть; глагол *подражать*, родственный слову *драга* — «дорога», первоначально означал «идти за кем-либо той же дорогой»; *оградить* значило то же, что *огородить*; *просветить* — то же, что *осветить*, и т. п.

«Трафарет ситуации» и семантическое «заражение»

Авторы церковно-книжных произведений строго следовали требованиям литературного этикета. Одним из этих требований был так называемый «трафарет ситуации». Это явление, описанное известным историком древнерусской литературы Д. С. Лихачевым, заключается в том, что, во-первых, сюжеты, ситуации создаются такими, каковы они должны быть согласно традиционным представлениям о морали, этике и т. п. (или просто заимствуются из Библии), и, во-вторых, в том, что определенные выражения и определенный стиль изложения подбираются к соответствующим ситуациям (42, стр. 80–83, 87). В церковно-книжных памятниках постоянно повторяются одни и те же, преимущественно библейские, сюжеты и образы, которые описываются одними и теми же словами. И это вызывает изменение значений данных слов. Так развились, например, значение слова *передать* — «изменнически выдать». Первоначально оно имело значения, соответствующие, по-видимому, значениям греческих глаголов *παραδίδωμι*, *προδίδωμι*. В переводных памятниках глагол *передати* соответствовал указанным глаголам. Оба эти глагола означали как конкретную «передачу» (*παραδίδωμι* — «передавать», *προδίδωμι* — «давать вперед»), так и передачу человека врагу, мучителю, на смерть, на поругание. Эта передача во многих случаях

сопровождалась предательством: чаще всего повторялся евангельский сюжет о предателе Иуде. Все это нашло отражение и в церковнославянских и древнерусских текстах — не только в переводных, но и в оригинальных.

Большая часть употреблений глагола *передати* в этих текстах (около 2/3 из более чем 1000 просмотренных нами), связана с отрицательными ситуациями и предательством. В этих контекстах глагол выступает в сочетаниях: *передати врагу, противну* (т.е. противнику), *иноплеменьникомъ, мучителю, катомъ* («палачам»), *стражемъ, поганомъ, въ руки недостойныхъ* и т. п.; *мукамъ, страсти, казни, бѣдамъ, на убиство* и т. п. Эти наиболее частые употребления и явились истоком современного значения слова *передать* — «изменнически выдать». Однако первоначальное значение («передать») сохранялось в церковнославянском языке до XIV в., а возможно, и позже. На это указывают тексты, в которых глагол означает конкретное физическое действие — передачу предмета из рук в руки, например: *передати брашно* (т.е. еду). Иуда тоже совершил передачу, т.е. выдал, передал Христа иудейским «книжникам и фарисеям», но эта передача сопровождалась изменой, обманом, предательством, ср., например: «и сънъ члвчъ предан(ъ) будет архиеръемъ и книжнико(м)» («Пандекты Никона Черногорца», по списку XIV в., цитата из Евангелия, Матф. 20, 18; Марк 10, 33). В этих ситуациях происходит одновременно и передача и предательство, но по аналогии с ними появляются такие употребления глагола, для которых существенным остается лишь факт предательства, а о факте передачи ничего не сообщается; например: «аще послеши сла к Дареви (т.е. посла к царю Дарию) предаст тя» («Александрия», спи-

сок XV–XVI вв.). Однако должно было пройти несколько столетий, прежде чем это употребление превратилось в самостоятельное значение слова современного языка. В современном языке глагол *предать* означает «изменнически выдать». В древнейший же период слово *предати*, в отличие от современного *предать*, самостоятельно, без поддержки окружающих слов не выражало отрицательной оценки действия. Но все дело в том, что в положительных ситуациях глагол употреблялся неизмеримо реже, чем в отрицательных. И постепенно глагол стал восприниматься как одно из средств изображения только отрицательных ситуаций, т.е. элементы общего значения контекста вошли в состав элементов значения глагола, и положительные употребления стали невозможны. Интересно, что ряд других глаголов (преимущественно славянизмов) изменяет свою сочетаемость аналогично глаголу *предати*. Так, например, установлено, что в XVII–XVIII вв. ряд глаголов сочетался главным образом со словами отрицательного значения: *впасть* или *ввести* — в грех, скорбь, уныние, презрение, искушение, обман, слабость, своеvolство и т. п.; *подвергнуть* — презрению, осмеянию, пренебрежению, осуждению, испытанию, искушению, тираниству; *ввергнуть* — в ад, темницу, тьму кромешную, геену огненную, в мучение, в трепет, в безумие, в уныние, в заблуждение; *причинить* — зло, скуку, досаду, обиду, вред, печаль, огорчение, болезнь, изнеможение, смерть, разорение; *нанести* — скорбь, печаль, ужас, обиду, вред, несчастье, беду, зло, раны, бесчестье и т. п. (74).

Точно так же, как и в случае с глаголом *предать*, некоторое время встречались редкие случаи употребления указанных глаголов с существительными положительно-

го или нейтрального значения, например: *причинить* — блаженство, выгоду, пользу, веселье, удовольствие; *впасть* в восторг, но постепенно такие сочетания стали невозможными. Единственным возможным стало их употребление в тех сочетаниях, которые ранее были наиболее частыми. Сначала, следовательно, в сочетаемости слова происходят чисто количественные изменения: слово начинает чаще всего сочетаться с ограниченной группой слов, близких между собой по значению; затем это количественное изменение переходит в качественное: слово начинает сочетаться только с этой группой слов и перестает сочетаться с другими словами. Окружение слова становится замкнутым, конечным, иногда ограничивается одним-двумя словами; так, например, местоимение *никой* (*никши*) употребляется только в выражениях *никоим образом, ни в коем случае* (при неограниченной сочетаемости синонимического местоимения *никакой*); глагол *преминуть* — только с отрицанием *не*; слово *одр*, означавшее то же, что и кровать, употребляется главным образом в сочетании *на смертном одре* (ср. аналогичную специализацию значения слова *останки*, ранее означавшего то же, что и *остатки*). Это традиционная, стилистическая ограниченность сочетаемости слова, уменьшающая количество тех слов, которые могли бы сочетаться со словом, если бы сочетаемость определялась только его значением.

Ограничение лексической сочетаемости свойственно прежде всего книжной лексике, среди которой преобладают славянизмы. Народно-разговорные слова, представленные в иных жанрах, нежели славянизмы, — в летописном рассказе, светских повестях, деловой письменности и т. п., связаны с иной стилистической

сферой — конкретным, динамическим описанием. Это не стимулировало широкого развития переносных значений и устойчивых формул у слов типа *передать*, *переступить*, *короткий*, хотя и то и другое полностью не исключено (ср., например, формулу *переступить крестьное изглование*, употребления типа *переступить закон*, *перервать разговор*). Эти формулы и употребления, однако, не поддержаны такой традицией, как церковно-книжные формулы и употребления, и поэтому не являются настолько сильными, чтобы устраниить возможность применения слова в исконном значении.

В изменениях значений славянизмов отражаются многие идеи и образы, свойственные христианской философской литературе. Так, представление о ничтожности, смертности материального и величии, бессмертии духовного отразилось в истории слова *прахъ*, заимствованного из старославянского языка. Первоначально старославянское *прахъ*, как и русское *порохъ*, означало любое сыпучее вещество (пыль, пепел и т. п.). Однако для церковно-книжных памятников было типично употребление слова *прахъ* по отношению к останкам человека, например: «приникахомъ бо и къ гробу всегда... что убо тамо видѣхомъ бра(т)е... не попель [т.е. пепел] ли и *прахъ*» («Огласительные поучения Феодора Студита»). Иные употребления слова (в значениях «пыль», «порошок») постепенно уступают место этому наиболее типичному употреблению (ср. «мир его праху» и т. п.). Русское *порохъ* употреблялось в иных жанрах (его фиксации в церковно-книжных памятниках единичны), называя чаще всего пыль, а также порошок (обычно лекарственный). С XVII в. в деловой письменности это слово стало употребляться преимущественно для называния сыпучей взрывчатой смеси, передав свои первичные значения

другим словам (*пыль*, *порошок*).

И слово *предать*, и слово *прах* получили свои новые значения сходным путем — путем так называемого семантического «заражения» (французское *contagion*). Этот образный термин введен французским ученым М. Бреалем (84, стр. 206). Явление семантического «заражения» состоит в том, что постоянное, типизированное употребление слова для изображения одной и той же ситуации, в одном и том же словесном окружении (контексте) приводит к тому, что другие, более редкие употребления становятся невозможными. Слово получает в языке то значение, которое оно раньше выражало совместно с другими словами контекста. Оно получает значение этого контекста, «заражается» значением от контекста.

Путем семантического «заражения» изменяли свои значения многие славянизмы. Это очень важный процесс в истории литературного языка. Мы рассмотрим его подробнее на примерах еще трех славянизмов. Речь пойдет о глаголах с приставкой *пре-*: *превзойти*, *превознести* и *преставиться*.

В истории этих слов очень много общего. Все они первоначально означали перемещение в пространстве: *превъзити* — «высоко взойти», *превъзвести* — «высоко вознести», *преставитися* — «переместиться». В современном языке *превзойти* означает «оказаться выше, сильнее, значительнее в каком-нибудь отношении», *превознести* — «очень высоко оценить, расхвалить», *преставиться* — «умереть». Как же произошло изменение их значений?

Глагол *превъзити* употреблялся обычно для передачи древнегреческого глагола ὑπέρβαίνω — «1) переходить, переступать, пересекать; 2) превосходить, превышать». Прямое (первое) значение этого греческого слова слага-

лось из значений его частей: приставка *ύπερ-* соответствует старославянской приставке *пре-*, а глагол *βαίνω* означает «шагать, ходить, восходить, подниматься». На основе прямого возникло переносное значение греческого глагола «перегнать кого-либо в чем-либо, превзойти». Славянский глагол *превъзити* (*превъсходити*) соответствует как структуре греческого глагола, так и его значениям: в старославянских памятниках и в церковно-книжных памятниках, возникших на Руси, он употреблялся в двух значениях: 1) *перейти, переходить, 2) превзойти, превосходить*. Употребления в прямом значении были чрезвычайно редки: в большом количестве памятников можно найти лишь два-три случая такого употребления; например, «Не можетъ о(т)нудь пръвъзити на вышнєе нбо [Никак не может перейти на высшее небо; в греческом тексте: *ύπερβῆναι* “перейти”]» («Ефремовская кормчая», XII в.). Сравните употребление этого глагола в Псалтыри (Пс. 37, 5), часто цитируемой древнерусскими авторами: «моихъ грѣховъ множество превидиша главу мою [моих грехов множество превысило голову мою]» («Ярославский сборник», XIII в.). Абсолютно преобладало употребление глагола *превъзити* для обозначения превосходства в чем-либо, например: «превзити всѣхъ добродѣтию [превзойти всех добродетелью]» («Киево-Печерский патерик»); «злоба ихъ превидѣ содому и гомору» («Палея», список 1406 г.).

Постепенно наиболее частое и типичное для церковно-книжных памятников употребление становится единственно возможным.

Глагол *превознести* (*превозносить*) употреблялся для перевода греческого глагола *ύπερυφόω* — «высоко возносить» (приставка *ύπερ-* переводилась *пре-*, а глагол *ύφοω* — *възносити*). В буквальном смысле — «высоко

поднять» — он употреблялся крайне редко, например: «Сѣдъ же убо царь на престолѣ высоцѣ же и превъзнесенъ [Сел царь на престоле высоком и высоко вознесенном]» («Житие Варлаама и Иоасафа»). Обычным было переносное употребление глагола — «высоко вознести на словах, в мыслях; восхвалить», например: «Възвеличия сама цесарица мати господня и превъзнесе [Возвеличила тебя сама царица мать божья и восхвалила (превознесла)]» («Киево-Печерский патерик»). Впоследствии наиболее частое применение слова превратилось в его единственное значение.

Глагол *преставитися*, образованный от глагола *преставити* присоединением возвратного местоимения *ся* — «себя», означал первоначально «переместиться с одного места на другое, переставить себя». Однако чаще всего глагол *преставитися* употреблялся для обозначения лишь одного перемещения — «из этого мира в мир иной». В памятниках он постоянно использовался в таких сочетаниях: *преставитися — отъ свѣта, отъ жития, к богу, въ вѣчную жизнь, в бесконечную жизнь, на истинныи животъ* («на истинную жизнь»), *отъ временныихъ на вѣчныя* (т.е. «от временного к вечному»), *к животу бессстрастья* («к жизни без страданий») и т. п.

Лишь в очень редких случаях глагол называл какие-либо иные перемещения.

Такие употребления отмечены в наиболее древних памятниках; так, в «Изборнике 1076 г.» читаем: «Аш(т)e бо съ мудрыми члѣвками бесѣдующе скоро въ обрызы [описка вместо въ образы] ихъ прѣставимъся [Если будем беседовать с мудрыми людьми, то скоро станем на них похожими (буквально перейдем, «переставим себя» в их образы)]]». Однако типизированное

применение слова — обозначение смерти — постепенно стало единственно возможным: глагол стал обозначать не «переместиться», а «умереть». Глагол *преставити*, от которого образован *преставитися*, также мог употребляться для обозначения смерти, например: «Нь ба дъля не повѣдаи никому же о мне дондъже о(т) земъля бъ преставить мя [Но бога ради не поведай никому обо мне до тех пор, пока бог не удалит меня с земли (буквально «пока Бог от земли не переставит меня»)]» («Пролог», 1383 г.). Однако такие употребления глагола *преставити* были чрезвычайно редки. Этим и следует объяснить тот факт, что глагол *преставити* не получил значения «умертвить»; он мог, как и русский *переставити*, обозначать любое перемещение.

Итак, развитие значений глаголов *превзойти*, *превознести* и *преставиться* протекало следующим образом: в первичном, прямом значении глаголы применялись редко, типичным было употребление глаголов во вторичных значениях. Это наиболее частое использование в контексте стало единственным значением глаголов.

Как видим, во всех рассмотренных случаях типизация употреблений славянизмов вызывала сдвиги в их значениях. А сама типизация вызвана причиной, находящейся вне языка,— развитием церковно-книжных жанров с их специфическими особенностями употребления слов.

Калькирование

Перечисленные явления (стандартизация, типизация употребления, ограничение сочетаемости, «заражение»

от контекста) — главные, но не единственныe причины изменения значений славянизмов.

Некоторые славянизмы получили новые значения только под влиянием тех греческих слов, для перевода которых они обычно применялись. Таково, например, слово *гражданинъ*. Чем объяснить развитие у этого слова значения «подданный государства, член общества»? Ведь оно образовано от слова *градъ* («город») и должно было бы, подобно русскому слову *горожанинъ*, обозначать жителя города. Дело в том, что в памятниках старославянского и церковнославянского языков слово *гражданинъ* постоянно употреблялось для перевода древнегреческого слова *πολίτης*, которое обозначало как жителя города, так и подданного государства. Это слово было образовано от греческого *πόλις* — «город-государство». Как известно, древнегреческие города («полисы») представляли собой государственные объединения. Поэтому горожанин, член городской общины, был одновременно и гражданином, т.е. подданным определенного государства. Славянизм *гражданинъ* заимствовал (или, как принято говорить, калькировал) значение греческого *πολίτης*. Долгое время слово *гражданинъ* употреблялось в двух значениях: 1) «житель города», например: «Володимеръ же обьстоя [т.е. осаждал] градъ. изнемогаху въ градъ людье. и (реч) Володимеръ къ гражданомъ...» («Повесть временных лет»); 2) «житель, подданный государства», например: «и шедъ прильпнися единому гражданину страны тоя» («Златая цепь», сборник сочинений отцов церкви, список XIV в., это цитата из Евангелия, Лук. 15, 15; однако во многих списках Евангелия в этом месте употребляется слово *житель*). Но «встретившись» в русском языке со словом *горожанинъ*, имевшим только

одно значение — «житель города», славянизм *гражданинъ* постепенно закрепился только в том значении, которое его отличало от русского слова. Почему же *городанинъ* не получило значения «подданный государства»? Ответ очень прост: оно не могло калькировать значение греческого *πολίτης*, так как вообще не употреблялось в памятниках, переведенных с греческого языка: переводы, как уже говорилось, делались на церковнославянский язык, в котором это исконно русское слово отсутствовало.

Сходным образом изменились значения славянизма *глава*. Как и *гражданинъ*, это слово сохранило то значение, которое было взято у греческого слова и которым оно отличалось от русского *голова*. Греческое слово *κεφαλή* имело значение не только «голова как часть тела», но и «верх, край» и употреблялось для обозначения начала сочинения или его раздела. Так же стало употребляться и слово *глава*.

В новой сфере — с новым значением

До сих пор мы рассматривали изменение значений славянизмов в пределах церковнославянского языка. За его пределами (в русском литературном языке, народных говорах) слово укреплялось с изменившимся значением.

Однако нередки случаи изменения значения славянизма уже в новой сфере. Эти изменения часто бывают очень существенны. Иногда слово приобретает значение, противоположное тому, которое оно имело ранее. Так произошло, например, со славянизмами *предыдущий* и *блаженный*.

Предыдущий — форма действительного причастия настоящего времени глагола *предъйти*, заимствованного из старославянского языка. Значение глагола *предъйти*, употреблявшегося почти исключительно в церковно-книжных памятниках, первоначально сложилось из его частей: *ити* — «идти», *предъ* — «вперед, перед». Например: «предъидущемъ преподъбныимъ чирноризьцемъ съ свѣщами. а по нихъ диякони [впереди шли черноризцы (монахи) со свечами, а за ними дьяконы]» («Сказание о Борисе и Глебе»). Как видим, исконным значением глагола *предъйти* было конкретное действие — движение в пространстве. Впоследствии, еще в церковнославянском языке, глагол *предъйти* изменил это значение. На основе прежнего «идти впереди в пространстве» возникло «идти, следовать впереди во времени». В значении «будущий, грядущий» употреблялась преимущественно причастная форма *предъидущий*. В этом значении форма *предъидущий* употреблялась в церковно-книжных памятниках вплоть до XVII–XVIII вв. Слова, наиболее употребительные в церковно-книжных памятниках, выходили за пределы церковнославянского языка, проникали в светскую письменность. Этот процесс коснулся и причастия *предъидущий*, гораздо более употребительного, чем другие формы глагола *предъйти*, которые так и не вышли за пределы церковно-книжной письменности. Но в новой языковой сфере *предъидущий* было осмыслено не как «следующий впереди настоящего момента, в будущем», а как «следовавший перед, до настоящего момента, т.е. в прошлом». Значение «впереди», таким образом, в церковных жанрах осмыслилось как «после, потом, в будущем», а в светских жанрах — «до, раньше, в прошлом».

Таким образом, в светских жанрах письменности церковно-книжное слово *предъидущи* получило новое значение, в котором оно употребляется и в современном русском языке.

Интересно, что подобное совмещение противоположных значений (но без распределения по жанрам) было и у слов *передний* (*предний*) и *задний*. Эти слова ранее означали как «прошлый, предшествующий», так и «будущий», например: «нашу переднюю (т.е. прошлую) дружбу къ себѣ помятуешь». («Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею», 1516 г.); «А в передние (т.е. будущие) годы с росолу дань платитъ старцемъ а за прошлые годы с росолу дани старцемъ не платити» («Книга списков с вотчинных и других крепостей Соловецкого монастыря», 1552 г.); «Нынъ же, молю вы, за преднее (т.е. прежнее) безумье покайтесь». («Поучения Серапиона Владимирского», XIII в., список XIV в.); «Преже бо того не бывал таков пожарь, от него же избави господи и в предня *(т.е. будущие)* лѣта» («Московский летописный свод» конца XV в.); «Да и о попѣхъ Ивановскихъ говорили ... чтобы попомъ ругу (т.е. жалованье) отдали за задние (т.е. прошлые) годы, что имъ не дали, да и впредь бы давали ругу» (Львовская летопись, XVI в.); «Владимиръ же бѣ разумъ древняя и задняя» (в роли существительного: будущее) (Ипатьевская летопись, список XV в.).

Слово *блаженныи*, употреблявшееся ранее исключительно в церковном обиходе, попав в народный язык, было переосмыслено и получило новое значение. В значении «невозмутимо счастливый» слово употреблялось для называния святых. К их числу причислялись и юро-

дивые: церковь поощряла юродивых — людей, добровольно, во имя веры, ставших нищими и бродягами, принявших вид безумных. «Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное», — сказано в Евангелии (Матф., 5, 3; Лука, 6, 20). Однако не у всех юродивые вызывали почтение: в народе зачастую относились к ним отрицательно, ибо их вид и поведение не вызывали симпатии. Отношение к человеку отразилось и в названии этого человека: слово *блаженный* получило значение «глуповатый, чудаковатый». С ним связаны такие слова, как *блажь*, *блажсть* (58).

Славянизмы, имевшие положительное или нейтральное значение в церковнославянском языке, часто получают неодобрительную или ироническую окраску за его пределами. Слово *разглагольствовать*, например, возникшее в церковнославянском языке, по-видимому, не ранее XVI–XVII вв., первоначально означало просто «много говорить»¹, например: «И паки двонадесятольтный [речь идет о Христе] в томъ же храмъ разглагольствование среди мудрыхъ учителей» («Проскинитарий» Арсения Каллуды; переведен с греческого языка в 1686 г.). За пределами церковнославянского языка этот глагол стал иронически употребляться в значении «говорить много, бессодержательно и высокопарно». Первые такие употребления отмечены лишь в памятниках XVIII в., например: «Мужикъ... началь было кой что еще разглагольствовать, но сапожникъ, который былъ, как говорится, себѣ на умъ, пресъкъ его балы [т.е. пустую,

¹ Слово *разглагольствовать* напоминает нам о старом, исчезнувшем значении слова *глагол*. В современном языке глагол — это часть речи, а раньше оно имело значение «слово, речь»: «Глаголом жги сердца людей» (А. С. Пушкин).

бессодержательную речь]» («Веселый и шутливый Менандр», М., 1789 — сборник коротких рассказов, перевод с латинского). Возможно, в живой речи ироническое употребление глагола *разглагольствовать* встречалось и ранее.

Сходным образом в новой сфере в разное время были переосмыслены такие славянизмы, как *прохладждаться* (первоначально «становиться холоднее»), *пресловутый* (первоначально «известный, славный»), без иронического оттенка, *пресмыкаться* (первоначально «ползать») и др.

В небольшой книге мы не можем коснуться многих вопросов, связанных с судьбой славянизмов в русском языке. Мы стремились лишь показать, что пути славянизмов в русском языке весьма многообразны, как многообразны причины их закрепления или утраты, а также изменения их значений.

Приведенные примеры показывают, что старославянский и церковнославянский языки сыграли важную роль в обогащении русской лексики, в особенности ее книжного и абстрактного слоя. Церковнославянская письменность, будучи важным фактором образованности и культуры, оказывала влияние на светские жанры письменности. Русский язык гораздо богаче славянизмами, чем другие восточнославянские языки — белорусский и украинский, на формирование которых церковнославянская традиция оказала значительно меньшее влияние. В украинских и белорусских областях отбор славянизмов производился даже в религиозных жанрах. Там существовали книги Священного Писания, переведенные на язык, близкий к живой народной речи. В этих книгах встречаются лишь очень немногие славянизмы — такие, которые прочно укрепились в разговорном языке. На русском языке в средневековый период таких

книг не было. В истории русского литературного языка отбор славянизмов был очень длительным и многообразным процессом, протекавшим не только в средние века, но и в новое время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковая ситуация на Руси в период средневековья, как видим, была своеобразна: существовали два близкородственных языка — церковнославянский и древнерусский. Двуязычие — нередкое явление для феодальной эпохи. В Западной Европе наряду с местными языками в качестве международного письменного языка, особенно распространенного в религиозной литературе, выступала латынь, которая гораздо сильнее отличалась от многих западноевропейских языков, чем церковнославянский язык от древнерусского. Ту же роль, что и латынь, играл классический арабский язык в мусульманских странах.

Роль старославянского и церковнославянского языков в истории русского языка очень велика. Обогащение русского языка славянизмами способствовало развитию всех его сторон — лексики, словообразования, синтаксиса, морфологии. Вместе с тем, как уже говорилось, на протяжении всего средневекового периода в древнерусской устной и письменной речи весьма избирательно использовались средства церковнославянского языка. Ведь церковнославянский язык никогда не употреблялся в качестве разговорного. Будучи широко распространен в сфере письменности, он не охватывал ее целиком. Существовали разнообразные художественно-повествовательные произведения, свободные от норм церковнославянского языка, не говоря уже о деловых документах и частной пе-

реписке. Авторы художественно-повествовательных произведений использовали русские слова и формы отнюдь не потому, что не знали церковнославянских: те, кто употреблял слова *городъ*, *золото* и т. п., наверняка знали широко распространенные славянизмы *градъ*, *злато* и тем не менее сознательно употребляли в письменности русские слова (наряду со славянизмами). Результаты взаимодействия церковнославянских и русских языковых элементов бывали различны: иногда побеждало русское слово (или форма), иногда церковнославянское. О причинах этого различия говорилось в третьей главе.

Естественно, что славянизмы в составе русского языка всегда существовали наряду с исконными элементами, восходящими к праславянскому языку, новообразованиями различных эпох, а также заимствованиями.

Если в Древней Руси было два языка — церковнославянский и русский, то почему сейчас существует единый русский литературный язык и в каком отношении он находится к русскому языку средневековья и к церковнославянскому? Чтобы полностью ответить на этот вопрос, надо обратиться к истории устного и письменного языка России с XVIII по XX в., к истории языка России нового времени. Мы же ограничились описанием языка Древней Руси. Отметим лишь, что соотношение книжного и народного было неодинаково в различных жанрах письменности нового времени у разных писателей. Русский литературный язык совершенствовался и стабилизировался в произведениях А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина, И. А. Крылова, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина. В этот период продолжался начавшийся уже в средневековье процесс урегулирования отношений

между элементами разговорной речи и церковнославянского языка. Именно в новое время окончательно определилась судьба членов таких пар, как *блато* — *болото*, *град* — *город*, *злато* — *золото*, *брег* — *берег*, *нощь* — *ночь* и т. п. (17, 77), завершилось размежевание значений слов типа *прервать* — *перервать*, *оградить* — *огородить*. Многие славянизмы получили новые, «мирские» значения. Заимствованные слова, широким потоком влившимися в язык эпохи Петра I, затем подверглись постепенному отбору: часть их быстро вышла из употребления (*аттенция* — «внимание», *консiderация* — «уважение», *эстима* — «почтение», *офириовать* — «предложить» и т. п.), но другие сохранились до настоящего времени (*администратор*, *бухгалтер*, *министр*, *верфь*, *физика*, *материя*, *тротуар*, *дуэт*, *конфисковать*, *претендовать*, *афишировать* и др.). Словарный состав языка обогащается словами (иногда созданными по модели иноязычных слов), относящимися к самым различным областям общественной жизни и культуры: *будущность*, *изобретательность*, *образованный*, *влюбленность*, *вольнодумство*, *картинный*, *отношение*, *первоклассный*, *промышленность*, *личность*, *взыскательность*; *предрассудок* (калька с франц. *préjugé*), *предмет* (лат. *objectum*), *вменяемость* (франц. *imputabilité*), *влияние* (франц. *influence*), *изысканный* (франц. *recherché*) и др. В повседневном литературном употреблении постепенно закреплялись бывшие просторечные слова и выражения (*потакать*, *невмочь*, *исподтишка*, *ломать голову*, *куры не клюют*, *повесить нос* и др.), а также некоторые элементы деловой речи (*учинить*, *дело*, *бумага*, *таможенный досмотр* и др.).

Церковнославянский язык, как уже говорилось, постепенно ограничивал сферу своего применения в пись-

менности. Этому существенно способствовало «обмирщение» общественной жизни и культуры в эпоху Петра I. В дальнейшем все сильнее чувствуется осторожное и внимательное отношение к употреблению архаичных славянизмов в литературных произведениях. М. В. Ломоносов в своей стилистической теории исключал «весыма обеташые славенские речения» даже из «высокого штиля». Особенно решительно ограничили использование славянизмов Н. М. Карамзин, ориентировавшийся на разговорный язык высших кругов общества, а затем А. С. Пушкин, которому удалось дать такие образцы соединения славянизмов с народно-разговорными элементами, которые оказали решающее влияние на выработку устойчивых норм русского литературного языка.

Ученые и писатели XVIII и XIX вв., как правило, рассматривали «славенский» язык как нечто отличное от русского литературного языка. Они говорили об использовании элементов «славенского» языка в русском литературном языке, но никогда (если не считать «архаистов» вроде А. С. Шишкова и его единомышленников) не отождествляли русский литературный язык с церковнославянским. Приведем лишь высказывания А. А. Бестужева-Марлинского и А. С. Пушкина.

«Язык славенский служит теперь для нас арсеналом: берем оттуда меч и шлем, но уже под кольчугой не одеваем героев своих бычачьей кожею, а в охабни рядимся только в маскарад. Употребляем звучные слова, например, *вертоград*, *ланиты*, *десница* (позднее и они вышли из употребления.— И. У.), но оставляем червям старины *семо* и *овамо*, *говяды* и тому подобное» (А. А. Бестужев-Марлинский. Замечания на критику... «Сын отечества», 1822, № 20).

«Давно ли стали мы писать языком общепонятным? Убедились ли мы, что славянский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своюравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать *да ложет мя лобзанием* вместо *цалуй меня etc.*» (А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург, 1833–1834).

В новое время двуязычие было постепенно ликвидировано. Передав русскому языку значительную часть своего богатства, церковнославянский язык замкнулся в церковных рамках. Русский литературный язык использовал это богатство, так же как и разнообразные просторечные и народно-диалектные элементы. В пушкинскую эпоху был завершен процесс формирования того русского литературного языка, который в своей основе сохранился до наших дней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.–Л., 1947.
2. Алексеев А.А. Пути стабилизации языковой нормы в России XI–XVI вв. // Вопросы языкоznания, 1987, № 2.
3. Алексеев Н.Н. Неполногласная лексика в былинках. Автореферат докторской диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Псков, 1951.
4. Белозерцев Г.И. Соотношение глагольных образований с приставками *вы-* и *из-* выделительного значения в древнерусских памятниках XI–XIV вв. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.
5. Белозерцев Г.И. О соотношении элементов книжного и народного языка в памятниках XV–XVII вв. (на материале глаголов с приставками *вы-* и *из-* выделительного значения). // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966.
6. Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Изд. Львовск. гос. ун-та, 1949.
7. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2-е, дополненное. М., 1965.
8. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.
9. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 3-е изд. М., 1982.
10. Винокур Г.О. Русский язык. Исторический очерк. // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
11. Волков С.С. Развитие административно-деловой терминологии в начале XVII века (по документам «Слова и дела»). // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961.
12. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I–II. Тбилиси, 1984.
13. Горшков А.И. История русского литературного языка. М., 1969.
14. Горшкова К.В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., 1968.
15. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд., М., 1997.
16. Гранстрем Е.Э. О происхождении глаголической азбуки. // Труды отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы. Т. XI. М.–Л., 1955.
17. Граудина Л.К. Количественные изменения в употреблении неполногласных слов в русской поэзии второй половины XIX в. // Лексикографический сборник. Вып. V. М., 1962.
18. Данилов В.В. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы. Т. XI. М.–Л., 1955.
19. Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.
20. Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. 2-е изд. М., 1969.
21. Жиков В.М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкоznания. М., 1988.
22. Жуковская Л.П. Лексические варианты в древних славянских рукописях. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.
23. Жуковская Л.П. Сколько книг было в Древней Руси? // Русская речь, 1971, № 1.
24. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
25. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. М., 1990.

В список включены все работы, на которые имеются ссылки в книге, а также ряд других важнейших работ по истории русского языка.

26. Исаченко А.В. Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов? // Вопросы языкоznания, 1958, № 3.
27. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
28. История культуры Древней Руси. Т. 1–2. М.–Л., 1948–1951.
29. История СССР. Т. 1–2. М., 1966.
30. История русской литературы. Т. 1. М.–Л., 1941.
31. Истрик В.М. «Хроника Георгия Амартола» в древнем славяно-русском переводе. II. Пг., 1922.
32. Кандаурова Т.Н. Полногласная и неполногласная лексика в прямой речи летописи. // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968.
33. Кандаурова Т.Н. Случаи орфографической обусловленности слов с полногласиями в памятниках XI–XIV вв. // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968.
34. Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря Древней России. М.–Л., 1937.
35. Крысько В.Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
36. Крысько В.Б. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 1997.
37. Лапшин В.А., Рождественская Т.В. Новые находки берестяных грамот в Твери в 1996 г. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород, 1997.
38. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (Х — середина XVIII в.). М., 1975.
39. Левин В.Д. Краткий очерк истории русского литературного языка. М., 1958.
40. Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963.
41. Лихачев Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.–Л., 1962.
42. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., Л., 1979.
43. Лудольф Г.В. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переиздание, перевод, вступительная статья и примечания Б. А. Ларина. Л., 1937.
44. Львов А.С. Еще раз о древнейшей русской надписи из Гнездова. // Известия Академии наук СССР, серия литературы и языка, 1971, т. XXX. Вып. 1.
45. Можельская О.С. Судебник 1497 года и Псковская судная грамота // Начальный этап формирования русского национального языка. Изд. ЛГУ, 1961.
46. Молдаван А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
47. Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.–Л., 1946.
48. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
49. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958; т. III. М., 1968; т. IV. М., 1977.
50. Ремнева М.Л. История русского литературного языка. М., 1995.
51. Рождественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.
52. Русские писатели о языке. Хрестоматия. Л., 1954.
53. Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1997.
54. Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968.
55. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–VI. М., 1988–2000.
56. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–35. М.–Л. (СПб.), 1965–2001.
57. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–25. М., 1975–2000.
58. Смирнова О.И. Один случай энантиосемии. // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966.
59. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907.
60. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. // Ф. де Соссюр. Труды по языкоznанию. М., 1977.

61. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1, СПб., 1893; т. 2, СПб., 1895; т. 3, СПб., 1903.
62. Тарановский К. Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI–XIII вв. // American contributions to the VI International congress of slavists. The Hague, 1968.
63. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
64. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.
65. Трубачев О.Н. В поисках единства. 2-е изд. М., 1992.
66. Улуханов И.С. Предлоги *предь* — *передь* в русском языке XI–XVII вв. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.
67. Улуханов И.С. Славянские и народно-разговорные слова в памятниках древнерусского языка XI–XIV вв. (глаголы с приставками *пре-*, *пере-* и *предь*). // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1969.
68. Унбегаун Б.О. Историческая грамматика русского языка и ее задачи. // Язык и человек. М., 1970.
69. Устенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). München, 1987.
70. Устенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.
71. Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнерусской эпохи. Л., 1949.
72. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.–Л., 1962.
73. Филин Ф.П. Языки-братья. // Русская речь, 1970, № 5.
74. Филиппова В.М. Развитие глагольной фразеологии в русском литературном языке XVIII в. (Устойчивые глагольно-именные сочетания). // Русская литературная речь в XVIII веке. Фразеологизмы. Неологизмы. Каламбуры. М., 1968.
75. Хабургаев Г.А. Становление русского языка. М., 1980.
76. Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
77. Цейтлин Р.М. Из истории употребления неполногласных слов-вариантов в русской художественной речи конца XVIII — начала XIX века. // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964.
78. Черных П.Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1953.
79. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. П., 1915.
80. Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Ч. I. Пг., 1916.
81. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.
82. Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
83. Шмелев Д.Н. Архаические формы в современном русском языке. М., 1960.
84. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
85. Шмелева И.Н. Торговая терминология XVI века (по материалам Торговой книги). // Начальный этап формирования русского национального языка. Изд. ЛГУ, 1961.
86. Юрьев Б. Продолжение следует. Обнаружены фрагменты берестяной грамоты // «Независимая газета», 5 мая 1998 г.
87. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.
88. Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1975.
89. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983). М., 1986.
90. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
91. Янин В.Л., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // Вопросы языкоznания, 1998, № 3.